

Гусейнова Ольга

В плену твоих лап

Это третья история о невероятном клане оборотней Морруа. В этот раз, свое счастье найдут Поль и Этьен.:

Я — полукровка, дочь оборотня и человека. Моя семья — это заботливый дед, любимая тетушка и бабушка, кажется нет причин для грусти, ведь я любимица семьи. Но одержимость одного и любовь другого оборотня, меняют наши жизни, вовлекая в круговорот приключений, опасностей и...любви.

Ольга Гусейнова
В плену твоих лап

Глава 1

Довольно большое летное поле аэродрома небольшого сибирского городка Усть-Лим заливало яркое солнце. Светило, но уже не грело, а пронзительный ветер гонял по площадке для посадки вертолетов оранжевые, желтые, красные листья. Словно развлекал или поторапливал людей, приехавших к месту стоянки старого, но вполне работоспособного, большого вертолета на двух автомобилях с солидным охотничьим снаряжением. Еще не мокрые и бурые, а по-осеннему нарядные разноцветные листья то покрывали скучно-серую бетонную полосу красочным ковром, то неслись вдоль нее, кружились и с шелестом опадали.

Завернувшись в пуховую ажурную шаль, я расстроено смотрела в сторону винтокрылой машины, в которую только что загнали потрепанный жизнью уазик. Руководили погрузкой два пилота. Пассажиры сегодня несколько необычные — четверо арабов в развевающихся на головах белых платках-гутрах: двое солидного возраста и двое молодых, наверняка с военной или похожей на нее, подготовкой, переговариваясь между собой, заносили внутрь сумки со снаряжением и провизией. За их четкими размеренными действиями следила необыкновенно красивая, стройная молодая женщина с не менее интересным, редким именем — Василика.

Ветер-забияка трепал ее длинные черные волосы, а лучи солнца нежно касались золотистого, смуглого от природы лица. Одернув зеленую куртку, она обернулась, и ее пухлые, чувственные губы дрогнули в мягкой, успокаивающей улыбке, обращенной ко мне. Пришлось изобразить на лице спокойствие и уверенность, загнав подальше привычный безотчетный страх. И все-таки я не сдержала тяжелого вздоха, отчего серо-зеленые глаза Василики, словно подернутые чувственной поволокой, затуманились еще больше, и теперь в них тоже светились беспокойство и тревога. Она бросила короткий неуверенный взгляд на арабов, потом снова на меня, нахмурившись.

Чуть в стороне с начальником аэродрома беседовал не менее примечательной внешности молодой мужчина. Этот высокий широкоплечий брюнет привлекал внимание не столько красивыми чертами лица, сколько аурой мужественности и внутренней силы. На людях мы обращались к нему коротко, по имени: Влад. И каждая из трех женщин семьи Мишкиных питала к нему глубокие чувства. Я — глубокую привязанность, любовь и уважение. Влад всегда искренне и по-доброму заботился о нас, чем бы не занимался, какие бы мысли, проблемы и эмоции его не одолевали.

— Ненавижу осень! Только началась, а уже промозглость и холодрыга. З-замерзла я, — раздалось ворчание позади меня.

Вздрагнув от неожиданности, я обернулась к другой родственнице — тетке по маминой линии и одновременно единственной подруге. Аня или по паспорту Анфиса Владиславовна Мишкина даже в плотных джинсах, теплом свитере и стеганой безрукавке подрагивала от холода, зябко подняв плечи и обхватив себя руками. Мерзлячка, вон и кончик точеного римского носика покраснел.

— Иди в машину погрейся, думаю, скоро полетят уже, — посоветовала я, снова поворачиваясь к вертолету. Меня «короткая, но дивная пора» сегодня тоже не радует.

— Вообще не понимаю, что этим арабам из Эмиратов понадобилось в нашей глуши? — в который раз заворчала Аня. — Если только зад морозить. Мужикам шестой десяток, а они

в Сибирь на охоту. Скорее всего, самолюбие потешить. Подавай им бедного медведя, видишь ли.

— Мужчины, что с них взять, — я пожала плечами.

— Много ты в мужчинах понимаешь, — насмешливо фыркнула тетка.

— Достаточно, — буркнула я. — Мне с ними бок о бок третий год работать приходится.

Сама понимаешь, мебельная фабрика — это тебе не салон красоты...

— Я...

— Девочки, что случилось? Вы сейчас надутых индюшек напоминаете, — слегка нахмутив смоляные, идеальной дугообразной формы брови к нам шла Василика.

Переменчивые словно северное море, чуть раскосые серо-зеленые глаза потемнели, черные пряди волос норовили попасть в рот, поэтому она их слегка раздраженно откинула за спину. На высоких скулах овального личика от холодного ветра проступил румянец. Сейчас ей и двадцать пять с натяжкой можно дать, настолько свежей и юной она выглядит, хотя давно за сотню перевалило.

— Такие же сморщенные? И с красным клювом? — насмешливо наморщила покрасневший носик Аня.

— Вы у меня бесподобные красотки, сами знаете, — белозубо улыбнулась Василика, прежде чем мягко попеняла: — Детка, мы должны радоваться, что папа денежных клиентов нашел. Они доллары платят, значит — наш фонд безопасности значительно вырастет.

— Мам, да все я понимаю, — уныло махнула рукой красотка-мерзлячка. — Целых две недели без вас будет скучно. И страшновато одним.

— Папа как обычно попросил Климова присмотреть за нашей территорией, пока нас не будет, — Василика хмурилась — тоже не любила оставлять нас одних надолго.

— Все в порядке, мамочка, я просто нервничаю, когда вы с папой надолго в тайгу с туристами уходите.

— Все будет хорошо, — наша старшая красавица поцеловала Аню в лоб, будто та еще совсем малышка, и ласково погладила по спине. — Но напоминаю: без папы в лес не ходят, домой возвращаются засветло и ведут себя тихо.

— Я тоже обниматься хочу, — хихикнула и обняла своих самых близких родственниц на белом свете.

— И я! — услышали мы родной хриловатый голос. Влад крепко стиснул в широких объятиях одновременно нас троих. Потом отстранился, окинул веселым взглядом и, мотнув головой, поделился: — Девочки, вы у меня невероятные красавицы.

— Одна уж точно, — хмыкнула Аня, — а две другие — попросту копия. Вы постарались на славу.

С ней нельзя не согласиться. Моя тетушка и я практически копии Василики, и мама... была. Различия, конечно, есть, но незначительные, чтобы браться во внимание. Самое примечательное: у Анфисы глаза светло-карие, отцовские, а у меня — серо-голубые, почти прозрачные, будто хрусталь, видимо, тоже в отца, если бы я его знала. Но именно из-за внешнего сходства у нас возникали проблемы.

— Кто ж знал, что природа так шутить умеет, — виновато пожала плечами наша старшая родственница.

— Девочки, времени нет, по коням, — Влад наиграно строгим голосом прервал нашу болтовню. — Груз на борту, вертушка готова, наши туристы горят желанием встретить самого большого медведя, так что нам пора в путь,

— Лисенок, ты ничего не скажешь о наших гостях? — Василика внимательно посмотрела на меня.

Пока я вытаскивала из кармана вельветовых штанов два смятых рисунка, надеялась, что родственники изменят планы, особенно когда Влад, расправив бумагу, посмотрел, нахмурился и спросил:

— Ты уверена?

— Дед, ну ты же сам знаешь выкрутасы моего дара. Ваш дорогой Абдулваххаб найдет свое счастье в объятиях медведя, о чем страстно мечтает.

— Неужели он смерти ищет? — удивилась Василика. — Вот же непредсказуемые люди...

— Не знаю, здесь место и момент, который его осчастливит больше жизни, — вздохнула я. — Вы предупреждали, что тайга не городской парк, там бродят настоящие медведи, не желающие быть охотничьим трофеем?

— Страховку они оформили в иностранной компании, — задумчиво произнес Влад. — Я выяснил, что эмир неизлечимо болен раком. Вероятно, умереть в бою с сибирским мишкой для него действительно счастьем станет. И гордостью... посмертно.

— Ладно, учтем. А с остальными как? — поторопила Василика. — А то потеряем сразу всех клиентов в тайге — потом хлопот не оберемся, доказывая, что не виноваты. Лишнее внимание нам ни к чему.

Мы дружно молчаливо согласились: любое внимание для нас чревато слишком нежелательными последствиями.

— Второй рисунок для молодого, которого зовут Рагибом. Но он свое счастье встретит не на просторах Сибири. Видите, ковры и красotka в абайе...

— Значит, проблемы только с одним будут, — подвел итог Влад.

Я пожала плечами, мой дар слишком специфичный и, по-моему, абсолютно бесполезный. Рисовать я полюбила с детства, и временами мое увлечение походило на одержимость. И только со временем, когда подросла и научилась работать карандашом и кистью более-менее прилично, совершенно случайно начала прослеживать закономерность.

Иногда, после встречи с кем-либо знакомым или нет, у меня возникали видения, которые нестерпимо тянуло запечатлеть. Выходили странные рисунки, ненормальные для ребенка, видевшего в жизни, на экране и в книгах еще не так много, даже с учетом воображения. А на клочках бумаги, салфетках и альбомных листах карандашами, мелками и красками, буквально попавшимися под руку, я изображала незнакомые места, городские улочки, комнаты, чужие лица, мужские или женские. И всегда фиксировалось время — на наручных часах, на городской ратуше. В общем, я «видела» место, время и действие или обстоятельство, когда человек мог встретить свое счастье. Не каждый же способен распознать в другом свою идеальную половинку: внешность не та, город чужой, а может и целый континент...

Вот так я и предсказала парочке наших знакомых удачную минуту и место встречи со своим счастьем. Как ни удивительно, чудо свершилось — пары обрели избранников. Слухи обо мне быстро поползли по городу, потянулись страждущие одинокие люди, но вскоре я стала посмешищем. Сам по себе запечатленный момент не давал полной картины, потому что не известно, в какой день, какого месяца и года произойдет сие долгожданное событие. И где конкретно вожденная квартира, улица или снежная вершина, предназначенная для встречи влюбленных — пеших ли, конных, на горных лыжах. Или где заядлый игрок получит

заветный куш, а тщеславный обретет славу. Я не знала, куда конкретно или хотя бы приблизительно им бежать за своим счастьем.

И ярким примером тому «рисунок персонального счастья», что пылится у Анфисы уже год, увидев который, она испуганно вздрогнула. И было от чего: заштрихованный черным углем альбомный лист с парой желтых, яростно горящих огоньков. Хотя счастье каждый понимает по-своему, в частности, пожилой эмирец, вероятно, найдет его в смертельной схватке со зверем. И лишь подсвеченный циферблат в уголке того самого рисунка радовал мою любимую тетюшку. В два часа ночи она точно на улице нос не высовывает. А теперь и подавно.

— Родная, выход за тобой, я пошел, — Влад шлепнул жену чуть пониже спины и легкой упругой походкой направился к вертушке. Никто и никогда не дал бы этому молодому, крепкому мужчине сто восемьдесят семь лет, даже в шутку.

Все пассажиры уже разместились внутри, их сопровождающий помахал нам рукой из люка, мы втроем привычно сели в машину, где Василика быстро разделась перед трансформацией.

Влад зычно крикнул:

— Васька, ко мне!

— Раскомандовался, — буркнула недовольная «собачьим» сокращением своего имени Василика и сменила ипостась.

Аня выпустила из автомобиля мать, принявшую облик темной, почти черной волчицы, и та потрусилась к вертолету.

Да, в нашем современном прогрессивном мире живут оборотни, и я, и моя семья имеем к ним прямое отношение. Влад и Василика — мои дед и бабушка, а выглядят ненамного старше внучки. Они всегда работают вместе, потому что неразлучны. Оборотень, обретший пару, и дед, конечно же, в том числе, в принципе не способен оставить ее больше чем на день, а влюбленный — и подавно.

Волчица, подбежав к ожидавшему ее мужчине, преданно потерлась о него боком, вызвав улыбку, полную нежности. Он что-то крикнул в салон вертолета, видимо там охрана эмира обеспокоилась при виде грозного зверя. А ведь несколько минут назад горячие арабы плотоядно рассматривали Василику, и нас с Аней тоже.

Благодаря внешнему сходству, нас считают сестрами, чем мы непременно пользуемся, когда вынуждены менять место жительства. Что нам приходится делать постоянно, во избежание подозрений из-за отсутствия возрастных изменений.

В Усть-Лим мы перебрались десять лет назад, когда я еще походила на тщедушного щенка, как ласково говаривал дед, или жеребенка-стригунка, как посмеивалась бабушка. Первая трансформация у меня прошла только в двадцать лет. Родня втайне переживала, опасалась, что оборота вообще не произойдет по той причине, что я — полукровка, которых почти не бывает. Дед слышал лишь о десятке подобных случаев. Значит, я исключение из правил.

Причем, исключительность пришлась не в мою пользу. Ребенком я была слабеньким и худеньким, взрослела слишком долго, половое созревание наступило в двадцать лет, тогда-то и оборот первый случился. Оборотни живут долго, обладают невероятной живучестью и регенерацией, а после первой трансформации, происходящей с началом полового созревания, становятся почти бессмертными. Именно поэтому до двадцати лет надо мной постоянно тряслись. Даже в первый класс я пошла запоздало, в восемь лет, чтобы не

выглядеть совсем малышкой среди ребятни.

Заработали, зашумели винты, погнали сильный поток воздуха. Мы с Аней, закрывшись в автомобиле, проводили взглядом взлетевший вертолет и синхронно печально вздохнули.

— Может, тортик испечем? — задумчиво предложила тетя.

Другое дело — настроение у меня поползло вверх.

— Может, еще к Пахомычу заедем? Если он уже вернулся с рыбалки, осетринки купим, — поддержала я, завела машину и тронула ее с места.

— Давай! — светло-карие глаза Ани блеснули энтузиазмом. — Эх, жаль, моего Валюши больше нет, он копченую рыбку сильно уважал.

— Дядю Валю десять лет назад похоронили, а ты его каждый день при каждом удобном случае вспоминаешь, — насмешливо покачала головой.

— Так хороший был человек, да и мужик — какого поискать. Любил меня до самой смерти. В семьдесят мог завалить кабана руками, — возмущилась, что я не соперничаю по ее покойному супругу тетюшка.

— Я его тоже любила по-своему, успокойся, — улыбнулась я, пытаюсь исправить оплошность.

— Мне кажется, папа осуждал меня за связь с человеком. Тайком. Он до сих пор иногда странные взгляды на Валькины фотографии бросает.

— Он не тебя осуждает, а себя, — опять не подумав, ляпнула я, сворачивая с трассы на гравийную дорогу, ведущую к деревне Плутовки.

— Почему себя? — удивленно спросила Аня, просунувшись между передними сиденьями ко мне поближе. Она не любила машины, не умела и не хотела их водить и в большинстве случаев садилась назад.

Я пожала плечами, но все же призналась:

— Я случайно их разговор с бабушкой подслушала. Дед винит себя в том, что оказался слабым оборотнем и не выступил против Мирослава в открытой схватке. И поэтому одна его дочь погибла, а вторая делила жизнь с человеком. Его сильно гнетет, что мы вынуждены скрываться, а не живем среди своих, не имеем возможности встретить пару, без защиты клана и...

— Глупости! — рыкнула Анфиса. — Вон, Василика, встретила Влада, свою пару — а дальше? Смогли они жить вместе под защитой клана? Нет, потому что одному одержимому придурку оборотню пришло в голову, что пара — не стенка, а вот его желания — альфа и омега. А я сорок шесть лет в браке с человеком прожила, спокойно и счастливо. Валька знал, кто я, знал, что детей у нас не будет и умереть в один день тоже не выйдет. Мирился с нашими переездами и тайнами, холил меня и любил до гробовой доски. Я ни секунды не пожалела о своем решении жить с ним, и постель моя была горячая а не одинокая.

— Особенно, когда ему за семьдесят перевалило, — беззлобно хихикнула я.

Аня покраснела, махнула рукой и призналась:

— Ладно, Лиса, твоя взяла, последние двадцать лет мне на самом деле не хватает секса. Но рисковать не тянет и искать приключений на свой хвост — тоже.

— Из-за моей мамы, да? — грустно спросила я.

Мы заехали в деревню, осторожно проехали по тихой улочке, чтобы случайно испуганную домашнюю живность не задавить, и остановились у старого деревянного дома возле реки. Во дворе у Пахомыча сушились сети и стояла пара удочек. Значит, хозяин уже вернулся. Он уходил на рыбалку часа в четыре, а к восьми возвращался с уловом. Мы часто

покупали у него рыбу.

Спустя полчаса, перекинувшись городскими и деревенскими новостями и слухами со старым рыбаком, мы загрузили в багажник мешок со свежей рыбой и отправились домой.

Дед десять лет назад, когда мы только приехали в Усть-Лим, приобрел уединенный дом на окраине пригородного поселка. Наш довольно большой участок упирается забором в лесной массив, где мы частенько прогуливаемся на четырех лапах. Ближайшие соседи — супружеская чета Климовых — живет в том же поселке. Сергей Климов служит егерем в ближайшем охотоведческом хозяйстве и на этой почве они сдружились с Владом. Поэтому наш дед, отлучаясь с туристами в тайгу, просит Климова присматривать за нами.

Сегодня воскресенье, и оставшееся время мы убрали дом, делали заготовки на зиму, а Анфиса еще и вкусненькоестряпала. Она вообще любит готовить, а я больше в подмастерьях. Вечером, тепло одевшись, мы сидели на веранде и пили чай с тортиком собственного приготовления, наслаждаясь тишиной, лесным духом и неповторимым ароматом осени.

Недалеко от веранды, в специальном каменном мешке, трещал костер, взмывая вверх искрами, завораживая красным танцем, а внутри у меня грелось странное предвкушение. Я лениво, не задумываясь о том, что творю, водила мелками по листу в альбоме, глядя на утонченный благородный профиль тетки, подсвеченный тусклым фонарем и огнем костра.

— Ну зачем ты эту гадость снова рисуешь? — недовольно спросила она.

Я моргнула, возвращаясь в реальность, посмотрела на рисунок и тоже нахмурилась: опять черный квадрат и жуткие, светящиеся яростью звериные глаза. А в углу рисунка явно дорогие даже не часы, а спортивный хронограф с несколькими циферблатами, на одном из которых светится цифрами время: два часа ноль-ноль минут — ночное, а не дневное. Остальные «кружочки», изображенные символически, ни о чем не говорили.

— Не знаю, Ань, я впервые рисую одно и тоже повторно, — растерялась и резко, сама испугавшись, — прямо мистика какая-то! — отодвинула альбом. — Не к добру это!

Сумрачно-серым утром следующего дня вставать совершенно не хотелось, но рабочий день никто не отменял. Я потянулась, опять свернулась клубочком и еще минутку под одеялом наслаждалась покоем, а потом решительно поставила ноги на теплый деревянный пол. Влад всегда основательно подходил к обустройству нашего очередного логова. Дом для его семьи и горячо любимой жены должен быть крепким, уютным и надежным.

На кухне Аня в симпатичной пижаме в синий цветочек варила на плите кофе.

— Ты чего так рано?

— Жена мэра напросилась на стрижку и укладку, они с мужем сегодня в Иркутск едут по важным делам, — пояснила она, зевая и спросонья потирая глаза.

— Может, меня тогда заплетешь? — состроила я умоляющую гримаску. — А то надоели ракушки на голове.

— Детка, зачем ты себя уродуешь? — хмуро поинтересовалась Анфиса, взяв тон старшей сестры. — Тебе двадцать шесть уже, можно подумать и о мужчинах. Сексе, в конце концов.

Она разлила кофе по кружкам, поставила на стол вчерашний торт и запеченную рыбу и, сев напротив, приготовилась выслушать возражения.

— А ты последние двадцать лет много думала о сексе?! — иронизировала я, приступая к завтраку.

— Я была в трауре, — быстро нашла оправдание тетя.

— Дядя Валя, видимо, оценил, где-то там... на небесах. И как долго еще продлится траур твой? — подковырнула я.

— А что ты предлагаешь? — вскинулась Аня. — Я не железная и не готова снова хоронить любимого. Переживать его старость... болезни, смерть...

— О! Хорошая мысль! — отсалютовала я кусочком рыбы на вилке. — Вот и я тоже — не готова, — пожалала плечами, мол, разговор ни о чем, и ты, дорогая моя Анечка-Анфиса, об этом прекрасно знаешь, и глотнула обжигающий кофе. — Учусь на твоих ошибках.

Анфиса бросила ложечку, хотела встать из-за стола, но передумала. А я принялась за рыбу. Как ни печально, обе в ловушке.

Наши дед и бабушка встретились в тысяча девятьсот четырнадцатом году. Шла Первая мировая, или, как тогда говорили, Великая война. Обстановка нестабильная и опасная. Совсем юная волчица Василика бежала с семьей в Россию из Румынии, где их клан был разорен и почти уничтожен окрестными жителями. Оставшиеся в живых попросили защиты у главы крупнейшего петербургского клана Мирослава Серого. На новом месте юная, красивая, невинная Василика привлекла внимание этого матерого оборотня, привыкшего приказывать и получать что бы ни пожелал. Серый увлекся моей будущей бабушкой не на шутку.

На одном из приемов, где собирались семьи наиболее значимых оборотней, Василика, будучи уже официальной подругой Мирослава, встретила молодого горячего Владислава Мишинского — свою пару. Истинного! Мирослава, конечно же, соперник не обрадовал. Влада попытались убить.

Однажды бабушка коротко и печально поведала о тех событиях. Ее семью вырезали за попытку вступить за дочь, после чего клан Мишинских официально отказался от сына и

родича, чтобы его не постигла та же участь.

Владу тогда всего восемьдесят пять было, по меркам оборотней — юноша. А Мирославу — более трехсот. Исход боя за спорную самку предсказуемо грозил смертью неопытному юнцу. Поэтому влюбленным ничего не оставалось делать, как сбежать. Благо российские просторы позволяют.

Где они только не побывали за сто лет. Сначала, стоило им расслабиться в надежде, что о Василике забыли, их настигали, но, хвала всем волчьим богам и Луне, удача была на их стороне. С рождением двойняшек — Марии, моей мамы, и Анфисы — семье пришлось искать тихое надежное пристанище, чтобы растить детей. Влад с Василикой, изменив фамилию на Мишкины, подались в Сибирь, надеясь под защитой леса обрести долгожданный покой.

В таежных краях, как выяснилось, обосновались и другие кланы оборотней, ведущие закрытый образ жизни, некоторые — по старым укладам. Большинство же двуипостасных предпочли крупные города с более активной интересной жизнью, возможностью жить, практически не скрываясь, меняя паспорта и дату рождения. Целыми кланами можно раствориться среди толпы людей, занять лучшее положение на социальной лестнице и в бизнесе.

Лишь однажды Влад позволил себе посетить тогда уже Ленинград — прощупывал почву для возвращения свой маленькой семьи в клан, чтобы вновь обрести положение и защиту. К сожалению, ему опять пришлось убежать из старого города, спасая голову, оставляя за собой раненных охотников. Как обмолвился дед, Мирослав не успокоился и не забыл, а по-прежнему горит желанием вернуть свою женщину. Ему показалось, тот стал еще более одержимым.

Кроме того, влиятельного жестокого Серого знают многие вервольфы или веры, как нас называют люди. Из-за тайной вековой охоты на нашу семью Василику могли узнать всюду. Оборотни не люди — пластическую операцию не сделаешь, чтобы изменить лицо или фигуру. После трансформации мы словно замираем во времени. И пока Мирослав ищет Василику — ее только тайга укроет. А с бабушкой и мы с Анфисой в прятки с судьбой играем — природа знатно распорядилась. Сложно даже представить, что будет, если спустя годы Мирослав не одну Василику найдет, а с юными копиями.

И если у моей бабушки есть дедушка: любимый, дорогой, единственный, и, по большому счету, все в порядке, то мы с Аней оказались заложницами чужой вседозволенности. Мести. Жажды крови! Боимся высунуть нос из сибирской глухомани, где на сотню верст вокруг нет ни одного вера.

В соседнем городе Влад обнаружил малочисленный и закрытый клан оборотней. Сближаться с ними мы не стремились и не пытались, но и встретиться не боялись. Дед сложа руки не сидел и мириться со своим положением не хотел. Он готовился! Чем старше оборотень, тем сильнее и неуязвимее становится. За столетие Влад заматерел, превратившись из юнца в сильного крепкого «волчару». Хитрого, коварного, расчетливого. Заводил связи среди людей в небольших городках, подобных Усть-Лиму, среди богатых туристов и охотников, что приезжали сюда и пользовались его услугами в тайге. На приисках и в криминальном мире. Использовал любые возможности и ниточки завязывал на себя, надеясь в скором времени вернуть себе, а значит и любимой, «свободу» и безопасность.

В последнее время разговоры о нашем будущем поднимаются все чаще. Влад с

Василикой слишком радеют о нас, мечтают о счастье для своей дочери и внучки. И конечно боятся потерять или накликают очередную беду. Тем более, беда уже постигла мою маму...

Анфиса с тяжелым вздохом встала, принесла расческу и вопросительно приподняла бровь, глядя на меня.

Быстренько прожевав последний кусочек рыбы, я вытерла руки и села ровно, предоставляя тетке возиться с моими длинными черными волосами. Аня у нас искусный парикмахер и визажист, и замечательно плетет косы, чем я беззастенчиво пользуюсь при каждом удобном случае. Даже не потому что люблю прихорашиваться, мне больше нравится наслаждаться ее заботой, прикосновением мягких теплых рук.

Я благодарно потерлась щекой о ее запястье и метнулась к зеркалу полюбоваться на очередной шедевр парикмахерского искусства. Увидев результат, восторженно выдохнула: «Красота-а-а!». Волосы цвета воронова крыла мастерски забраны в не тугую «круговую» косу и закреплены у виска поблескивающей хрустальной заколкой-цветком, а свободный «хвостик» словно ручеек стекает с виска на плечо.

Поймала в зеркале задумчивый Анин взгляд, обращенный на меня, и хмыкнула. Как же мы похожи! У обеих золотисто-смуглая кожа — наследство румынских родственников, идеальные черные брови, раскосые глаза в обрамлении длинных густых ресниц, высокие скулы и овальная форма лица. Форма губ немного иная, да цвет глаз. А вот фигуры: у меня — тоненькая и хрупкая, еще округляться и округляться; у Василики с Аней — шикарные женственные формы, высокая полная грудь и узкая талия.

Спору нет, мы красивые женщины. И поэтому я никогда не подчеркиваю свою внешность, скорее прячу под удобной, практичной, не привлекающей лишнего внимания одеждой кэжуал, а волосы закручиваю в непритязательный узел-ракушку.

— Завидую я тебе, — проворчала Аня, сложив руки на груди.

— Да-а-а? — опешила я, обернувшись.

— У вас с мамой глаза красивые, у нее — серо-зеленые, а у тебя — серо-голубые, и когда ты в задумчивости или рассеянная, словно дымкой заволакиваются. И выглядишь очень чувственно, таинственно....

Я расхохоталась до слез:

— Ань, я тебе тогда тоже завидую!

— Да-а-а? — заинтересованно выдала она. — А, ладно, мужики не хвалят, так хоть сами. Давай, говори мне комплимент.

— А у тебя глаза янтарные, лучистые, словно отражение солнца. И губы пухлые, чувственные. Не зря же Валя на них заглядывался.

— Ой, у него просто фантазия была бурная и... — Аня запнулась, отметив мое любопытство, вспыхнула и быстренько юркнула на кухню. — Иди доедай, а то на работу опоздаешь.

Кофе мы пили в молчании, пряча улыбки в кружки. Обе были в курсе недосказанного. Только тетюшка — восьмидесяти шестилетняя волчица — не захотела делиться полученным с человеком сексуальным опытом со мной, двадцатишестилетней племянницей, считай, вчерашним щенком. Смех, да и только. Втайне я считала себя не менее умудренной жизненным опытом, чем она, за исключением сексуального, ограниченного теоретическими знаниями.

Настроение хорошее, прическа — еще лучше, поэтому и одежду я выбрала поинтереснее. Не безликий костюм неопределенного цвета, а синий — приталенный жакет

и классические брючки плюс лодочки на невысоком каблучке.

Через полчаса я выехала на своем «фите» на работу, не хотелось опаздывать, чтобы нагоняй не получить.

Глава 3

Светофор. Осталось проехать последний жилой квартал, дальше начнется промзона: цеха и офисное здание мебельной фабрики — путь за три года изученный досконально. Горел красный, и я лениво наблюдала за прохожими, пока не обратила внимания на витрину одного из мелких магазинчиков, каких в Усть-Лиме множество. За стеклом ощерилось в посмертном оскале чучело волчицы, кажется, уставившейся именно на меня, в самую душу заглядывающей блестящими, искусно сделанными глазами. Я содрогнулась и зажмурилась: только не вспоминать! Но как забудешь?

Дед и бабушка не любили говорить об особенностях полукровок, но признавали: неведение тоже до хорошего не доведет и от опасности не избавит. Помимо того, что дети от связи оборотня и человека рождались редко, хотя их, вполне возможно, гораздо больше, но кому захочется афишировать подобное. Все известные полукровки были наделены даром, только жизнь у них оказалась короткой — их способности использовали многие сильные мира сего, в столкновениях которых часто погибали подобные мне, по меркам оборотней, слабые, хрупкие, медленно развивающиеся и взрослеющие особи.

Мария, моя мама, как однажды высказала бабушка, была непутевая. Что-то, таившееся глубоко внутри нее, тянуло в неизведанное: в тайгу, на прииски, в ночной клуб или забегаловку, заставляя искать приключений, утолять одиночество среди мужчин совсем неподходящих — недобрых, ненужных, пустых. Однажды Мария вернулась домой и заявила, что беременна. Потом на свет появилась я. Кто отец, мама не призналась. Аня как-то буркнула, что, возможно, она и сама не знала.

Материнских чувств у нее хватило лишь на пять лет, а потом она снова сорвалась в «поиск» и пропала. Спустя месяц, знакомый с Владом егерь с сожалением сообщил, что видел нашу ручную волчицу — мама не затрудняла себя, и соседи часто видели ее во втором облике, но принимали за прирученного зверя, которого мы якобы по случаю выходили. И вот тогда в нашу семью пришло горе.

Дед ушел на три дня, а когда вернулся, выглядел ужасно — серым, с потухшими карими глазами, убитым горем. Той ночью мы стояли у огромного погребального костра, поедавшего новенькое чучело черной волчицы, облик которой был родным и знакомым до боли, и промокший темный мешок, распространявший острый запах крови и несвежего сырого мяса. Наша маленькая семья стала еще меньше.

Спустя годы родные рассказали, что мама попала в капкан. Почему она не успела освободиться, мы так и не узнали, почему не сменила ипостась тоже. Вероятно, ее убили сразу. В то время я часто слышала тоскливый бабушкин вой, да полицейские интересовались, где был Влад, потому что нашли троих зверски убитых охотников, недавно хваставшихся трофеем — чучелом красивой черной волчицы. После той трагедии мы переехали...

Сзади загудели — я открыла глаза и увидела зеленый свет. Резко сорвалась с места, спеша убраться подальше от магазинчика с волчьим чучелом на витрине.

Перед одноэтажным, вполне презентабельного вида административным зданием фабрики я припарковала «фит» на свое обычное место за пятнадцать минут до начала рабочего дня. Автоматически отметила, что директорского джипа нет, и, как обычно, здороваясь с мастерами и рабочими, прошла в «святая святых» — просторную, к счастью,

отделанную красным деревом, а не современными «пахучими» материалами приемную. Эх, если бы шеф не дымил.

Секретарское место, к сожалению, пустовало, поэтому юркнуть налево, в небольшую комнатку с одним окном, выходящим во двор, не удалось. Придется подежурить в приемной в порядке взаимовыручки. В давние времена соседний с солидным директорским скромных размеров кабинет занимал заместитель, затем он служил подсобкой секретарю, и, наконец, последние три года я провожу там большую часть рабочего времени, разбираясь с документами, отвечая на звонки заказчиков и поставщиков в качестве незримого помощника директора фабрики — Леонида Петровича Музыка.

Кроме меня есть еще один помощник, вернее секретарь — Люсьена Мальшева; а в народе — секретарша Люська, наша «прима» из приемной, главное лицо и бюст компании, по совместительству любовница Музыка. Несмотря на столь значимые высокие посты, красивая и сексапильная Люсечка, как ее ласково называет наш шеф, — девушка отнюдь не заносчивая, даже приветливая и добрая, правда к тем, кто не заглядывается на объект ее нежной заботы и источник доходов. Меня Люсин «объект» по этой части не интересует совершенно, поэтому мы с ней пребываем в самых приятельских отношениях.

Шумно открыв дверь, в приемную ввалился директор. Мужчина средних лет, невысокий, жилистый, а пытит, словно пробежал десяток километров. Курит слишком много, а табачный дым раздражает мое чувствительное звериное обоняние, но приходится терпеть. Музыка, отметив отсутствие Люсечки на рабочем месте, раздраженно поморщился, но, увидев меня, слегка расслабился.

— Доброе утро, Леонид Петрович.

— Алиса, мне нужен сводный отчет по фабрике за прошлый год, — взявшись за ручку двери в свой кабинет, добавил, — срочно!

— Хорошо, сейчас запрошу и принесу.

Я проводила недоуменным взглядом явно чем-то весьма озабоченного шефа. Странно: обычно он царственно являл себя народу, напоминая петуха в курятнике. А сегодня от него исходит липкий запах страха, вполне отчетливый и тревожный.

Связавшись с бухгалтерией, экономистами и еще парой служб, я попросила немедленно предоставить отчетность. В течение пяти минут все сбросили файлы на мой рабочий стол, неужели начальников отделов попросили об этом заранее, раз быстро прислали? Более чем странно.

— Вот, Леонид Петрович. Вы просили... я распечатала на всякий случай и перебрала вам на компьютер...

— Шарова позови! — буркнул Музыка, не глядя на меня, набирая кого-то на айфоне.

Однозначно что-то случилось, интересно — что. Я выскользнула за дверь. Надеюсь, заместитель, который еще и нашу службу безопасности возглавляет, — Шаров Юрий Вячеславович — на месте или хотя бы на связи.

В этот момент в приемную, сверкая белоснежной улыбкой и изумрудными линзами в тщательно подведенных очах, вплыла Люсечка. Как правило, цвет ее глаз соответствует тону одежды. Сегодня она предстала в облегающей кожаной зеленой юбке, замшевых сапогах на высоченном каблуке и прозрачной шифоновой блузке тоже зеленого оттенка, как нельзя лучше демонстрирующей главное внешнее достоинство. И новый кружевной бюстгальтер размера D ей в помощь. Почему новый? Потому что секретарша нижнее белье выставляет, нежели скрывает, вот ее «обновки» и становились всеобщим достоянием. Я со своим вторым

с половиной размером груди даже немного позавидовала ей.

— Привет, Мусечка уже пришел? — пропела Люська, картинно откинув наращенные платиновые локоны за спину, и продефилировала к столу, источая сильный запах парфюма.

— Привет. Да, у себя, — я кивнула на дверь в директорский кабинет и предупредила, — и явно не в духе почему-то.

— А, — Люсьена равнодушно махнула ухоженной ручкой с длиннющими ноготками в тон бордовой помаде, даже моя волчья лапа такими длинными «похвастаться» не сможет, — ему вчера кто-то сообщил, что к нам едет представитель нового хозяина для проверки дел.

Хм-м-м... давно пора, даже удивительно, почему новая владелица фабрики, проживающая во Франции, столько месяцев не интересовалась отсутствием прибыли от деятельности вполне успешного предприятия.

— Ясно, — кивнула я с намерением пойти к себе и заняться текущими делами.

— Лис, а знаешь, что мне Мусечка подарил вчера? — приглушенно таинственно, восторженно выдохнула Люсечка, останавливая меня на полдороге.

— Уже горю желанием, — с некоторой иронией ответила я, зная, что она все равно покажет и расскажет. — Только дай минутку, надо Шарова найти, его директор срочно требует.

Год назад, заняв место в приемной, Люсьена сразу поняла, что я не треплю языком, умею хранить тайны и со всеми держу дистанцию, неизменно сохраняя приветливые и деловые отношения. Поэтому использовала меня в качестве добровольно-принудительной жилетки, в которую о чем только не «плакалась».

С одной стороны, утомительно, с другой — откуда столько новостей о жителях Усть-Лима узнаешь. Иногда очередные похождения местного чиновника, криминального авторитета, подружки Малышевой и прочего «бомонда» скрашивали серые усть-лимские будни лучше любого телешоу. Анфиса тоже любила послушать Люсины истории в моем исполнении и часто дополняла подробностями, полученными из уст клиенток своего — лучшего в городе, по мнению здешних дамочек, — салона красоты.

Пока я набирала Шарова и передавала распоряжение шефа, Люся присела прямо на стол и достала из сумочки от Шанель симпатичную коробочку с парфюмом, безусловно, дорогим.

— Смотри, какая прелесть! — довольно будто кошка, наевшаяся сметаны промурлыкала она. — Ты не представляешь, сколько стоит!

— Ну почему же, представить-то я могу, — усмехнулась и не успела придумать причину, которая позволила бы скрыться в своем кабинете.

Мне сунули под нос замысловатого дизайна флакон:

— Насладись запахом!

С моей-то плохой переносимостью любых искусственных ароматов, я сделала вид, что понюхала. А «насладиться» тяжелым, мускусным, вечерним ароматом, наполненным приемную и успешно перебивавшим запах сигарет, успела, едва Люся перешагнула порог.

— Замечательный аромат, — дипломатично оценила я, незаметно отстраняясь от секретарши.

— Так плохо ощущается, сейчас...

К моему вящему ужасу, девушка откупорила флакон и распылила вокруг себя вонючее облако, блаженно закатывая глаза.

Я отшатнулась, закрывая нос локтем. На глазах моментально выступили слезы.

— Ты чего, Лис? Не нравится? — опешила Люся.

— У меня на некоторые запахи аллергия, — выдавила я, собираясь спрятаться в своем кабинете.

Люся помахала руками, разгоняя дорогуший «тараканомор», но передумала и, с наслаждением вдохнув, посоветовала:

— Открой форточку над моим столом, а я тебе сейчас та-акое расскажу — ты не поверишь!

Я поспешно шагнула за стол и, рывком приоткрыв створку, высунула нос наружу, сделала глубокий вдох. К моему невезению, парфюм оказался настоящим, обоняние отшибло напрочь, боюсь, часа на два минимум.

Мимо нас, не здороваясь, в непривычно мрачном настроении прошел зам — высокий полноватый брюнет с седыми висками лет пятидесяти. Шаров, как говорят местные, бывший мент, вышедший на пенсию по инвалидности, хотя, ходят слухи, чтобы не посадили. Последнее звучало более правдиво.

На работу сюда, меня — выпускницу Иркутского государственного университета, филолога — рекомендовал знакомый деда, весьма уважаемый в округе бандит Паша Золотой. И договаривался он через Шарова. Влад с давних пор выработал стратегию: перед переездом на новое место жительства приезжал туда заранее, выяснял обстановку, находил нужных влиятельных людей и создавал опасную ситуацию для них. Затем выступал таким спасителем, после чего обретал незримого покровителя и гаранта нашей безопасности.

В Усть-Лиме таковым стал Паша Золотой, которого дед спас на охоте от стаи голодных волков. Причем сам же их и пригнал на поляну, где отдыхали двое охотников. Волки тогда не пострадали, а вот пострадавшие охотники потом клялись, что за спасение жизни век будут обязаны.

Зато теперь любой, кому придет в голову задеть меня, Василику или Анфису, лишний раз подумает, стоит ли злить нелюдимого Влада Мишкина и сурового местного авторитета.

Мы с Люсей проводили Шарова недоуменными взглядами, переглянулись и продолжили заниматься «делами»: она любовно упаковывала духи в красивую коробочку, а я жадно дышала свежим воздухом из приоткрытого окна. И именно в этот момент заметила черного цвета такси, отъехавшее от проходной. Не успела подумать, кто же к нам пожаловал, — встреч сегодня вроде никому не назначали — дверь вновь распахнулась. Я обернулась и замерла.

В приемную вошли двое мужчин. И каких! Высокие поджарые брюнеты в дорогих деловых костюмах. Любой, при виде подобных образчиков сильного пола сразу поймет: первое — иностранцы, сложно облечь в слова это ощущение, но, мне кажется, «своих» мы узнаем подсознательно; второе — прибывшие личности наделены силой, властью и деньгами. Второе буквально въелось в них, пропитало уверенные неторопливые жесты, исполнило взгляды. От этих мужчин исходила аура мощи, яснее ясного: они могут все, слишком много знают и в состоянии решить любые проблемы, даже предстоящие в далекой перспективе. Воздух в приемной словно загустел, едва они перешагнули порог, а пространство, казалось, заискрило от напряжения.

Первый почти незаметно осмотрелся, оценив обстановку за несколько мгновений. Внимательно взглянул за меня, словно коснулся волос и остального, что увидел над столом. На миг нахмурился, в его полных глазах что-то дрогнуло, будто он когда-то видел меня и пытается вспомнить, узнать. Мужчина моргнул, видимо приходя в себя, блеснул сапфировым стеклом солидного хронометра на запястье, поправляя полу синего пиджака. Затем перевел

взгляд на Люсю и остановил в области шикарной груди, прикрытой, или, лучше сказать, открытой, прозрачной кофточкой.

Люська, заметив интерес, наверняка инстинктивно чуть прогнулась в пояснице, по-прежнему сидя на краю стола с красиво скрещенными ножками в замшевых сапожках и плотоядным взглядом поедала мужчину. Этот «кошелек» гораздо больше, чем Мусечка — сомнению не подлежит. К ее явному сожалению и моему полному изумлению, заморский гость приподнял смоляную бровь в насмешливом презрении, скривив тонкие губы в ухмылке. Дальше и вовсе: вдохнув зловредного парфюма, перекосясь от отвращения. Вот как я с ним солидарна, кто бы знал, у самой глаза слезятся до сих пор и в горле першит.

За спиной «не нашего» в синем пиджаке раздался громкий смачный чих, причем довольно смешной, длинный: «Ап-чхи-и-и-и-и...»

Увидев второго визитера, я забыла обо всем на свете. Наверное, и дышать тоже. Статный, невероятно харизматичный мужчина в костюме, бесподобно облегающем его атлетическую фигуру: широкие плечи, узкую талию и бедра, длинные мускулистые ноги. В расстегнутом на три верхние пуговицы вороте рубашки видна сильная шея и немного волосатая грудь. Настоящий самец! Короткая стрижка, бесспорно, сделанная хорошим мастером, открывает высокий лоб, подчеркивает резковатую линию скул и узкое овальное лицо. Бледная кожа отлично контрастирует с волосами, хотя бриться ему, наверное, приходится не реже двух раз в день. И самое потрясающее — глаза: светло-голубые, почти прозрачные... завораживающие...

Всем своим существом я потянулась к этому мужчине, разглядывая, восхищаясь и любуясь. Хотелось вдохнуть его запах полной грудью, познакомиться с ним, насладиться, но в носу по-прежнему свербело, и я чуть лбом об стол не приложилась, громко, что называется от души, чихнув. А рефреном звучало чихание незнакомцев...

— Мадемуазель, где ваш... шеф... директор? — с сильным грассирующим акцентом спросил почти идеальный мужчина, выдвигаясь вперед и вперившись в меня. Вероятно, Люсю он не заметил.

От рычащего тембра его голоса внутри все дрогнуло, мне стало горячо. Хотелось слушать приглушенный бархатистый голос бесконечно, мало того, я поймала себя на нелепом желании: пусть сейчас еще что-нибудь скажет, пусть гневное или злое, но лишь бы не молчал.

Но вместо слов продолжалось раздраженное чихание. Люся наконец-то сообразила, что пора действовать. Грациозно скользнула со стола и с придыханием осведомилась:

— Господа, могу я узнать, как вас представить Леониду Петровичу и причину...

— Богом клянусь, у меня сейчас нос отвалится от этой вони! — зло и с некоторым отчаянием заявил на французском черноглазый, стремительно направляясь к кабинету шефа.

Голубоглазый двинулся за своим спутником, не отрывая от меня льдистого взгляда из-под густых черных нахмуренных бровей, словно сканировал, определяя суть... или сущность. Внезапно меня прошила мысль: «Они похожи на оборотней, слишком много в них животного начала...»

Загадочные посетители скрылись за дверью директорского кабинета; секретарь тоже шмыгнула за ними. А я ринулась в свою «нору» открывать окно, чтобы продышаться. Уф-ф-ф... ну и подарки у Музыкаки, пробирают. Плюхнулась на стул у окна и пока наслаждалась свежим воздухом, бездумно рисовала на попавшемся под руку листочке. Перед глазами стоял образ голубоглазого мужчины...

Звонок из мастерской прервал мой «творческий» перерыв. Пришлось срочно вникать в суть проблемы, звонить и решать, а закончив с делами, я посмотрела на листок расходника, на котором рисовала, и удивилась, увидев нашу приемную с секретарским столом. Только Люси за ним или на нем нет. И часов нет. Впервые в жизни не оказалось. Что это значит?

Спустя полчаса раздался звонок. Шеф вызвал к себе в кабинет. Странно, я на совещаниях или деловых встречах ни разу не присутствовала. Возможно, в качестве переводчика с французского — никто из троих иностранными языками не владеет. Хотя представители хозяйки фабрики обращались к нам на русском, правда с сильным акцентом.

Проходя через приемную, я снова чихнула. Чертовы духи! На редкость стойкий и удушливый запах. Поправила жакет, огладила бедра, расправляя невидимые складки на брюках, автоматически проверила прическу — ведь за стеной практически совершенного вида мужчины, перед которыми хочется предстать в самом лучшем свете, — и бесшумно вошла в просторный директорский кабинет. Огромный стол у окна и дополнительный напротив, для совещаний, пустыют, а топ-менеджеры и проверяющие разместились в зоне отдыха, как ее называет Люся. Ей виднее — часто пользуется.

Шаров и Музыка, с замершей позади него секретаршей, расположились в креслах, спиной ко мне, и как-то осторожно, будто попали в клетку к хищникам и боятся лишним жестом спровоцировать нападение, но готовы в любой момент сорваться с места. А окутанные аурой опасности «гости», наоборот вольготно расселись на диване, вытянув длинные ноги в хороших туфлях. И с явным неудовольствием взирают на «хозяев» и раздражает их в основном Люсьена — бедняги, до сих пор шмыгают покрасневшими носами и покашливают. Слишком чувствительные к запахам аллергии? Оба? Или они...

Меня буквально распирало, до чего хотелось, чтобы обоняние вернулось, надо же выяснить: оборотни или нет?! Между тем я вновь попала под пристальное внимание двух пар глаз — полночной и льдистой. С той разницей, что черноглазый мужчина смотрит задумчиво, даже несколько удивленно, словно никак не докопается, где еще встречал, или, может быть, что во мне такого привлекательного, а вот голубые глаза второго с каждым мгновением «оттаивали», утрачивали выражение ледяного безразличия.

Этот мужчина нахмурился, кажется, бессознательно подавшись вперед, словно хотел подойти ко мне. Я тоже не могла отвести взгляд от него. Вот бы приблизился, протянул руку... Услышать бы опять его глухой голос, который словно бархатом коснется кожи...

Из плена небесных глаз меня вызволил Музыка:

— Алиса, ваше знание языков сейчас очень кстати. Господа прибыли из Франции, просмотрите их документы, удостоверяющие полномочия на проверку деятельности фабрики и принятие юридических решений.

— А разве у них нет заверенной нотариусом копии с переводом на русский? — удивилась я.

— Я сказал, ты делаешь! — прогневался шеф и не заметил, как голубоглазый француз едва не злобно ощерился, а другой опасно сощурился, разглядывая собеседников, словно будущий обед.

— Может быть кофе или чай? — осторожно предложил все подмечающий Шаров гостям.

Те точно сначала хотели отказаться, но, взглянув на секретаршу, неожиданно, или ожидаемо, дружно кивнули.

— Люсьена, кофе принеси... — многозначительно произнес Юрий Вячеславович. Затем добавил менее уверенно: — И чай тоже.

Девушка угодливо кивнула и удалилась, не забывая вилять бедрами. Мне же вручили документы на проверку. Ох, не нравится мне происходящее, чем дальше, тем больше. Пробежала глазами по тексту на нескольких листах, составленному сухим юридическим языком на французском, английском и русском.

— Здесь написано, что господа Этьен Бернад Морро, — отметила, что черноглазый кивнул, — и Поль Лазар Морруа, — второй тоже кивком подтвердил, — являются официальными представителями Миланы Тьерри Морруа. И уполномочены...

Дальше я несколько минут перечисляла длинный список полномочий, предоставленных французам, включающий, на мой филологический взгляд, любые юридические и организационные действия в отношении собственности.

— Мадемуазель хорошо знает французский? — голубые глаза Поля вспыхнули удовлетворением, а ласковый бархатный голос приятно согрел меня.

Похвастаться не успела, Музыка опередил:

— Алиса Владиславовна филолог по образованию, нам повезло найти в ее лице не только ценного помощника, но и отличного переводчика.

— Надеюсь, на ее зарплате таланты сказались благотворным образом? — сильно грассируя, поинтересовался черноглазый Этьен.

Я невольно отметила его стильную прическу — небрежно элегантно спадающие почти до плеч волосы. Анфиса бы однозначно оценила. В модных журналах она отмечала именно подобный, «слегка лохматый» типаж, который на самом деле достигается большим трудом хорошо оплачиваемого стилиста. Да и мужчина тоже в ее вкусе: походит на большого ленивого кота, но, я не обманывалась, моментально может превратиться в смертельно опасного тигра, если добыча потеряет бдительность и купится на безмятежный, мирный вид.

Вот и Музыка немного расслабился, добродушно кивнув, словно равному:

— Конечно, сказывается. Алиса — отличный, умный сотрудник, таких грех не ценить.

— Такой же, как... Люсьен? Да? — продолжил улыбаться Этьен, но в его глазах вспыхнул хищный азарт.

— Нет, Алиса — помощник по организационным вопросам и работает с отделами и... — Леонид Петрович насторожился, видимо решив, что конкурент объявился. — Моя Люсьена, — принадлежность он выделил интонацией, — мой личный секретарь и лицо приемной.

В пылу не тайной для всех, кроме него, ревности, шеф даже не заметил, что после его признания напряжение в кабинете немного снизилось. Зато я забеспокоилась: с какой стати проверяющих интересуется, образно говоря, кто здесь «лицо», а кто рабочая лошадь.

— Господа, я на секундочку, проверю... помогу Люсе... — Шаров поднялся с кресла, бросив прикрытый обходительной улыбкой, нехороший взгляд на французов и торопливо направился к двери.

Наверное, я выглядела как-то странно, посмотрев ему в след, потому что «гости» будто вцепились в меня глазами, а Музыка, тоже отметив их интерес, выпроводил:

— Алиса, можешь идти, ты достаточно помогла.

Я нервно улыбнулась и кивнула:

— Хорошо, я буду на месте, если...

— Цыпленок, — неожиданно мягко, на французском, с загадочной снисходительной полуулыбкой ко мне обратился Поль, затем перешел на русский с сильным акцентом, — а ты не хочешь занять место шефа этой фабрики? Мы легко можем устроить.

— Я?.. — предложение изумило, а обращение возмутило, даже немного обидело. Шеф тоже не остался равнодушным, вон как побледнел. — Хочу заметить месье...

— Иди, Алиса, — вымучил улыбку Леонид Петрович, притворившись, что принял шутку.

Не хватало еще стать объектом для раздора местных боссов с иностранными, и неуместных «шуток». Вежливо всем кивнула и быстро вышла... резко остановилась, увидев у тележки с посудой Люсю... с напоминающим маску лицом, скривившимся от боли, потому что Шаров жестоко сжал ее плечо, не то убеждая в чем-то, не то приказывая. Она вскинула на меня испуганный взгляд, опять поморщилась от боли.

— Ты меня поняла? — тут же потеряв ко мне интерес, с угрожающим напором спросил ушлый бывший мент, впиваясь пальцами в руку секретарши.

— Да, — проблеяла Люся и, растянув губы в улыбке, толкнула зазвеневшую чашками тележку к двери.

— Облажаешься, ответишь мне! — шепнул ей на ухо Шаров, приобняв на мгновение.

Услышав откровенную угрозу, я испугалась не на шутку.

— Иди работай! — рыкнул мне зам, возвращаясь в кабинет за Люсей.

Впервые хотела сама рыкнуть на зама в ответ, но промолчала, не стоит конфликтовать с отпетым безопасником, особенно нервным, особенно в отсутствие деда дома.

Легко сказать, иди работай, а сосредоточиться на текущих делах оказалось не легко. Меня снедала тревога из-за «танцев с бубном», исполняемых начальством вокруг внезапно свалившихся на голову проверяющих. Чем напугали Люсю, что даже слой макияжа не скрыл ее побледневшее лицо? Ох, неладно!

В этот момент секретарша выскользнула от шефа и влетела ко мне. Встала Встала у приоткрытого окна и, щелкнув зажигалкой, прикурила. Знает же, что я ненавижу запах сигаретного дыма, но сейчас не стала ее одергивать и выставлять из своего кабинета. Никогда не видела, чтобы у нее руки дрожали.

— Неужели все настолько плохо? — первой начала я, не выдержав неведения.

— Страшные они, — выдохнула Люся вместе с дымом признание. — А Шаров — еще хуже.

— Проблемы с фабрикой? — догадалась я.

— Проблемы у Лени и этого... — она зло поморщилась, — безопасника нашего.

— Почему? — я тщательно изобразила полное удивление.

— Те иностранцы, едва просмотрев отчеты уже тычут ими в морду нашему начальству. Говорят, украли много, придется вернуть. Похоже, они что-то типа решал...

— Может аудиторов? — переспросила я.

Люська, передернув изящными плечиками в прозрачной кофточке, буркнула:

— А теперь уже все равно кто. Активы выведены... почти и... — она замолчала на полуслове. С испугом бросила на меня затравленный взгляд и закончила. — В общем, Лис, не бери в голову и не лезь никуда.

— Да мне-то что, — я равнодушно пожала плечами, и Люська быстро успокоилась.

Звякнул системный телефон.

— Это меня, — всполошилась Люся. Затем непривычно строго предупредила: — Забыла тебе сказать, никого не пускай. Они заняты и никого не принимают. Поняла? И сама можешь быть свободна на сегодня.

— Но дире...

— Шаров приказал... отпустил тебя лично. Сказал, они допоздна просидят, а ты свободна.

— Хорошо, я поняла, — снова равнодушно пожала плечами, а у самой внутри все сжалось от страшного предчувствия.

Но что я могу?

К моему удивлению, Люся скользнула к своему столу, что-то достала из ящика и, нервно сжав в кулаке, ушла в кабинет. А я, поглядывая на дверь в ожидании неизвестно чего, начала собираться домой. И уже стояла на пороге, когда услышала глухой стук... следом другой. Будто что-то большое упало на пол. Сердце сжалось от дурных предчувствий. Недолго думая, я юркнула обратно в свой кабинет, тихонько прикрыв дверь за собой. Спустя полминуты в приемной послышались голоса.

— Проверь, где Алиса... — распорядился Шаров.

Я нырнула под стол.

Легкий сквозняк по полу, затем нервный ответ Люси:

— Нету, ушла она.

— Обед, там снаружи куча народа, куда мы с ними? — в панике лепетал Музыка.

— С этой стороны глухой двор, кроме ваших двух окон сплошной кирпич. И никого лишнего. Я сейчас джип подгоню — и готово!

Меня прошил холодный пот. Сейчас он выйдет и увидит мою машину на парковке — значит, я здесь.

— Мы что — сами все делать будем? — в голосе шефа явственно звучали истеричные нотки.

— Нет, грузчиков позовем, — рявкнул Шаров и с издевкой добавил: — А давай оркестр, чтобы веселее было.

— Я не подписывался на такой риск и...

— А бабки на свою шлюху спускать подписывался?! — зловеще прошипел бывший оборотень в погонах.

— Я не шлюха! — возмущенно пискнула Люся. Кто бы ее слушал?

Шаров продолжал нагнетать обстановку:

— А на коттедж на Рублевке ты не подписывался? А деньги в Швейцарию не ты планировал вывести, а...

— Все-все, я понял. А куда? — слишком эмоционально, но шепотом возопил Музыка. — Куда мы денем их тела? Их же везде найдут и...

При слове «тела» я вздрогнула, кровь в жилах заледенела. Неужели их убили? Голубоглазого Поля, такого невероятного, от одного взгляда которого сердце ухает.

— На Моховскую лесопилку отвезем. Там и склад имеется, и объяснение на крайний случай. Вдруг они не одни здесь! Они ж проверяющие, вот и напроверялись, горемычные. — Мгновение-другое поразмыслив, Шаров жестко добавил: — Сегодня туда отправим, а завтра, утречком, устроим несчастный случай...

— В каком смысле? — выдохнула Люся.

— Дура, — брезгливо процедил безопасник, — там олифа старая, пиломатериалы, все отлично возгораемое...

— Меня сейчас стошнит, — проблеяла секретарша и через секунду хлопнула дверь в приемную.

— С этой идиоткой надо будет тоже что-то решать, — тихо констатировал Шаров.

Я задохнулась от страха. Только бы меня не заметили. А идиотка, пожалуй, я и дура любопытная!

— Люська — моя, я сам с ней проблемы решу! — неожиданно зло и твердо заявил Леонид Петрович, заслужив хоть этим мое уважение.

— Как бы поздно не было, — прозвучало змеиное шипение безопасника. — Ладно, пошли, поможешь, выкинуть их в окно. Пока не очухались, надо вывезти их подальше, на склад.

Затем я услышала шаги двух пар ног и звук закрывающейся двери в директорский кабинет, подхватила сумочку и куртку и, не дыша от страха, выскользнула в приемную, оттуда — в коридор. Я успела завернуть за угол, когда услышала цокот Люсиных каблучков. Повезло!

В первый момент я хотела стартануть с места и гнать домой, но перед глазами снова возникли голубые бездонные... и мысленно тяжело вздохнула: «Неужели я тоже как... мама? Непутевая? И падкая на приключения?..»

«Нет! Просто неравнодушная!» — решила я и уверенно вывернула руль.

Машину я спрятала за одним из складов, в надежде, что не заметят, благо она серого цвета. Назад вернулась пешком, захватив пуховый платок с заднего сиденья для камуфляжа, и просидела в пожухлых кустах с полчаса, пока подельники крутились у здания администрации. Потом Шаров на черном джипе заехал во двор, куда мне пока не сунуться. Затем он вернулся обратно, и оба жулика скрылись за дверями, пропустив мимо и даже мило перекинувшись новостями с дамочками из планово-экономического отдела. А ведь в нескольких метрах в машине лежат два... надеюсь, еще не труп! Ведь зам сказал, что они могут очухаться, значит, не все потеряно. Заодно подивилась, насколько у начальства нервы железные.

Спустя час они проехали мимо меня. На переднем пассажирском сиденье сидел Музыка, а вот Люси в машине не было. Караулит приемную, разумеется, создает видимость рабочей обстановки и прикрывает отсутствующих руководителей. За которыми я следила на всякий случай, чтобы убедиться, куда они отвезут вероятно отравленных или чем-то опоенных бедолаг, а то вдруг передумали, переиграли. С них станется.

Не обманули. С пригорка, лежа прямо на земле, из-за кустов и бурьяна я наблюдала, как они подъехали к самому дальнему, крепкому, приземистому строению и перетащили туда французов. Затем Шаров перемолвился о чем-то с охранниками, как по мне, так недавними зэками, и укатил восвояси.

Я еще с час наблюдала за складом с парой окон у земли, забранных стальными решетками. Охрана ушла с глаз, вскоре рабочие начали собираться с работы — конец смены. Так что мне тоже пора домой. Готовиться. Я приподнялась и на полусогнутых понеслась прочь.

Невысокий, плотно сбитый, мускулистый мужчина сорока лет, он же Сергей Климов, которому Влад поручил присматривать за мной и Аней в свое отсутствие, услышав рев мотора, махнул рукой, чтобы остановилась. А летела я домой на всех парах, аж резина мученически взвизгнула, но надежный «фит» послушно притормозил у края узкой дороги на окраине поселка. Асфальт заканчивается метров через сто, дальше к нашему дому на лесной опушке ведет хорошо укатанная ровная грунтовка.

— Привет, красавица, что-то случилось? — с искренним беспокойством спросил Климов, вытирая нагруженные руки тряпкой — до моего шумного появления возился с чем-то под капотом зеленого «УАЗ Патриот».

— Нет, просто с работы пораньше отпустили, вот на радостях и лечу, — я тщательно изобразила легкомысленную улыбку.

— А чего так? На фабрике-то все в порядке? — насторожился он.

— В порядке, как обычно, — улыбнулась, вспомнив, что там его свояк мастером работает. — Сегодня шеф гостей принимает, а меня после обеда отпустил, — я с трудом удерживалась на месте и сохраняла безмятежный вид.

— Не летай по поселку, бывает, ребятишки или пьяный какой на улицу выскочить может, — по-отечески добродушно наставлял мужчину.

Я поморщилась, признавая правоту, и виновато выдохнула:

— Простите. Сама знаю, задумалась, наверное, и увлеклась.

— Ох, Лиса, за рулем нельзя голову терять! — он помолчал секунду, потом, вспомнив, спросил: — Влад связывался с вами?

— Они вчера с первой базы сообщили, что добрались без происшествий. А утром ушли дальше, в тайгу. Следующий раз свяжутся не раньше, чем через неделю.

— Девочки, если что, маякните мне, не ждите и не стесняйтесь, — Климов покрутил передо мной указательным пальцем, — помните, места у нас таежные, люди... разные, известно, что лучше перебдеть.

— Спасибо, — я широко благодарно улыбнулась.

Не особо привлекательный лицом, но весьма надежный Сергей нравится всем Мишкиным. В свое время я нарисовала ему «момент счастья», чем помогла встретить прекрасную женщину Марину, ставшую его женой. Вот уж действительно две половинки одного целого: супруги Климовы живут в полном согласии, родили двоих детей, и бывать у них в гостях одно удовольствие. Благодаря подобным парам я верю, что мой дар приносит пользу.

Махнув рукой, я подняла стекло и неторопливо поехала домой, хотя от беспокойства и напряжения снова хотелось газануть. Минут через пять, оставив машину у крыльца, вбежала в дом и заметалась по комнатам. Что делать? Деда нет, с кем обсудить и придумать выход? Кто поможет и подскажет? Паша Золотой?.. Осталось выяснить, имеет ли этот криминальный авторитет свой интерес на фабрике; если имеет, как отреагирует, узнав о невольной свидетельнице будущего убийства; а если нет, то согласится ли выручать неизвестных иностранцев и наживать из-за них лишние проблемы?!

Мне проблемы точно ни к чему! Но перед мысленным взором возникли светло-голубые глаза невероятного француза. Как потом жить, если его и второго сожгут поутру, а я знала...

знала и не помогла?!

Следующие четыре часа я металась по дому. Зачем-то приготовила ужин: солянку и картошку с грибами, снова вытерла несуществующую после вчерашней генеральной уборки пыль, перебрала и аккуратно сложила свою одежду. Затем нечаянно поймала себя на том, что выбираю взглядом темные, практичные вещи — на вечер, и замерла. Неужели решусь? А Анфиса? Она поможет?

— Лисенок, я дома! — словно услышав мои мысли, громко крикнула из прихожей вернувшаяся с работы тетя. — Как у тебя вкусно пахнет...

Я ласточкой слетела со второго этажа, где располагаются три спальни, и, остановившись на входе в кухню, глядела, как Аня, нагнувшись над кастрюлькой с супом, жадно вдохнула, затем обернулась ко мне. Я насторожилась еще сильнее: только что радостно вопила, а сейчас на ее лице тревога.

— Что случилось? — в голове у меня закружились самые нелепые и сумасшедшие предположения.

Анфиса нервно приподняла рукава коричневого свитера, мягко облегающего ее шикарные женственные формы, подошла к раковине и начала мыть руки, одновременно объясняя:

— Сегодня узнала. Вчера днем в Иркутске застрелили в ресторане Пашу Золотого. Считай, наша крыша прохудилась немного.

— О, вот так дела, а за что? — я напряглась.

— За рынок там какой-то, не знаю, — пожала плечами тетя. — Не переживай, детка, папа все решит, как вернется.

Я села на стул и сжала руки. Значит, один вариант спасения французов отпал сам собой. И в случае новых проблем помочь будет некому. Климов скорее сторож дома, а не брутальный защитник.

— Алис, ты чего? Из-за этого бандита расстроилась? — Аня, присев передо мной на корточки, заглянула в глаза.

С тяжелым вздохом я вытащила из кармана джинсов мятый листок с рисунком, сделанным утром на работе.

— Это что? — нахмурившись, спросила тетя, расправляя желтоватую бумагу на колене. — Ваша приемная, да?

Я снова вздохнула и решила:

— Сегодня к нам приехали двое иностранцев. Представители хозяйки фабрики. Потом, вспоминая... нарисовала... это.

— И что? — мрачно буркнула Аня. — Я пока не улавливаю причину твоего трагического настроения.

— Время не указано, понимаешь... я рисовала случившееся... ну я так предполагаю.

— Поздравь вашу блондинку, она выиграла счастливый билет — мужа иностранца. А заодно принеси соболезнования ее Мусечке, придется ему искать новую любовницу, — весьма едко сделала вывод Анфиса, затем встала и удивленно вытаращилась на меня: — Или ты на этого иностранца сама глаз положила?

Я поморщилась и смутилась, а ведь правда — положила.

— Люси на рисунке нет, значит, она никакая не половинка Поля. За столом в тот момент сидела я.

— Твоя пара — человек? — тетюшка потрясенно плюхнулась на стул.

— Да. Нет. Не знаю. Люська устроила газовую атаку своим парфюмом, там дышать было невозможно, не то что определить.

— Отлично! — она раздраженно всплеснула руками и подскочила. — Тогда давай выясним, где они поселились. Съездим и узнаем.

— Насчет пары, я могла ошибиться, вдруг нарисовала другую приемную. Таких как наша вполне наберется сотня-другая. А время не указано, потому что в прошлом его счастье осталось. И вообще, их там двое было. Вдруг момент ко второму относится, — выплеснула сомнения и сразу призналась: — Я запуталась, Ань.

— Думаю, мы без проблем решим твои сомнения, — положила ухоженную изящную руку на стол тетка. — Говорю же, давай съездим к ним и... узнаем.

Я замотала головой.

— Лис, ну чего ты боишься? Если они люди — печально, конечно, но не конец света. Если твоя половинка оборотень, вот тогда могут возникнуть трудности. Из-за Василики... и Мирослава...

— Да не в этом дело! — воскликнула я. — Я не знаю, кто из них — пара, не пара. Музыка с Шаровым их опоили чем-то, в окно выкинули, затем погрузили в джип и отвезли в Мохово, на лесопилку. А завтра утром сожгут склад, где их бросили умирать. Представят, как несчастный случай...

Опять рухнув на стул, Аня вытаращилась на меня:

— А ты откуда знаешь?

— Я подслушала, потом проследила... до лесопилки.

Старшая подруга, прищурив золотисто-карие глаза, внимательно посмотрела на меня и неожиданно хлопнула по столешнице, напугав:

— И за что их так?

Пожав плечами, я с горечью пояснила:

— Оказывается, директор с замом тайком выводят активы фабрики, им время нужно закончить аферу. А французской хозяйке останутся лишь стены, да долги.

Тетка встала и, нависнув надо мной, с угрозой рыкнула:

— Не вздумай влезать в чужие разборки! Алиса, ты даже не представляешь, что о вашем Шарове говорят! Ты слабая самка, щенок еще. И вообще, у тебя будет масса возможностей найти себе пару. Это самцы пару находят однажды. И знаешь, девочка моя, участвовать в подобной аванюре без папы — верх глупости.

— Ань, дед вернется через две недели, а у них нет времени. Их могут сжечь... ты сможешь жить потом, зная об этом?

Злобно рыкнув, Анфиса резко отвернулась, обеими ладонями ударила по столу и яростно прошипела:

— Поверь, детка, я с любыми кошмарами смогу ужиться, если речь идет о наших жизнях. Ты еще маленькая, а я за восемьдесят шесть лет слишком многое увидела. Знаю, почему фунт лиха!

— А я не смогу, — тихо, горько шепнула я.

Анфиса рычала не переставая. Ее теплые медовые глаза светились — волчица слишком близко подобралась к «поверхности». Я выпустила свою, и началась битва желаний... взглядами...

Наконец, тетя сдалась:

— Я уже потеряла Марию, а тебя не могу.

— Ты сама знаешь, что я не она — а ответственная до неприличия и трусливая до безобразия. И дом свой люблю, и вас люблю больше всего на свете. И...

— Подлиза! — буркнула Аня, усаживаясь на стул. — И как ты хочешь повернуть это дело?

Я наморщила нос и неуверенно выложила план «Б»:

— Дождаться темноты, пробраться волком на лесопилку и освободить тех... товарищей.

— Возможные осложнения? — Аня склонила голову вбок и с усмешкой смотрела на меня, ожидая. — Говори, Лиса.

— Там охранники с пушками, плюс решетки на окнах стальные, склад же. Ну и вдруг они... в отключке до сих пор. Как мы их незаметно вытащим через окно? Машину близко не подогнать — заметят.

Тетушка водила красным ноготком по столешнице и задумчиво повернулась к окну, за которым уже темнело. Осень. Но нам только на руку.

— Можно решетки зацепить тросом и вырвать...

— Гроыхнет. Охрана услышит! — возразила я.

— А мы на решетку одеяло навесим, тогда шума меньше будет.

Я со здоровым скепсисом оценила предложение:

— Ладно, принимается. А как вытащим?

Подперев щеку кулаком, «подельница» раздраженно взглянула на меня:

— Я свои идеи высказала, между прочим, теперь твоя очередь.

— Давай узик Влада возьмем, он вместительный...

— И как он нам поможет?

— Тележку возьмем с собой...

— В которой папа навоз возит? — идеальные черные брови моей копии насмешливо поползли на лоб.

— Я ее сейчас схожу помою. Только, Ань, я не представляю, как мы двух здоровенных мужиков на себе попрем.

— Ох, Мишкина младшая, загоню я тебя в долги с твоими затеями!

— Какая вы меркантильная, Мишкина средняя! — хмыкнула я в ответ.

— Меня смущает только одно...

— Что именно?

— Что скажет папа... потом!

— А зачем его расстраивать? Пусть это дело останется нашим маленьким секретом, — я заискивающе посмотрела на подругу.

Аня посидела еще минутку, поджав губы, а потом нарочито капризно заявила:

— Мне нечего надеть на наш торжественный вечерний выход.

— Смеешься? Спортивный костюм с начесом!

— Там будут мужчины, французы, и, по твоим словам, весьма привлекательные, а я — в бабушкиных кальсонах?

— Ань, я надеюсь, ты не в выходном платье собралась на лесопилку? — твердой уверенности, что она не приоденется, не было.

Она улыбнулась загадочно, грациозно потянувшись, вышла из кухни и понеслась наверх. Вот чует мой хвост — наряды подбирать. Подумаешь, оборотни узнают, на месте преступления, не нашего, правда, застукают, действовать придется, как бог даст, но, тем не менее, я чувствовала душевный подъем и уверенность. Вместе с лучшей подругой не

страшно, ну или не очень страшно.

Ровно в двенадцать, под кукушкино кукование в старинных часах, висящих в нашей гостиной, мы вышли из дома. Завели дедов уазик, положили в багажник слегка отдающую навозом тележку — как я ни старалась, полностью избавиться от запаха не удалось. Взяли набор инструментов на всякий случай и, не включая фар, потихоньку покатали навстречу приключениям, наверное.

Конечно, я опасалась по поводу того, что «скажет» Влад. Побреет налысо за такую выходку, скорее всего. И несмотря на предполагаемые последствия, моя кровь закипала от предвкушения и ожидания.

Глава 6

— Черт, трава колется! — сквозь зубы тихонько ругалась Аня, ворочаясь на земле, рядом со мной.

— Ну ты додумалась! Кто на дело идет в капроновых колготках и шортах? И в такую погоду...

— Снова начинаешь?! — приглушенно фыркнула чересчур стильная для ночного похода в отнюдь не гламурное заведение тетушка. — Между прочим, я в кроссовках, теплых гольфах и шерстяных шортах, почти до самых колен...

— В красную полоску! — рявкнула я шепотом. — А гольфы — в ядовито-зеленую, ты бы еще палантин белый с собой взяла, а то вдруг кто не заметит.

— На себя посмотри, — не осталась в долгу подруга, — костюмчик велюровый нацепила, спортсменка нашлась. Да на тебе вся местная солома с репьями.

— Зато он черный, — не сдавалась я, — а солома... для маскировки.

Мою тетушку никто не в силах переубедить или изменить. Для нее мода и стиль не пустой звук.

— Твой сельский камуфляж и яйца выеденного не стоит, да еще с этой вонючей громыхающей тележкой.

— Да ближайший оборотень, к твоему сведению, в лучшем случае, в соседней области отыщется. А хорошим обонянием не каждый похвастаться может. Обычный человек вряд ли унюхает. — Потом добавила с сарказмом: — Насчет грохота обязательно выскажу твои претензии деду, чтобы лучше о садовом инвентаре заботился.

— Скажи-скажи, особенно, куда ты с этим инвентарем ночью таскалась, язва!

— Сама такая, — беззлобно отгрызнулась я.

— Скоро ночь закончится, мы идем или нет? — примирительно шепнула Анфиса.

— Ой, — в унисон испуганно «вскрикнули» мы одними губами и уткнулись носами в землю.

Внизу, буквально в пяти метрах под откосом, вдоль забора, тихо переговариваясь, прошли двое охранников. Наконец они скрылись из виду, значит — обход каждый час. Мы переглянулись, тяжело вздохнув, и решились.

— А если трос короткий окажется? — неожиданно засомневалась Анфиса.

— Тогда я плюну на все и пойду домой спать, — хихикнула я.

— Вот сразу бы и плюнула, и никаких проблем... — буркнула Аня.

Мы аккуратно вытащили тележку из багажника, сложили в нее завернутый в тряпку набор инструментов, трос и почти бесшумно спустились к забору, прокрались к тому самому складу. Аня несла под мышкой одеяло, а мне, как инициатору, достался пахучий инвентарь. Проволоку перекусили секатором для обрезки веток в саду, — удивительно, но пока у нас получалось, вроде. Только я порвала штаны, зацепившись за колючку на проволоке. Шепотом ругаясь, громыхая тележкой и трясясь от страха, мы рванули дальше.

— Ой, запалят нас, как есть.

— Аня, хватит каркать, в конце концов, — раздраженно шипела я, стараясь справиться с нервами.

Да уж, взломщики из нас — аховые. Только в кино самый завалыщий обыватель под музыку с легкостью заборы перемахивает, грабит, спасает, вершит справедливость — и его

никто не ловит.

Мы присели у незастекленного окна, откуда сильно несло краской и свежеструганной древесиной. Пробивались еще какие-то странные запахи, но едва-едва уловимо, — вонючая «химия» перебивала основательно. Мы синхронно приглушенно чихнули, всячески стараясь производить как можно меньше шума, затем, испуганно сжавшись, несколько мгновений прислушивались к окружающей тишине.

— Ты уверена, что их точно здесь оставили? — прохрипела Аня.

— Здесь, точно. Может быть, там несколько комнат, но здание-то одно. Главное, внутрь попасть...

Страшно стало — до смерти; ощущение — словно кто-то следит. Но оглянувшись и поведив носом, я ничего не увидела и не почувствовала. Анфиса тоже крутила головой и ушки наострила. Отдаленный собачий лай. Шелест ветра. Ничего необычного, кроме ситуации. До полнолуния далеко, но звезды и толстенький серп светят ярко. И несмотря на осеннюю глухую ночь, наши фигуры, наверное, хорошо видны, как и светящиеся глаза. Переглянувшись, мы пожали плечами, пытаюсь убедить друг друга, что обеим показалось.

— Смотри, а вот это так и было, когда ты здесь днем была? — Аня указала пальцем на внушительную дыру, образовавшуюся между выгнутыми полукругом прутьями решетки. Еще чуть-чуть — и можно спокойно пролезть. Но толщина прутьев... силы рук не хватит, даже спортсмену-тяжеловесу.

— Аня, у меня зрение гораздо хуже твоего, и с пригорка не видела, была тут дырка или нет. И мало ли от чего они покорежились...

— Ну ладно, надо поторапливаться, — проворчала тетушка, начав тщательно закреплять на решетке стеганное толстое одеяло.

Мы зацепили трос, затем я, пригнувшись, рванула к узику. Когда завела его, у меня внутри все оборвалось. Тронув машину, ощутила слабый рывок, обмерла, а потом, заглушив движок автомобиля, понеслась на дрожащих от страха ногах обратно. Хоть бы пронесло!

Анфиса уже оттаскивала вырванную решетку и одеяло, которое я быстро подхватила и, пока она пристраивала решетку к забору, скатала трос и вместе с одеялом быстро унесла в багажник. На мелочах, как известно, преступники и погорают. Поэтому прибраться за собой лучше сразу, чтобы улики на месте преступления после на радостях не забыть или, не дай Луна, из-за погони.

— Ну что? Лезем? — уточнила я, остановившись у черного оконного провала.

Аня вздрогнула, видно не услышала, как я подошла. Странно! Что ее там настолько заинтересовало?

— Краской несет и еще чем-то... не знаю, — задумчиво выдохнула она. — Напрягает как-то и... нервирует.

Еще бы, меня саму трясет от страха и одолевают сомнения, и ей не лучше.

— Время, Ань, — поторопила я, заглядывая в проем, — кошмар, темень какая. Я толком ничего не вижу. А ты?

— Я тоже, — уныло шепнула тетушка, потом добавила раздраженно, — облака вон набежали, когда не надо.

Посмотрев на небо, согласилась с ней: темное облако скрыло от нас луну. Опустила глаза и предложила:

— Неизвестно, сколько до пола, давай ты меня поддержишь, а я потихоньку задом...

— Нет уж, первой сама полезу. Как старшая!

Смешно раскорячившись, тетушка полезла задом в проем, спустила сначала одну ногу, потом вторую, а я держала ее за предплечья. Она зависла на локтях и неожиданно замерла, испуганно, удивленно глядя на меня, вновь освещаемая лунным светом:

— Лис, меня там что-то коснулось...

— Ань, не пугай меня, давай обратно... — всполошилась я.

— Ой, — пискнула она снова, — меня кто-то трогает... нет, нагло лапает... — и возмущенно зашипела, — да какого черта, я... — и стремительно скрылась в темном проеме, оставив меня в одиночестве.

— Ань? Ты где? — а в ответ тишина. И я решилась на безумный шаг, «завопив» в дыру: — Анфиса, я уже иду-у-у!

Прыгать вниз не я рискнула, слава Луне, хоть на это мозгов хватило в тот отчаянный момент, и так же задом полезла в окно. Правда, предварительно зажав в зубах разводной ключ... на всякий случай. И пока висела на локтях, пытаюсь нащупать кроссовками пол и чувствуя противный металлический привкус во рту, ко мне сзади прижался кто-то большой и жуткий, обхватив руками.

От неожиданности я дернулась и стукнула его своей макушкой, заставив на мгновение выпустить из рук. Этого хватило, чтобы развернуться и со всего маху садануть ключом в область нахождения чьей-то головы, рассчитывая прибить большого и страшного монстра из ужасов. Подсознание иногда любит шутить. Не промахнулась; но ключ лишь скользнул по лицу нападающего, светлым пятном мелькнувшему в темноте, слегка поцарапав, наверное, — у монстра оказалась невероятные реакция и скорость.

Дальше меня легко обезоружили, развернули и сильная, явно мужская рука перехватила бедра, предотвращая мое дрыганье. Вторая — закрыла рот, не давая завопить, пренебрегая мерами безопасности.

Вокруг царил сплошной тьма, усугубляя панику, и вдруг в чернильной темноте перед собой я увидела яростно сверкающие, желтые, звериные глаза и ниже — светящийся циферблат хронометра, показывающий два часа ночи. Ой, мамочка, влипли-то ка-ак... дуры! Ведь это в точности картинка «момента счастья» для Анфисы. Хорошенькое счастье тетушке досталось, жаль памперсов не захватили, чтобы должным образом оценить его масштабы.

Неожиданно луна, будто бы ей тоже интересно, чем занимаются ее «подопечные», заглянув в окна, осветила крупную мужскую фигуру напротив и в двух шагах от нее Анфису, готовую прыгнуть и напасть... или бежать? Забавно: и люди, и веры ищут свое счастье, мечтают найти, а Аня сбежать пытается, вон как мечтает — в яростном прыжке куда-нибудь подальше.

А я... а меня — лизнули в ухо. Смачно, со вкусом, что называется.

— Цыпленок! — знакомый тягуче-бархатный шепот прошелся по моим оголенным нервам, взбудоражив еще больше.

Я резко, насколько получилось, конечно, повернула голову, чтобы убедиться, что держит меня, по всей видимости, вполне живой и здоровый Поль, оклемавшийся после покушения. И задохнулась, осознав, что смотрю в светящиеся в темноте звериные глаза оборотня, а тяжелый мужской аромат обволакивает не только его, хозяина, но и в данный момент — меня. Причем совершенно забывая посторонние запахи краски, олифы, древесной стружки.

Слишком сильный запах, утверждающий: самец, в руки которого я попала, явно гиперальфа, не молодняк. Даже от почти двухсотлетнего Влада пахнет слабее, мягче, не

призывая покориться, поджав хвост, открыть глотку, выказывая уважение. Все верно, все так, как рассказывали, предупреждали дед и бабушка. Поэтому им когда-то пришлось бежать, заранее зная: бой с Мирославом не для молодого оборотня. Любой вер поймет, кто сильнее, а кто слабее. В нашем волчьем обществе иерархия силы слишком глубоко укоренилась.

Наперекор завораживающему запаху оборотня с мягким именем Поль — гипнотический, подспудно уговаривающий расслабиться и получить удовольствие, — я тоненько запищала, напрягаясь всем телом и пытаюсь отстраниться от мужчины, не давая слабо развитым звериным инстинктам взять верх над разумом. Мало ли, что минуту назад рисковала, спасая этого невероятно привлекательного француза. Глаза Поля разгорались сильнее, словно они сами по себе, а остальное растворилось в темноте.

Наши «гляделки» прервало шипение моей тетки, срывающееся на хрип:

— Нет! Нет! Не подходи! — Она тенью метнулась из одного угла в другой. — Я сказала: не двигайся с места! А-а-а... убери руки, не лапай, не твое... да елки зеленые, я взрослая свободная женщина и... не рычи на меня. Порядочный мужчина никогда не... ах, ты...

Я невольно отвлеклась от сияющих глаз Поля, наблюдая за Анфисой, метавшейся по складу, отбиваясь и кидая в настойчивого преследователя попадавшие под руку банки, бруски и тряпки. Но Этьен — черноволосый гибкий волчара в деловом костюме — неизменно возникал то здесь, то там, уходя с траектории полета, откровенно играя в кошки-мышки, позволяя «мышке» ускользнуть, давая мгновение ложной надежды на свободу.

В этот момент теплые влажные губы и горячее дыхание Поля прошлись по моему уху, согревая, затем по щеке спустились к шее, снова лизнули. Я сразу забыла о тетке: незащищенное горло для любого оборотня — предмет неосознанного, инстинктивного страха и тревоги. А дальше протестуя, глухо вскрикнула, выгнувшись от боли в местечке, где шея переходит в плечо — Поль клычищами вонзился, ставя клеймо, метку собственника. Без предисловий и уговоров, без предупреждения или подготовки. Раз и навсегда обозначив для любого вера, что Алиса Мишкина — теперь движимое имущество Поля Лазара Морруа Наглого кренделя из Франции.

— Уй, как больно-то, зараза мохната-а-я... — О, Луна, за что ты меня наказала: стоило увидеть эти гадские голубые глаза, мозги полностью отшибло.

Тяжелый, густой, но очень привлекательный мужской запах теперь уже моей пары стал еще сильнее, насыщеннее, предупреждая любого соперника или конкурента, задумавшего подходить близко к чужой самке, об опасности. Мою шею, наконец, перестали терзать волчьи клыки, и я обиженно всхлипнула, откровенно жалея себя, глупую бедняжку.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Поль быстро и с удивительной нежностью зализал ранки, хрипло выдохнув мне на ухо на французском:

— Прости, маленькая, за эту боль. Но совершать ошибок своих друзей и медлить с меткой я бы точно не стал.

— Отпусти меня, — почти умоляюще пискнула я на его языке и передернула плечами, снова зашипев от боли.

— Больше никогда! — мягко возразил он.

— Отвали, я сказала! Не смей на меня скалить клыки, я не стоматолог... — Анфиса ревела подобно раненному бизону.

С трудом двигаясь в медвежьих объятиях Поля, который на мои поползновения выбраться не реагировал, я испуганно обернулась. Тетушку схватил Этьен, но она обеими

руками удерживала его за уши подальше от своего горла. А тот явно намеревался, так же как и Поль на моей, поставить свою метку на шее Ани.

— Кто эта дикая кошка? — усмехнулся Поль у меня над ухом, заставив рыкнуть от ярости.

— А что — не заметно? Моя тетя! Анфиса. И вы оба...

Моя возмущенная речь оборвалась на полуслове. Этьену надоела глупейшая борьба, он резко подкинул свое «счастье», поймал, перехватил удобнее и, прижав спиной к своей груди несговорчивую женщину, впился в ее плоть клыками. Определенно, очередной гад! Неблагодарный!

— Животное... — прохрипела Анфиса, правда, к моему удивлению, в ее голосе я не услышала гнева, злости или... недовольства. Словно она смирилась и... поощряет его поступок. Мелькнула глупейшая мысль: возможно, ей игра в догонялки понравилась?

Дальше и вовсе удивилась: Аня расслабленно прикрыла глаза, по-звериному блестящие, откинулась на плечо мужчины и еще наклонила голову. Чтобы Этьену было... удобнее метить? Я что-то пропустила?

— Почему вы сразу не предупредили, что очнулись? — обиженно спросила я, чувствуя себя неловко в объятиях фактически незнакомца. — Зачем спектакль дурацкий устроили?

— Опасались спугнуть свое сокровище, — с уже знакомым грассирующим рычанием довольно ответил Этьен, крепко прижимая Анфису и с наслаждением облизывая ее шейку поверх метки.

А во мне забурлило глухое раздражение.

— Прутья мы раздвинули, но вылезти — не с нашими габаритами. Только собрались вырвать решетку, наплевав на шум, а тут — вы гремите! — прояснил Поль с улыбкой, которую я на виске ощущала вместе с его теплым дыханием, щекотавшим кожу.

— Кстати, зачем вам тележка? От нее так и несет навозом. Решили всех охранников распугать? — насмешливо поинтересовался Этьен у Анфисы. Мягко, но настойчиво приподнял ее подбородок, чтобы смотрела на него.

— Лис, я тебя предупреждала, что она вонючая... — неожиданно томно мурлыкнула она, глядя в горящие глаза... своей пары.

— Как вы здесь оказались, цыпленок? — отвлек меня от слишком интимного момента Поль, вновь согревая ухо горячим дыханием.

— Спасали иностранцев неудачников! — едко и пафосно ответила я. — Которых легко опоили, выкинули в окно и привезли сюда ждать смерти. При вашем-то возрасте и опыте...

Я всем телом ощутила, как Поль дернулся. Задело. А вот ответил Этьен, причем весьма раздосадованный и сконфуженный:

— За пятьсот лет я впервые попал в подобную ситуацию. Эта Люсьен... дурно пахла. В приемной, мне показалось, я в ад попал. И потом мадемуазель настойчиво за нами следовала, не давая дышать. И ваш шеф, Алиса, не лучше. Как можно мужчине увлекаться парфюмом наравне с женщиной?

Поль усмехнулся, слушая сбивчивый рассказ, и сам пояснил:

— Сначала секретарь отбила обоняние, можно подумать, специально парфюм распылила. Сложно соображать, когда нечем дышать и с трудом сдерживаешь тошноту. Потом я тебя увидел. Ощущение, что удар в живот получил. И пока я гадал: ты моя или ошибся в своих желаниях, нас напоили чем-то не менее омерзительным.

— Вы даже не почувствовали отраву? — тихо спросила я, положив ладони на крепкие

запястья Поля, с неожиданным удовольствием переваривая его впечатления от нашей встречи.

Я по-прежнему болталась на весу в руках Поля, плотно обхватившего меня под грудью и чуть ниже талии.

— Концентрированный парфюм, — проворчал Этьен. — И на редкость стойкий. Ощущался и в носу, и во рту, и на языке. — Он передернулся и, снова лизнув шею Ани, добавил: — Лично утоплю их в кислоте за часы мучений. И позор...

— Алиса сказала, что ты на нее тоже пялился! — голос у Анфисы, дернувшейся и избавившейся из объятий француза, был непривычно «металлическим», осуждающим.

Этьен подобрался, я плохо видела его лицо, но возникшее напряжение чувствовалось вполне отчетливо. Еще больше удивило, раздавшееся над ухом глухое, гортанное, злобное рычание. Так волк предупреждает нарушившего границу, что еще шаг — и тому конец.

Но второй вер не обратил на своего спутника ни малейшего внимания. Его занимала исключительно Анфиса:

— Прости, сладкая, моя. Я не знаю почему, но ее лицо... оно словно из снов. Образ какой-то знакомый... родной. Я пытался вспомнить...

— А-а-а, лицо, значит, из снов. Ладно, тогда прощаю, — хихикнула тетушка.

Я тоже хмыкнула, мысленно согласившись с ней. Лицо у нас одно на троих, и как только «спасенные» увидят нас белым днем, тоже повеселятся. Поль перестал рычать, быстро успокоившись, но слушал слишком внимательно. Оказалось, не нас:

— Уходим. Быстро. Сюда идет охрана.

При упоминании об охране мы с Анфисой как по команде замерли и испуганно уставились на окно. Высоко! Так же синхронно обернулись на темное пятно двери склада.

— А почему бы не...

Нервный шепот моей тетушки оборвал Этьен:

— Поверь, сладкая, дверь мы проверили первой — надежная, сейфовая, времен ваших Советов. Изнутри не вскрыть и не выломать быстро и бесшумно.

— Странно, зачем на складе, где даже окна не застеклены, сейфовая дверь? — вытаращилась Анфиса.

Я с досадой махнула рукой:

— Прежний хозяин лесопилки был завхозом на предприятии в Иркутске, ну и тянул оттуда все, что плохо лежало.

— У вас в России есть хоть один честный... человек? — проворчал Этьен, скользнув к окну и, легко подтянувшись на руках, вылез.

Невероятная пластика и сила! Аня, заглядевшись на мужчину, смачно сглотнула.

— По части честных у нас, как и у вас, не надо наговарива... — мое возмущенное шипение прервали самым неожиданным образом: Поль впился в губы коротким горячим поцелуем, лизнул, затем поставил на пол.

И пока я ошеломленно таращилась на него и хлопала глазами, попросил:

— Девочки, вы посидите здесь в уголочке и помолчите.

— Мы не...

— Всего минутку, — Поль не дал Анфисе возразить, подтолкнув меня шлепком под зад к ней, и в следующую секунду так же бесшумно и быстро, как и первый вер, исчез в оконном проеме, словно растворившись в темноте. Жаль, не успела двинуть ему в ответ.

— Интересно, когда я доживу до их возраста, тоже смогу с полпинка в окна вылетать?! — восхитилась Аня.

— Ты сейчас о чем вообще думаешь? И стыдно-то ка-а-ак... — призналась я, присев на ящик и похлопав рядом, приглашая ее присоединиться, и засунула замерзшие руки в карманы утепленной черной курточки.

— По поводу? — искренне удивилась тетушка, прижавшись к моему боку. Затем подняла ноги и обняла колени, светлыми пятнами забавно выделявшиеся в темноте.

— Ань, представляешь, как мы выглядели, пока задом неуклюже лезли сюда, — я кивнула на окно и тяжело вздохнула, чувствуя, как щеки горят. — А они наблюдали и наверняка посмеивались над двумя неловкими самками.

— Ты лучше радуйся! — тихонько насмешливо фыркнула она, вновь опустив ноги и просунув руку мне под локоть.

— Да? А чему радоваться?

— Тому, что мы их пары! А то поговорка: «Свидетели долго не живут» подошла бы к нам идеально.

— Я не поняла о...

— Да что понимать-то, Алиса, мой же сказал, что ему пятьсот лет... понимаешь — пятьсот. Ты себе просто вообрази! Не все доживают, учитывая постоянные клановые столкновения, мировые события, нашу волчью натуру. А выходит: из этого сарая этих

суперальф, которые, я больше чем уверена, прошли огонь, воду и медные трубы, вытащили мы — щенок и девица, можно сказать. Валя для веров не считается... мама говорила.

— Глупости какие, — поморщилась я. — Они вон сами себя вытащили, еще и над нашими благими намерениями поглумились: «Опасались упустить свое сокровище», — передразнила с нескрываемым раздражением.

— Ой, как же приятно наконец-то стать чьим-то сокровищем, — хихикнула «почти девица» восьмидесяти шести лет отроду, последние десять вдовствующая, Анфиса Мишкина.

За окном загремела наша «притча во языцех», пахучая тележка, затем раздался глухой «шмяк», забористая ругань — охрана прибыла.

Мы замерли, прижавшись друг к другу. Охранники яростно, почему-то шепотом выражались на тему: откуда тут взялась... инвентарь, в общем. Я мысленно сочиняла причину, по которой мы здесь оказались, и слезливую речь-мольбу о сохранении жизни двум непутевым женщинам. Потом луч света от фонаря резко разогнал тьму и ринулся в окно, получается, нашей западни теперь. И в тот момент, когда охранники обнаружили зияющий проем, мы услышали жуткий хрип... еще более жуткий булькающий звук и — тишина... очень говорящая тишина, зловещая, только шорохи какие-то.

Минута безмолвия, а в следующую — я чуть не вскрикнула, когда в окне показалась лохматая голова Этьена в ореоле лунного света:

— Сладкая моя, иди ко мне. Я сильно соскучился.

И моя ершистая, вечно ворчливая тетушка резво подскочила и поторопилась к окну, еще бы прическу поправила. Я растеряно наблюдала, как Этьен подхватил ее, аккуратно вытащил наружу и из рук выпускать явно не спешил. Впрочем, Анфиса свою «добычу» тоже обвила за шею и прильнула к плечу. Откуда только взялись замашки заигрывающей самки?

Затем в окно спрыгнул Поль, тенью скользнул ко мне, вновь подхватил на руки. Молча, облапив по ходу дела мои ягодицы, ловко выставил в проем. Я разогнуться не успела — опять оказалась у него в руках.

— Где ваш автомобиль? — выдохнул Поль мне на ухо, пока я шипела и дергалась, пытаюсь выбраться из его стальной хватки.

— Там, — Анфиса ткнула пальцем в сторону пригорка, и мужчины быстрым шагом направились к нему.

— Отпусти, я сама пойду, — вяло настаивала я без особой надежды, утомившись бороться за право передвигаться на своих двоих.

На полпути прогремел выстрел. Мимо нас «вжикнуло», и я инстинктивно спряталась на груди мужчины.

— Стреляют?! — недоумевала Аня.

— Охранников было трое! — яростно рыкнул Этьен.

— Значит подоспел еще кто-то, — спокойно предположил Поль.

Тем не менее, срываясь с места, он сомкнул вокруг меня руки: одной — прижав к себе за бедра, второй — прикрыв плечи и голову. Выстрелы раздавались один за другим. Поль вздрогнул, но продолжил бежать, крепче прижимая меня и сутулясь, закрывая от опасности.

Анфиса неожиданно истерично завопила, безуспешно вырываясь из рук Этьена:

— Лиску, прикрывайте! Да отцепись ты от меня, Лиску мою спасите! Луна, она же щенок еще... — Она бы и сверху на Поля запрыгнула, чтобы защитить со всех сторон.

Веры ускорились, теперь меня прикрывали две мужские спины. О подобном исходе нашей глупейшей вылазки мы обе не думали. Наши спасатели, поменявшиеся с нами ролями,

с ходу обнаружили лаз в решетке и вломились в него по очереди. Колючка с проволоки снова зацепилась за мою штанину и дорвала ее окончательно, кажется, не задев кожу, но запах свежей крови я почувяла. В машину нас буквально закинули, Поль сел за руль УАЗа, запустил движок, а Этьен, хлопнув перед Аниным носом дверь, исчез в темноте.

— Куда он? — прохрипела тетушка. — Там же стреляют, а если поймают, а если...

Поль стартанул, заставив ее по инерции упасть на сиденье спиной.

— Не беспокойся, Этьен зачистит территорию и приберет за нами...

— Приберет? — переспросили мы в унисон. — За нами?

— Там останутся трупы, жандармерия... э-э-э... полиция начнет следствие. Нам же не нужно лишнее внимание. Да? Поэтому мой друг немного... приберется.

— Когда мы туда шли за вами, даже не думали, во что все выльется. — Я надрывно всхлипнула, вспомнив чьи-то предсмертные хрипы, свист пуль. — Ты ранен? Да?

— Нет... не думай об этом.

— Но я тоже чую запах крови, — всполошилась тетушка, переходя на русский: — Лисенок, не твоя?

Не доверяя своим чувствам, я на всякий случай провела руками по телу, посмотрела на ногу в дырявой штанине и успокоила ее:

— Нет, не моя. А ты?

— Я думала, мы тихонько освободим их и уйдем, — потерянно поделилась Аня, обнимая себя. — Нет, я не ранена.

Француз, управляющий автомобилем, вполне сносно переехал насыпь и выбрался на дорогу. Метров через пятьсот остановился на обочине, выключил фары, но не заглушил двигатель, развернулся ко мне и глухо спросил:

— Сколько тебе лет?

— Двадцать шесть, — осторожно ответила я, чувствуя, что вер напряженно ожидает.

В свете луны блеснули звериные глаза сурового оборотня. Он обернулся к Анфисе, прилипшей к стеклу, без сомнения проверявшей — не появился ли Этьен на дороге. Несколько мгновений смотрел на нее, прежде чем спросить у меня:

— Двадцать шесть — для нашего вида уже не щенок, хотя — да, юная волчица. Почему тетя испугалась, прежде всего, за тебя?

— Потому что она моя племянница, и я старшая, — рыкнула Аня. Но продолжать и пояснять детали моего происхождения не стала. Не доверяет? Опасается?

— И все? — видимо, Поль тоже почувствовал недоговоренность и подался ближе ко мне. — Мне больше ничего не нужно знать? Важного!

Мы обе молчали: Анфиса — нервно прилипла к заднему окну, а я — почему-то не могла оторвать глаз от тяжелой, широкой мужской руки, лежащей напротив на приборной панели.

— Дорогой мой, — сухо отозвалась тетушка, — мы знаем вас не более получаса, а ты уже все секреты выложить требуешь? Исподнее показать? Ключи от квартиры, где деньги лежат, и...

— Аня, ты старше, ты же должна понимать, что произошло недавно? Она моя пара, я искал ее дольше, чем существуют некоторые страны. Я должен ее защитить от...

— Я полукровка, — выдохнула я, прерывая его эмоциональную речь.

— Полукровка... — теперь он потрясенно выдохнул. — И ты...

— Ты знаешь других, подобных нашей Алисе? — сразу заострила внимание Аня.

Поль резко потер лицо обеими ладонями, словно помогая себе проснуться, и прохрипел:

— Когда ты прошла первый оборот?

— Шесть лет назад, — ответила я, чувствуя, как от смущения загорелись щеки. Ведь первый оборот означает еще и половое созревание.

Он отчего-то рвано выдохнул, снова подался ко мне и с невероятной нежностью погладил мою щеку, словно знакомясь, впитывая ощущение кожи пальцами.

— А я удивился, отчего ты такая хрупкая, — тростиночка совсем. Ты у меня бутон розы, который пока не распустился, — его признание-комплимент, высказанное хриплым шепотом, поразило меня до глубины души.

— Не обольщайся, нет розы без шипов, а твоя — с большими! — волшебный интимный момент нарушила тетушка.

Истинно мужской смех Поля в темном салоне вызвал у меня неожиданную реакцию: внизу живота потеплело, затем горячая кровь побежала по всему телу тягучей патокой. Я даже бедра сжала, а то вдруг растекусь тут непонятной лужицей.

— Кто хочет розу, должен переносить шипы, — вкрадчиво заметил он, заставив усмехнуться Анфису, а меня — вспыхнуть.

Быстро вернув себе серьезный тон, тетушка, пытаясь хоть чуть-чуть скрыть заинтересованность, спросила:

— У вас сильный клан?

Поль склонил голову набок, его светящиеся глаза на миг вспыхнули будто звезды:

— Да. Вы не слышали о Морруа?

— Мы живем очень уединенно и почти не общаемся с себе подобными, — уклончиво сообщила Анфиса.

— Есть причина? — снова вычленил важное вер — и быстро вышел из машины, не дождавшись ответа.

Покрутив головой, замер, и через секунду-другую, мы увидели бегущего по дороге Этьена. Темное небо за ним осветило зарево пожара.

— Хотели сжечь их, а теперь горит лесопилка... — подавлено прошептала Анфиса.

— Меня терзают подозрения, и совсем не смутные, что лесопилкой дело не закончится, — поделилась я своими мыслями. — Слишком он удивился, что мы о его клане не слышали, значит не из рядовых...

— Может, поможет нам с Мирославом? — предположила моя прагматичная тетушка.

— А может, и нет, — успела шепнуть я, до того, как веры сели в машину.

От вернувшегося с зачистки вера отчетливо несло бензином и гарью. Ехавшая с ним рядом на заднем сидении Анфиса едва слышно фыркнула. Автомобиль взревел, набирая скорость и унося нас прочь от злосчастной лесопилки. Благодаря включенным фарам в салоне стало немного светлее. Краем глаза я заметила, что Этьен быстро снял потрепанный приключениями дорогой пиджак и кинул в багажник. На мгновение он замер, шумно вдохнув, а потом в полном недоумении спросил:

— Вы фермеры?

— Нет, — прозвучал наш синхронный ответ.

— Хм, в машине пахнет... навозом и...

— В багажнике тележка лежала, когда сюда ехали, а папа в ней навоз по саду развозит. У нас сельский дом... коттедж, — сконфуженно прячась за насмешкой, пояснила Анфиса.

Я обернулась, не сдержав любопытства. Анфиса Владиславовна всегда была бойкой на язык, а с мужчинами, в большинстве случаев, — язвительной и неприветливой. В гибели

сестры и моей матери винила весь род мужской. А вот сейчас ведет себя совершенно в не свойственной ей манере.

— Зачем вам тележка нужна была? — продолжал Этьен.

Мы с Аней нервно хихикнули.

— Мы же не знали, что вы оборотни, — пояснила тетушка. — Чем вас накачали, тоже неизвестно. Поэтому мы не были уверены, что вы успеете очнуться. А хрупкие девушки вроде нас вряд ли смогли бы унести двух здоровых мужиков на себе. Тем более, бесшумно. Вот Алиса, добрая душа, и предложила на тележке из-под навоза...

— Насчет бесшумно — ты, сладкая моя, погорячилась. Кажется, вас не слышал только глухой или мертвый...

Я открыла рот, собираясь защититься, — мы же не профессиональные взломщики, — но не успела.

— Вы живете с мужчиной... отцом? — голос Поля знакомым теплом отозвался внутри меня, поглощая все внимание. Я кивнула. Дальше в его удивленном голосе прорвалась злость, тщательно контролируемая злость: — Тогда почему две самки отправились одни на подобную... операцию? Вы могли пострадать. Наткнуться на охрану...

Вер, волею судьбы моя пара, что я пока с трудом осознаю, шумно задышал, видимо представляя немыслимые ужасы, которые могли бы случиться, если бы нас поймали.

— Включите отопление посильнее, а то меня уже колотит от холода, — тихонько попросила Аня, словно опасалась обычной просьбой спровоцировать новые обвинения.

По крайней мере, мы за собой вины точно не чувствуем.

— С этим пора кончать! — рыкнул Этьен, наклонился вперед и, выхватив смартфон из подстаканника, спросил: — Ваш? Рабочий?

— Да, — невнятно проблеяла Аня, добив меня окончательно, когда неуверенно, словно извинялась, уточнила: — Мы его здесь оставили... на «вибре», чтобы он неожиданным звонком к нам внимание не привлек...

— А о том, что полиция сможет легко отследить ваше присутствие на месте преступления, вы не подумали? — повысил голос... ну ладно, Моро.

— В следующий раз даже не просите — спасать вас не пойду! — огрызнулась, обнимая себя руками, меня тоже трясло от холода. И слезы от обиды подступили, пришлось срочно загнать их назад. Затем, вспомнив о важном, обратилась к Полю: — Кстати, куда ты направляешься?

— Хочу заехать за нашими вещами в захудалый сарай, претенциозно именующийся у вас лучшим отелем города, — с мрачной усмешкой ответил он.

— Знаете, месье Морруа, я очень люблю смотреть передачи о разных городах мира. Так вот, наша область больше, чем вся Франция, вместе взятая. И в ваших городках, подобных нашему, гостиницы еще хуже. Поэтому не надо высказывать нам ваше иностранное «фи», — не без ехидства заявила я.

— Хорошо, — Поль по-доброму рассмеялся, удивив меня, — я понял: мой цыпленок гордый и своих в обиду не дает.

— На самом деле Поль ненавидит отели, вне зависимости от количества звезд. Он любит дом, лес и свободу, — неожиданно примирительным тоном добавил Этьен.

Я осторожно скосила глаза на мужчину, который любит дом, лес и свободу, а он, оторвав взгляд от дороги, посмотрел на меня... как на обожаемый кровяной бифштекс после длительной вегетарианской диеты. Одним словом, извинились французы. Выглядеть

сварливой самкой не комильфо, поэтому спросила с улыбкой:

— Вы в «Таежной» остановились?

— Да.

— Тогда километра через два будет перекресток, там налево сверни.

Поль кивнул, а Этьен, наконец, дозвонился кому-то. Не только я, остальные тоже прислушались:

— Джинкс, это Моро. Да, Поль со мной. Мы нашли, что искали... Да, счастливы... Нет вас постараемся не убить... Нет, еще не полностью... Да, именно вас постараемся не убить. Тут и без вас есть на кого спустить пар. — Я услышала гогот, жаль, не смогла разобрать слов абонента по имени Джинкс. А то не нравится мне их разговор: кого они искали? Этьен между тем продолжил: — Ждем вас на месте, необходима поддержка... Да, срочная, на месте расскажу. Свяжись с главой, нам, вероятно, понадобится прикрытие и полная неприкосновенность... Ждем.

— Извини, я могу узнать, что вы искали? — с подозрением спросила Анфиса, стоило ее паре завершить разговор.

— Того, кто нас обворовывает, — сразу ответил Этьен и потянулся к ней. — Иди ко мне, моя сладкая.

Аня захихикала, затем я услышала, как она шлепнула его по рукам и прошептала:

— Не торопи события, красавчик.

— Ты дрожишь, замерзла тоже? — спокойно спросил Поль у меня.

— Больше из-за стресса, — призналась я.

— Извини! — не скрывая досады, он поморщился. — Это был первый и последний раз, когда ради меня ты рисковала жизнью.

Подставив руки под теплый поток воздуха, я расслабилась и простила:

— Да ладно, чего уж там, обращайтесь если что...

— Какой ты тепленький, — удовлетворенно выдохнула сзади Анфиса, видимо уступив Этьену и используя его для обогрева.

Поль неохотно, с тяжелым вздохом отвел взгляд от моих ног и, пользуясь моментом, напомнил о неудобном вопросе:

— Вернемся к вашим родителям и клану.

Я привыкла к тому, что Влад, словно озабоченный подросток, постоянно касается Василики, прижимает к себе, наслаждается ее ароматом, зарываясь носом в волосы на макушке. В общем, болеет ею, безнадежно и неизлечимо. Иногда создавалось впечатление, что он просто не в состоянии с собой бороться, его руки сами по себе тянутся к любимой женщине.

Василика долгими зимними вечерами рассказывала о жизни в своем клане, о взаимоотношениях нашего вида, правилах жизни и иерархии, считая чуть ли священной обязанностью подготовить «своих кровиночек» к тому торжественному долгожданному моменту, когда дед сможет вернуть нам «свободу».

О страсти веров мы с теткой знаем не понаслышке: в ночи хорошо разносятся звуки, а мои дед и бабушка довольно громкие. Поэтому нескрываемое физическое влечение ко мне, выдаваемое Полем, не удивляет, тем более, я его пара. Скорее удивил его самоконтроль, ведь бабушка говорила, нашедший пару вер чуть ли не тут же ее метит, причем в момент соития.

Я обернулась, из темноты на меня смотрели две пары светящихся глаз. Анфиса

моргнула, давая понять: можно сказать правду. А Этьен прищурился, ему явно наши секреты надоели.

— Мы живем вчетвером. Василика и Владислав — родители Анфисы и мои бабушка и дедушка. Клана у нас нет.

Оба мужчины шумно потрясенно выдохнули, затем Поль недоверчиво заявил:

— Это немыслимо! Две свободные самки без клана. Если бы о вас узнали другие, передрались за обладание.

— Или убили! — мрачно подтвердила, почти выплюнула Анфиса.

В салоне воцарилась тишина, автомобиль вынырнул из-за поворота и оказался на освещенной фонарями улице. Сейчас, когда стало гораздо светлее, я отчетливо поняла: у нас в машине мужчины! Более того — оборотни! Немыслимо и невероятно! Из-за них салон УАЗа кажется маленьким, сильный мужской запах заполнил его, волнуя меня, причем, моего зверя особенно. Заставляя остро ощущать их присутствие.

Моя волчья суть сейчас мысленно пищит от восторга, потирая лапы от самодовольства — достался сильный, красивый, умудренный жизнью самец. Тем самым сбивая с толку человеческую половину, за двадцать шесть лет привыкшую все контролировать, быть ответственной, сдержанной и скептически настроенной. И я, и Анфиса, и Мария выросли среди людей. Вынуждены были вести себя как люди, следовать их правилам и обычаям, специально не выделяться.

Дружить с человеческими детьми волчонка не поощряли. Найти друзей, став старше, тоже было проблематично. Мы постоянно переезжали с места на место. Зачем привязываться к тем, с кем скоро навсегда расставаться? Уезжать — это немножко умирать. Я привыкла дистанцироваться от людей. Дом мы тоже часто меняли. В моей жизни постоянны только родные. Но себе можно честно признаться, мне страшно пускать Поля в свою жизнь, сердце и душу.

О значении пары для оборотня я знаю. Отличный пример в лице деда и бабушки перед глазами, но вот соотносить с собой — пока никак. Несмотря на его аромат, который кружит голову, и собственное желание коснуться, чтобы проверить — это не сон! Несмотря на боль в шее от укуса и зуд от засохшей крови — метку, для каждого оборотня означающую, что я теперь замужняя женщина или связанная самка.

Сейчас он для меня — все равно чужак! Должно быть, у полукровок звериные инстинкты развиты меньше и находятся под контролем человеческой половины, раз чистокровная Анфиса сразу и полностью признала власть Этьена над собой. И вообще, ситуация раздражает.

Поль остановился на светофоре, почему-то работающем ночью. Непривычно видеть опустевшие улицы ночного города. Влад бы нас никогда одних в темное время не выпустил из дому. Ни в лес, ни шляться по городу не пустил бы. Ему хватило горя с Марией.

— Почему вы одни? — не дождался продолжения от Анфисы Этьен. — Где ваши старшие? Мужчина, в конце концов?

— Василика с Владом в данный момент заняты. У нас туристический бизнес. Влад водит богатых туристов в тайгу на охоту и рыбалку. А Василика всегда сопровождает его. Сейчас они с арабами на медведя охотятся.

— Это единственный источник дохода вашей семьи? — глухо спросил Поль, переключая передачи и рвано дергая машину с места. Чувствуется, он несколько не в себе.

— Да, основной, но довольно прибыльный. Мы с Анфисой работаем, тоже хорошие

зарплаты получаем. — Потом, вспомнив печальный факт грядущего банкротства фабрики, с грустью добавила: — Получала. Придется новую работу искать...

— Моя пара никогда работать не будет! — скрипнул зубами Поль, бросая на меня предупреждающий взгляд.

Удивительно: совсем недавно испугалась бы сурового рычащего мужчину, да еще вера, а сейчас... сейчас я с усмешкой расслабилась и откинулась на спинку кресла. В душе шевельнулось что-то теплое и, кажется, собственническое: «Какой же он р-р-рычалкин... у меня».

— Почему вы не в клане? — сощурился голубые глаза, настойчиво спросил он.

— И почему ты сказала, что вас бы убили? — жестко потребовал Этьен от Анфисы.

— Упс, месье, а мы приехали, — весело развела я руками, прекращая настоящий допрос. — Ваш постоянный двор, гости дорогие. На этом экскурсия закончилась, не забывайте свои вещи в салоне автобуса. Компания Мишкины и партнеры была рада показать вам усть-лимские красоты. Всего хорошего, до будущих встреч!

Оба оборотня снисходительно хмыкнули; Поль резко обернулся к Этьену, кивнул и выбрался из машины. Немного по-звериному, свою суть не скроешь, встряхнулся, осмотрелся, оценивая обстановку, и, рысью взбежав по ступенькам, скрылся в гостиничном холле. Вернулся он спустя минут пять, не более, и положил в наш пропахший навозом багажник пару чемоданов.

Стоило Полю Морруа снова сесть рядом, внутри у меня отпустило, словно скрученная пружина распрямилась, вибрировавшая от напряжения пока он не вернулся. Ох, не нравится мне это!

Мимо дома Климовых мы проехали на малой скорости, чтобы не привлекать ненужного внимания. Можно сказать, прокрались, по моей просьбе, конечно. Пришлось объяснять ревнивым оборотням, почему мы тайком отправились в ночную поездку. Странно, но факт пригляда за нами егеря Сергея, оценили, и, очень надеюсь, простили нашего старшего родственника за отсутствие дома. Смех, да и только.

Поставив машину в гараж, наши гости с минуту осматривались вокруг, внимательно прислушиваясь и принимаясь к окружающей обстановке. Взглянув на наш двухэтажный пятикомнатный деревянный домик, Поль повел плечами, о чем-то задумавшись. Я тоже бегло огляделась — ничего нового, все на своем месте: десять соток ухоженного, почти облетевшего сада и небольшого огорода, где любят возиться вместе Василика и Влад. Он — с деревьями, а бабушка — копаясь в земле.

Нас с детства приучали к аккуратности, и Климовы, бывая у нас, часто удивлялись ровному крепкому забору, покрашенному в зеленый цвет, посыпанным песком дорожкам в саду, ровным, словно по линейке, грядкам, обложенным камнями, чтобы землю держали. Цветник из лилейника на въезде восхищал многих, кому доводилось полюбоваться. И дом, да — небольшой, но Влад сделал его сказочным, с деревянными резными наличниками, остроконечной крышей, украшенной поскрипывающим на ветру ярким флюгером-петухом.

На опоясывающей дом веранде мы вечерами часто собирались за чашечкой чая. У входа над дверью висит старинный бронзовый уличный фонарь, разгоняя ночную тьму. Мне будет жаль покидать именно это место — самое теплое и уютное логово, которое мы дружно обустроили для себя. Очень жаль. Именно о таком я мечтала для себя в будущем, правда, очень далеко в будущем, и совсем не предполагала, что оно скоро нагрет.

— Вы зайдете или на пороге останетесь? — окликнула нас с Полем Анфиса.

Я отвлеклась на нее, и Моррау, приблизившись вплотную ко мне, скользнул по плечам большими руками и притиснул к своему крепкому мускулистому торсу.

— Кто у вас занимался домом? — с неподдельным интересом спросил он, уткнувшись носом мне в макушку.

И снова меня накрыл его аромат — притягательный, сметающий волю, сознание и запреты. Наслаждаясь теплом мужских рук и дыхания, я прислушивалась к непривычному, сбивающему с толку внутреннему подсознательному ощущению приятия, удовлетворения, легкого возбуждения и чего-то запретного, но невероятно притягательного.

Я кашлянула, прочищая горло, и тихо ответила:

— Перед тем, как мы переехали в этот дом, здесь были только стены и крыша. Дед быстренько все доделал, чтобы нас перевезти, а зимой благоустраивали вместе. У меня самая лучшая семья, мы привыкли заботиться друг о друге.

— Алиса, где же ваш клан? — настаивал вер.

— Поль! — неожиданно громко позвал Этьен из дверей, вероятно, по какой-то важной причине.

Не раздумывая, Моррау схватил меня за руку и потащил за собой. Причина выяснилась очень быстро, стоило пройти в освещенную ярким светом гостиную. Картинно скрестив руки на груди и опершись о камин, Аня упивалась произведенным эффектом — выражением крайнего замешательства на лицах двух самоуверенных и всемогущих веров, уставившихся на

нашу большую семейную фотографию на стене. С которой им улыбались сразу три женщины семьи Мишкиных — красавицы с «фирменной» внешностью.

— Я, конечно, заметил, что они похожи, но не думал, что настолько, — восхитился Этьен. — А еще гадал, почему образ Алисы такой родной...

Полю ощерился и зарычал, чувствительно дернув меня к себе. Надо же, даже упоминание, по сути, женатого друга о том, что я ему показалась родной, вызвало у Поля яростный протест. К счастью, друг его моментально сориентировался:

— На твою не претендую, дружище. У меня свое сокровище имеется. Не стоит нам другу другу глотки из-за недопонимания рвать.

— Мне больно, — укорила я вроде бы опомнившегося Поля, продолжавшего крепко сжимать мое узкое бледное запястье.

Чувство вины, сожаления, сострадания исказило черты его мужественного лица.

— Прости, малышка, — хрипло выдохнул он, ослабив хватку и приподнимая мою руку. А затем поразил — осторожно поцеловал каждый красный отпечаток, оставленный пальцами на моей коже. — Я быстро научусь контролировать свою силу и больше не сделаю тебе больно.

— Она невинна, сделаешь однозначно, — хихикнула Аня.

Следующей зарычала я, только на тетушку, не в меру откровенную, но тут же отвлеклась, увидев внезапно загоревшиеся алчным фанатичным огнем собственника голубые глаза Поля, ласково касавшегося моей руки горячими губами. От его поцелуев по всему телу разбегалось тепло, щеки горели.

— Вы наверняка голодные, мальчики, — встрепелась тетушка-болтушка. — Мы с Алисой, как чувствовали, вчера много приготовили.

Этьен загадочно усмехнулся, приобняв свою суженную:

— Я бы лучше утолил другой голод, и чем скорее, тем спокойней будет моему волку. Метка стоит, но мы пока не соединились...

Аня мило покраснела, карие глаза загорелись радостью и предвкушением, но, бросив на меня короткий взгляд, нахмурилась и объявила:

— Сначала поедим. Пойдемте, а то лично мне сейчас хочется чего-либо более приземленного.

Получив отсрочку, я немного успокоилась. Бесспорно, витавшее в комнате напряжение ощущают все четверо. И лишь меня секс пугает до дрожи. Не готова я сразу перейти на горизонтальный уровень отношений.

Анфиса потащила за руку недовольного, но готового на любые жертвы ради нее мужчину на кухню, а я неуверенно посмотрела на Поля. Он осторожно взял мое лицо в прохладные широкие ладони, немного остужая смущение на полыхающих щеках. Поглаживая большими пальцами мои скулы, Поль мягко, с легкой грустью в глазах цвета неба улыбнулся:

— Ты не представляешь, как долго я тебя ждал...

Нервно облизнув губы, отчего взгляд вера от напряжения и желания потемнел до темно-синего, предупредила:

— Я признаю себя твоей парой, даже полукровка способна чувствовать... принадлежность и...

— Не принижай себя, не надо, — вер нахмурился, тема разговора ему не понравилась. — Я не в курсе, знаешь ли ты, что за всю историю веров известно лишь о

двадцати трех полукровок. Ты двадцать четвертая! И каждый из вас, будь то мужчина или женщина, внес вклад в нашу историю. Но жизнь у них, к несчастью, была короткая. На каждого охотились ради выгоды.

— Успокоил, называется, — выпустила я колючки, — знаю, дед рассказывал.

Поль усмехнулся, несмотря на мой выпад, глупый, наверное, перед умудренным жизнью вером.

— Цыпленок, Морруа — ведущий клан в мире оборотней. Я из пяти сильнейших волков клана, глава которого мой брат. Более того, он возглавляет Европейский совет. Можешь не сомневаться, я позабочусь о том, чтобы с головы моей пары ни волоска не упало. Ты — моя, а свое я сумею сберечь.

Его прервал грохот со стороны кухни: крышка от кастрюли упала на пол. В следующую секунду на пороге гостиной появилась тетушка:

— Это правда? Вы действительно сильный клан?

Следом Этьен вырос у нее спиной. Заключив «свое сокровище» в объятия, поцеловал в ушко и с улыбкой подтвердил:

— Правда, родная моя. Поэтому выкладывайте, мадам, что за проблемы с кланом. Надо же позаботиться о вашей охране и решении сложных вопросов, если возникнут.

— Вам бы проблему с фабрикой и Шаровым решить! — с иронией заметила я, выбираясь из захвата Поля, сразу же нахмурившегося. — Он страшный человек, для него убить — раз плюнуть. В чем вы уже на собственном опыте успели убедиться. Повезло, что он не знал, приехали ли вы одни или в компании с кем-то, а то убил бы прямо в офисе.

Оба вера помрачнели: позорный инцидент с отравлением они себе еще долго не простят и не забудут.

— Если бы не снотворное, а просто пуля или нож, я бы сильно его удивил! Прямо там же, в кабинете, оторвав ему голову за подобную подлость. — Рыкнул Этьен.

— От Иркутска до Усть-Лима три часа езды, — спокойно произнес брат влиятельнейшего главы Морруа. Да, уверенность, заработанную веками, не изжить одной ошибкой. — Думаю, к обеду мы решим все насущные дела, вернем украденное и вечером покинем этот город.

— Причем здесь дорога от Иркутска? — спросила я, пользуясь моментом.

А вот Анфиса испугалась:

— В каком смысле — покинете? Совсем?

— Да! — кивнул Поль. — Совсем. Мадам, у вас времени до вечера собрать самое дорогое вам, остальное можно будет купить в Париже. Либо... потом наши поверенные займутся перевозкой вашего... багажа в замок.

— В замок? — выдохнула Анфиса недоверчиво и восторженно.

— У нас нет заграничных паспортов, — снова ехидно заметила я. Слишком уж раздражает непрошибаемая уверенность Морруа в себе.

— Глава позаботится. В аэропорту нас встретят с документами, — не менее снисходительно и уверенно извещил Этьен. — А утром здесь будет наша команда! Вы же не думаете, что свою пару мы повезем без надлежащей охраны?!

— Есть и другая проблема, — решила я на откровенность, с полминуты разглядывая французов, причем вполне публичных личностей, исходя из положения, занимаемого в мире их кланом. Вытащат нас, как говорится, на свет божий, а там — Мирослав. Пришлось коротко поведать историю бабушки и дедушки и, кивнув на фотографию, подвести итог: —

Если бы кто-нибудь нас увидел и опознал, донес бы. А дальше — неизвестно. Но ничего хорошего точно бы не случилось.

— Значит, один клан уничтожили, а второй — от своего сына отказался? — Этьен неприятно удивился.

— Да, Василика и Влад остались одни и без поддержки кланов. И охота на них продолжается до сих пор, — с горечью ответила Аня, обнимая себя за плечи.

— Это не проблема для Морруа, — с королевским спокойствием и уверенностью в своих силах произнес Поль. — Забудьте о Мирославе. Как только окажетесь под защитой нашего клана, в замке, решим ее окончательно, навсегда.

Мгновение, едва заметное движение — и он снова оказался вплотную ко мне, коснулся плеча, осторожно обхватил, опасаясь сделать больно...

— Мама была бы счастлива, если бы ей на день рождения подарили голову Мирослава, — неожиданно поделилась Анфиса, наверняка мысленно представляя сие и даже предвкушая. Потом добавила еще более мрачный вариант: — А отец с удовольствием бы лично расчленил его тело... и содрал шкуру с живого. Слишком много они потеряли из-за одержимого вера.

Я потрясенно уставилась на тетюшку — домоседку, любительницу готовить и рукодельничать, стилиста, наконец, — которая читала мне сказки и плакала над судьбой горемычной Красной Шапочки? Откуда что берется?

Самое удивительное, от Аниной внезапно возникшей кровожадности Этьен, похоже, еще сильнее возбудился. Внушительное свидетельство чему в области ширинки, к своему стыду, я заметила. Пиджак из машины он не забрал, и сейчас все его намерения были на виду. Помимо невольного обзора чужих, еще и желания Поля, крепко прижавшегося в моему боку, отлично ощущала. Поэтому, выбравшись из его захвата, живенько припустила на кухню, накрывать на стол. За ужином я в «безопасности».

Перед тем как сесть за стол, я столкнулась в ванной с Анфисой, светившейся от радости, будто ей вручили сказочно-прекрасный новогодний подарок.

— Ох, лисенок, не могу поверить... — выдохнула она, вытирая руки.

— Да-а-а?.. — пребывая в собственных раздумьях, я растерянно посмотрела на нее.

— У нас в доме — мужчины! — Желто-карие глаза красавицы Анфисы вспыхнули, а последнее слово она произнесла с придыханием, с восторгом: — Понимаешь, мужчины! А ведь только вчера мы с тобой плакали об отсутствии семьи, своего мужчины и секса, а тут...

— А тут счастье чуть в навозной тележке не прикатило, — приземлила прямо-таки окрыленную тетюшку.

— Мелкая ты еще, ничего не понимаешь в...

— ...колбасных обрезках? — хихикнула я. — Не мелкая, просто во мне человеческого, видимо, больше, чем в любом из вас. Поэтому я ко всему отношусь со здоровым, опять же, человеческим скептицизмом.

Аня на мгновение нахмурилась, затем потянула носом, вдохнула полной грудью и с наслаждением выдохнула:

— Как же приятно пахнет моим мужчиной, парой... семьей...

— А мы? — обиделась я. — Мы же тоже твоя семья.

Анфиса иначе, не как подруга, а умудренная жизнью старшая родственница посмотрела на меня. Погладила по волосам, по-прежнему заплетенным в сложную косу, снисходительно

приговаривая:

— Родная, вы были, есть и будете моей семьей. Но пара — это нечто большее, это — мое, понимаешь, только моя семья, как у Василики и Влада. — Она опять глубоко вдохнула и призналась: — Я тоже хочу детей. Ты таким славным очаровательным младенчиком была... жалко Маша не ценила тех моментов, не поняла, какое счастье иметь своих деток.

— Ань, ты его пару часов знаешь, какие детки? — вытаращилась я на тетушку.

Она не сдержалась и рыкнула:

— Рребенок ты еще! Я в принципе, на будущее... чуточку попозже, — повесила полотенце и вышла из ванной.

Но стоило Анфисе перешагнуть порог, походка ее превратилась в танец восточной женщины, только шерстяные клетчатые шорты да вязанные полосатые гольфы не вписываются в образ. Я с улыбкой смотрела ей в след: тетушкин энтузиазм вот-вот пойдет через край, по правде, тоже чуточку опасалась. И тем не менее, сколько бы я не пряталась за скептицизм и здравый смысл, в душе согласилась с ней, испытывая те же чувства, предвкушение и даже восторг. Просто Поль такой... невероятный, что дух захватывает.

Увидев меня на кухне, моя сурово хмурившаяся пара сразу расслабился и с некоторой вальяжностью откинулся на спинку стула. Всего на пару минут ушла, а он уже нервничает.

На плите грелся суп, картошечка с грибочками благоухала в сотейнике. А наши сперва хотевшие другой «пищи» мужчины следили, как мы выставляем тарелки с закусками и прочей снедью из холодильника, и водили носами, с удовольствием вдыхая вкусные ароматы.

В какой-то момент, вынимая из холодильника банку с клюквенным морсом, я оказалась со стороны Этьена, и он по-джентельменски, автоматически, собрался помочь: встал и уже протянул руку забрать у меня банку и — раздалось угрожающее звериное рычание.

Я обернулась, выглянув из-за мужского плеча. С частично трансформированным лицом Поль сверлил ледяными глазами спину, по мнению волка, соперника. Этьен действовал стремительно: забрав банку у меня из рук, шагнул в угол между столом и холодильником:

— Прости, не подумал... — не улыбаясь, чтобы не показать зубы, не спровоцировать ревнующего зверя, он осторожно поставил сок на стол и сел, положив ладони на столешницу.

Несколько долгих секунд мы слушали глухое злобное рычание, которое затем перешло в ворчание, а Поль с трудом вернул себе прежний вид.

Побледневшая Анфиса, хоть ей, как и мне, тоже страшно, решительно шагнула к Этьену и обняла за шею:

— Какие вы нервные, слов нет.

Я судорожно сглотнула, а потом сама себя удивила. Быстро разлив суп по тарелкам, подошла к Полю, встала за спиной и положила ладони ему на плечи. Напряженные! Почувствовав, что он начал медленно расслабляться, погладила, потом помассировала. Вскоре он успокоился и, ни говоря ни слова, с жадностью накинулся на еду.

Минут десять на кухне стояла тишина, разбавляемая монотонными приглушенными звуками скребущих по тарелкам вилок и ложек. Запасы приготовленных блюд почти полностью подчистили, а мы с Аней накануне думали, что солянки хватит на неделю. Зато задиристые самцы после ужина выглядели сытыми и удовлетворенными, хотя, скорее, завтрака. Кукушка прокуковала четыре часа.

— Алиса, какой у тебя дар? — неожиданно заинтересовался Поль тем, что, мне

казалось, спросит любой вер у полукровки сразу. Но, как видно, наших оборотней больше всего интересовали вопросы безопасности.

Тетушка подскочила с улыбкой:

— Сейчас покажу!

Взяла с холодильника папку, в которую мы мои «предсказания» складывали, и предложила мужчинам посмотреть. Те, отчего-то в замешательстве, взяли по рисунку и начали разглядывать. Любопытно, что каждому из них достался «свой». Затем они перебрали остальные: старого эмирца в объятиях медведя; лохматого, потрепанного жизнью мужика с бутылкой пива в руках у прилавка и несколько других, с интересными сюжетами. Этьен даже на свой дорожный хронометр скопил глаза, сверив с рисунком.

— Это ты рисовала? — Поль взглянул на меня внимательно, но в его глазах явно читалось недоумение и непонимание. А меня дипломатично похвалил: — Очень талантливо.

Мы с Анфисой расхохотались. Уж очень забавно выглядели brutальные веры, знакомясь с моими художествами.

— Вы не поверите, — пояснила Аня. — Но перед вами моменты встречи со счастьем. Просто оно у всех разное, вот и выглядят некоторые рисунки порой жутковатыми.

— Ты хочешь сказать, что... — Поль судорожно сглотнул, а я помогла ему закончить мысль: — Да, глядя на человека, я вижу время и обстоятельство, когда он встретит свое счастье. И лишь от него зависит — упустит ли, пройдет ли мимо, не заметив, или вцепится обеими руками. Но к сожалению, ни страну, ни город, ни конкретный день я предсказать не могу и...

Поль судорожно потер лицо ладонями, а Этьен помрачнел. Оба синхронно кивнули друг другу, видимо подумав об одном и том же. Быстро оглядевшись, один схватил мой сотовый, а другой пошел к чемоданам, оставленным у двери.

Дальше в полное недоумение пришли мы с Анфисой. Нам уже не улыбалось, когда Поль жестким тоном говорил по телефону:

— Это я... Да, Поль. С ее телефона говорю. Тъери, у нас большая проблема, и разговор не телефонный... Да, все серьезно. К нашему прилету обеспечьте удвоенную охрану... Она как Милана... Да. И замок, и территорию нужно будет усилить. Да, они с твоей — идеальная пара... Я потом поясню. Ждите завтра. Документов у обеих нет... Алиса и Анфиса остальное, сам понимаешь... Хорошо, до встречи.

Морруа отключился, еще секунду задумчиво рассматривал телефон, а мы, не вытерпев, в унисон выпалили:

— Да что мы такого сказали?

Он строго взглянул на нас и весьма суровым тоном приказал:

— Алиса, до прибытия домой, никому ни слова о своем даре!

— А-а-а?

— Позже обо всем узнаешь и даже познакомишься с еще одной полукровкой с даром. Ее зовут Милана, она пара главы клана Тъери Морруа. Вы потом все обсудите.

На кухню заглянул Этьен, остановился в широком арочном проеме.

— Они ускорятся, — отчитался он перед Полем, нам же ничего пояснять не стали.

Раньше я считала, что у нас большая кухня, но двое мужчин из клана Морруа незаметно заполнили пространство — даже не физически, а своим присутствием. И оба с ненормальным любопытством рассматривали меня, словно заново увидели. Какого черта, спрашивается?!

— Пока спать! — встал Поль, возвышаясь надо мной, глядя сверху вниз и тем самым еще больше подавляя.

Этьен подхватил на руки охнувшую от смущения Анфису и унес из кухни, по пути на второй этаж воркующим, непривычным тоном попросил показать ему «нашу спальню».

Вот тут я не выдержала и испуганно заявила:

— Я не готова... сегодня!

— Цыпленок, цыпленок, — с мягкой необидной усмешкой покачал головой Поль. — Я тебе просто покажу...

— Изумрудные стержни, поршни и небо в алмазах? Спасибо, не надо! — Я вскинула ладошки, защищаясь от надвигающегося Поля. — Как-нибудь в другой раз...

Вставая, неловко шарахнулась в сторону и прошмыгнула мимо него. На секундочку задержавшись в арке, предупредила:

— Ванная на первом этаже в твоём распоряжении, я постелю тебе на втором... в маминей спальне.

Мой голос дрогнул, что не укрылось от все подмечающего мужчины

— Почему о ней вы не говорите? На семейной фотографии ее тоже нет...

Обернувшись, посмотрела на Поля, в потемневших глазах которого мелькнула еще и обида. Он стоял, засунув руки в карманы черных брюк, прижав разошедшиеся полы пиджака, делового, стильного и дорогого. Оба вера, хоть и помятые в ходе «служебной командировки», вылившейся в криминальный детектив, по-прежнему выглядели небрежно элегантно. Чувствовалось, что они великолепны, совершенны в любой одежде, и собственный вид их не особо заботит, благодаря абсолютной уверенности в себе.

Люся назвала французов решалами; вероятнее всего, так и есть: отнюдь не офисный планктон, а пробивная сила в любых ситуациях. Подобного мужчину на расстоянии долго не удержать, хотя, вынуждена признать, будь его воля, я — самка, давно бы лежала под ним — самцом.

Затронутая им тема разворошила боль внутри, разбередила старые раны и комплексы. Порой я думала, что была каким-то неправильным ребенком, поэтому мама бросила меня и сбежала в поисках очередных приключений, и втайне от всех считала виной тому свое происхождение. Неизвестно, при каких обстоятельствах я была зачата, а вдруг — насилие?

— Алиса? — тихо, но настойчиво поторопил Поль с ответом.

— Ее убили, когда мне было пять лет. Она попала в капкан в тайге, никто не знает, почему... в общем, дед нашел ее... чучело и... разделанное волчье тело.

— А твой отец? — хрипло от волнения спросил вер.

Я подняла на него взгляд: и правда, расстроен и сочувствует искренне, вон как небесно-голубой цвет глаз стремительно сменился штормовым серым.

— Она не призналась, кто стал моим отцом, — глухо ответила я, а потом впервые поведала чужаку: — И вероятно, мама сама не знала...

— Мне жаль, — нахмурился Поль... да какой он теперь чужак! Семья.

— Не стоит, все в прошлом. Я пойду стелить тебе постель.

— Алиса, я...

Хватит. Не дав ему возможности ни предложить, ни посочувствовать, развернулась и ушла. Достаточно воспоминаний.

Взбив подушку и откинув одеяло в цветастом пододеяльнике, я в последний раз проверила все ли в порядке и вышла. На втором этаже у нас три спальни и душевая, на

первом — спальня бабушки и деда, гостиная, кухня и ванная. Компактно и у каждого личная комната. Сейчас из Анфисиной раздавались весьма характерные стоны, от которых горели не только щеки, но и уши. Скорее бы закончились!

Я спустилась вниз сказать Полю, что комната готова. Проходя мимо ванной, заметила тень, отбрасываемую из приоткрытой двери, и не смогла удержать любопытства. Заглянув в щель, увидела его и застыла: на полу, поверх сваленных в кучу пиджака и брюк, серая рубашка... с огромным темным пятном и характерной дырочкой!..

Перевела взгляд на мужчину, регулирующего воду, и задохнулась: великолепное тело, широкая, бугрящаяся мышцами спина и плечи, отлично развитые руки, узкие бедра и крепкие сильные ноги. О-о-о... сверху серые боксеры испачканы в крови... и спина от правой лопатки и ниже в запекшейся крови. Место ранения уже зарубцевалось, но я не ошиблась — Полю действительно досталась пуля во время побега! А он вел себя постоянно, словно ничего не случилось: бегал, нес меня, расспрашивал, порой шутил. И даже здесь, в доме, ничем не показал, а мы-то с Анфисой, глупые-е-е... кровь почуяли, но под лавиной событий слишком быстро забыли, убедившись, что сами целехоньки. И даже за ужином никто ничего не сказал. Вот стыдоба! Гостеприимно проявили... невнимание, по сути — равнодушие.

— Хочешь потереть мне спинку? — не поворачиваясь, поинтересовался Поль глубоким вибрирующим голосом, от которого на моем теле волосы дружно встали дыбом от возбуждения.

Не услышав ответа, он, медленно выпрямившись, обернулся. Шикарррный мужчина, особенно, когда раздет. Я облизала пересохшие губы, жадно разглядывая волосатую грудь. Затем опустила глаза вниз, жадно обласкала взглядом каждый кубик и боковые валики мышц на талии. А уж когда увидела внушительную мужскую реакцию на мое откровенное женское любопытство, испуганно посмотрела в лицо Полю, чувствуя, как заливаюсь жаром не только стыда, но и отчаянного смущения.

— Прости, — пискнула я, прячась за дверь. Глубоко вдохнула, выдохнула, пытаюсь вернуть ясность мыслям, вспомнила о важном и виновато спросила: — Медикаменты или бинты нужны? Помощь?

— Нет, мне больше шестисот лет, все заживает бесследно и очень быстро. Я же говорил в машине, не бери в голову.

— Сколько-о-о?.. — распахнула дверь и потрясенно уставилась на свою нереально солидного возраста пару.

Поль снисходительно усмехнулся, демонстративно засунул большие пальцы за резинку трусов и лукаво, откровенно провоцируя, предложил:

— Ты решайся: сюда, ко мне, или продолжим знакомиться «душевно»? — и так последнее слово выделил, что даже дураку стало бы понятно — это лишняя и абсолютно глупая трата времени, как он считает.

Фыркнув, я закрыла за собой дверь.

Остаток ночи я промаялась. Анфиса с Этьеном то стонали, словно их пытали злобные монстры, то орали, будто те уже приступили к расчленению, а когда оба завyli, я с обреченным стоном нахлобучила на голову подушку. В сравнении с тетушкой и «дядюшкой», Василика с Владом, оказывается, гораздо более сдержанные любовники. Ладно, в конце концов, у них первая брачная ночь.

Пролежав часа два, я не выдержала и уселась, злобно пихнув неповинную подушку. Да сколько же можно? Надев халат на свою любимую пижаму из штанов и рубашки веселенькой расцветки, зевая, решила сходить вниз, выпить чаю с молоком. Может, хоть тогда усну.

Пока я на цыпочках спускалась по ступеням, неожиданно поймала себя на любопытной мысли, нет, даже на подспудном желании — посмотреть, что там Поль делает! Я чуть не споткнулась, размечтавшись, но успела схватиться за перила. Секундочку постояла на лестнице, думая: как там моей паре спится? И все-таки решила не ворошить осиное гнездо, заняться чаем. Тяжело вздохнула, и мой чуткий нос тут же поймал тонкую, терпкую, до боли знакомую нотку мужского запаха.

Я осторожно заглянула в гостиную, Поль стоял у окна, отодвинув штору в сторону, вглядываясь в сумеречно-серый осенний пейзаж. Рассвет пока лишь разбавил ночь, а мягкий свет небольшого бра на стене четко обрисовал его мощный силуэт на фоне темного окна. А я невольно загляделась на ямочки чуть выше пояса черных, низко сидящие на бедрах штанов.

Не знаю почему, но мне показалось, что мужчина испытывает боль, не физическую, а скорее душевную. Или одиночество. Поза напряженная, голова слегка склонена к плечу, как если бы он что-то высматривал в ночи, ждал кого-то или чего-то. Я дернулась, чтобы уйти незамеченной, но Поль обернулся. На миг блеснули звериные глаза. Внутри у меня будто волчица поскребла грудину, помогая принять решение. Мгновение раздумий — и я переступила порог, приблизилась к нему почти вплотную. Мы замерли в полушаге друг от друга и молчали. О, Луна, как же пахнет умопомрачительно! Я глубоко задыхалась, наслаждаясь, полуприкрыв глаза, пока не заметила, что мой вер напрягся еще сильнее.

— Чуешь опасность или просто не спится? — хотела спросить дружески иронично, учитывая страстный концерт, продолжающийся на втором этаже, но получилось неуверенно и наигранно.

И Поль, конечно же, понял.

— Не спится, ты права. Но не из-за них, а потому что тебя нет рядом. И подспудно опасаюсь...

— Чего? — я изумленно уставилась на него, подняв лицо.

— Потерять тебя, — глухо признался он честно и просто.

— Мы же пара, — даже горло перехватило, отчего мой голос прозвучал сипло. — Куда ж я от тебя денусь?

Он хмыкнул с некоторой горчинкой и смотрел на меня с грустью. А потом неожиданно произнес:

— У тебя потрясающие глаза, в них словно рассветная дымка иногда появляется, завлакивая вуалью, — медленно, давая мне возможность отстраниться, поднял руку и осторожно коснулся пальцами моей щеки, — какая бывает в высокогорье.

— А ты, романтик, оказывается, — я снова попыталась иронизировать, улыбнулась, но вышло криво, наверное.

Я заморожено ждала его прикосновения, не в силах пошевелить ни рукой, ни ногой. Тепло, нежного, трепетного прикосновения. Разве так бывает в жизни?!

— Ты забираешь мою душу своими глазами, цыпленок, — а вот у него получилось улыбнуться, только в его улыбке сквозила ранимость.

— У нас с бабушкой глаза похожи, — пожалала я плечами, но сама же услышала в своем голосе неуверенность.

Опустила голову, разрывая контакт с его рукой, и заметила, как бешено бьется жилка на его мощной шее. Кадык судорожно дернулся вверх-вниз, когда он сглотнул. Мне захотелось провести языком по его шее, на мой взгляд, самой притягательной и аппетитной, лизнуть, попробовать на вкус. Даже облизнулась, тряхнув головой, отчего распущенные перед сном волосы полезли в лицо.

Отметила отличное местечко у основания шеи, там, где начинаются плечи — хорошие, широкие, сильные, — чтобы поставить... глубокую метку, о которой я подумала. Да-да, о собственной метке на этом отменном волке, ведь он, в сущности, принадлежит мне.

Дальше я увлеклась, рассматривая его грудь, покрытую черными волосками, и... любопытную, заманчивую темную дорожку, сбегаящую от пупка вниз, под пояс... Наверное во мне тоже живет тяга к приключениям, передавшаяся по наследству. Я протянула руку, коснулась его живота и от пояса пальчиками провела вверх, мышцы пресса вслед напряглись, а штаны в паху натянулись. Может дерзко, а может глупо, но завелась я не на шутку, изучала его уже обеими руками: погладила валики на талии — крепкие; игриво обводила каждый кубик, с удовольствием наблюдая, как каменеет его пресс. Затем растопырила ладони на груди, наслаждаясь ощущением шелковистых волос и игрой напряженных мышц.

Поль молча сжимал кулаки, сдерживая свои порывы, давая мне возможность себя изучить, привыкнуть к нему. И благодаря его жесточайшему самоконтролю я поборола страх перед первой близостью. Такой мужчина однозначно не потеряется в своих чувствах и сможет позаботиться обо мне.

Грудь вера завибрировала от рокота — его внутренний зверь приветствовал мою волчицу. И ей понравилось, она заставила, соблазнила меня сделать последний шаг и прижаться грудью к волку. Затем, приподнявшись на цыпочки, я уткнулась носом ему в шею. Лизнула, пробуя на вкус его кожу, — исполнилось желание. Немножко увлеклась и пропустила момент, когда Поль подхватил меня под ягодицы и поднял над полом, крепко прижимая к своему сильному, одуряюще пахнущему телу.

Теперь Поль, не сдерживаясь, рычал, но не угрожающе, а поощрительно — благодарил меня за ласку и доверие. А я... последний раз лизнув его от плеча до самого подбородка, чуть наклонилась и сильно укусила, тоже отмечая свою пару, ставя метку между плечом и шеей. Поль вытерпел несколько мгновений, пока моя суть оставляла знак собственницы, а затем покрыл мое лицо, виски и шею быстрыми поцелуями.

Я поняла, что означает «накрыло страстью». Поль держал меня одной рукой, а второй — шарил по моему телу. Обняв его за шею, я пыталась не утонуть в водовороте чувств, нахлынувших во время поцелуя. Горячие губы, крепкие зубы — мы так спешили слиться вместе, что пару раз стукнулись клыками, а потом вновь пробовали друг друга на вкус языками. Я пальцами зарылись в его волосы, неожиданно мягкие, гладкие, а еще за них

удобно цепляться, чтобы притянуть его голову ближе, теснее к себе. И никогда не отпускать.

Я горела, впервые в жизни горела от желания, и мне было плевать на все, лишь бы он продолжил меня целовать и ласкать. Сама целовала его шею и покусывала подбородок. Но Поль оказался сильнее, резко отстранился от меня, хотя я еще тянулась к нему губами, и неожиданно рыкнул:

— Вырву всем глотки! — причем со смертельной угрозой в голосе, быстро охладив мой любовный пыл.

Я напряглась и испуганно уставилась на него. Спросить ничего не успела — услышала шум незнакомого автомобиля, заехавшего на нашу территорию.

В наступившей тишине, потому что тетушка с дядюшкой тоже затихли, было отчетливо слышно наше сбившееся дыхание. Через минуту хлопнули двери машины, следом закрипел песок под несколькими парами ног. Поль, мазнув поцелуем по моему виску, с глухим протестующим ворчанием посадил меня на диван и бесшумно исчез за дверью.

В таком же виде — с обнаженным торсом и в низко сидящих на бедрах брюках — с лестницы на кухню бесшумно скользнул Этьен. Услышав едва уловимый скрежет металла, я догадалась, что он вытащил нож из подставки, чем напугал до чертиков. Под впечатлением от похода на лесопилку, закончившегося побегом, стрельбой, пожаром и не только, я, не долго думая, спряталась за диваном.

Через минуту во дворе негромко загомонило несколько мужчин. По счастью, вполне мирно, на французском. Злобные интонации слышались только в голосе Поля, у остальных — веселые. Сообразив, что прибыла помощь из Иркутска, которая ускорила, я выбралась из чисто символического, надо сказать, укрытия и прокралась сначала к арке, затем — к входной двери и осторожно выглянула во двор. Возле двух огромных солидных джипов — в марках я плохо разбираюсь, потому что в нашей глубинке подобные автомобили не часто встретишь, — увидела пятерых незнакомцев. Все как на подбор матерые волки в черных костюмах — запах выдал каждого. И даже машины им под стать, такого же хищного вида.

— Какие красавцы, — я чуть не подпрыгнула от неожиданности, услышав Анин удивленно-восхищенный шепот над ухом.

Оставшийся стоять на веранде Этьен, тоже услышал. Резко обернувшись, зыркнул на свою пару, а верхняя губа поползла вверх, обнажая клыки.

— Но меня они совершенно не интересуют, — быстро осознала свою оплошность новобрачная и затараторила: — Ей-богу, мне кроме своей пары вообще никто не нужен. Ты самый лучший, самый красивый и самый страстный и... — Мы с «самым-самым» хмыкнули, слушая виноватый лепет. — ...не буду я тут с вами в дверях стоять, пойду надену что-нибудь приличное, а то выскочила с перепугу.

Этьен улыбнулся добродушно, хотя в его полных глазах еще мелькали яркие злобные вспышки ревнивых бесов. Анфиса развернулась и буквально взлетела наверх. И в самом деле, полупрозрачный пеньюар на ней совершенно не подходил для встречи гостей. Совсем-совсем. Откуда только взялся?

Я собралась последовать ее примеру — халат и пижама в цветочек для встречи с брутальными представителями своего будущего клана тоже не одежда. Но семеро оборотней как по команде замолчали и повернулись к воротам, насторожившись, словно опасность почуяли. Несколько мгновений томительного ожидания — затем, в предрассветной тишине отчетливо прозвучал щелчок затвора и из-за забора появился Сергей.

— Никому не двигаться! — громко и жестко скомандовал он. — Стреляю без

предупреждения!

Высокий золотоволосый блондин плавно повернул голову к Полю, мне показалось, в ожидании приказа. Я поняла, что медлить нельзя. Иначе веры вполне могут сначала убить бесстрашного соседа, а потом будут выяснять враг он или мимо проходил.

— Дядя Сергей! — выкрикнула я наигранно радостно и выскочила на улицу. — Это свои, уберите оружие.

Климов опустил ствол, но явно сомневался, стоило ли. Поэтому я обратилась к словно окаменевшему Полю на французском, точно зная, что Сергей не поймет:

— Поль, это Климов, сосед, о котором мы предупреждали. Не смейте трогать его! О нашей сути он тоже не знает, хватит щериться.

Мой мужчина стремительно оказался рядом, подхватил на руки и прижал к себе с упреком:

— Ты же босиком и раздетая, Алиса, сумасшедшая?

— На тебе самом только брюки, а ты на холоде уже несколько минут стоишь.

— Он должен уйти, тогда останется жив, — сообщил Поль, двигаясь в сторону двери.

— Я вас сама лично опую и верну на тот склад, если с Сергеем что-нибудь случится, — рыкнула я злобно.

— Моя группа...

— Будет вежливой и приветливой, — я продолжила в том же духе. Помахав руками хмурому Климову, позвала: — Дядя Сережа, идемте в дом, мы вас с родственниками познакомим.

— Цыпленок, ты нарываешься, — спокойно, тихо, но с недобрый огоньком в глазах предупредил Поль.

— На что? — так же тихо поинтересовалась я, обвив его шею обеими руками и игриво потершись носом о его нос.

Поль мягко усмехнулся, немного расслабившись:

— Подарила всего один поцелуй, а уже пытаешься вертеть своей парой.

Широко улыбнувшись, пожала плечиками:

— Я не волшебник, а только учусь.

— Звучит угрожающе, — в голос Поля вернулись игривые вкрадчивые нотки, радуя, согревая меня.

— Почему Влад не предупредил, что к вам столько народу заявится? — немного недоверчиво заговорил Климов, вставший рядом с нами.

— Они из Франции, сами не ожидали, что смогут выбраться. И таким сюрпризом нагрянули, — я поспешила добавить уверенности и спокойствия себе и всей ситуации.

В прихожей торопливо запахнула халат, пряча пижаму, пихнула локтем в бок Поля, чтобы поставил на ноги. Но в ответ — тишина, мол, самостоятельность мне не светит. Ну и ладно, не очень-то и хотелось. Правда, Климов заметил мои маневры и «ответ» услышал и снова нахмурился.

— Знакомьтесь, — преувеличенно бодро начала я, обводя взглядом всех «родственников» и одновременно предупреждая, — Сергей Климов — наш сосед и защитник... пока... Влада нет дома. Он самый замечательный... человек на свете.

— Скажешь тоже, — смутился мужчина, вешая ружье на плечо.

— Конечно, скажу, — улыбнулась я егерю и продолжила знакомить. — Вот этот месье, который боится меня выпустить из рук, хм-м-м... мой жених Поль Лазар Морруа. А они, — я

указала подбородком, — его родственники... дальние.

— Ой, Сереж, привет, — по лестнице царственно спускалась Анфиса, являя себя народу в красных легинсах и трикотажной бордовой тунике под горло.

Тетушка, как обычно, элегантна и сексапильна, что не преминули оценить «родственнички», вон как плотоядно глаза загорелись и жадно потянули носами. Один, не выдержав, поделился на французском:

— Вкусно пахнет страстью.

Этьен глухо зарычал, узрев ажиотаж среди потенциальных соперников, и я испугалась: конец, сейчас сорвется, начнется волчья драка, и наш секрет перестанет быть таковым.

Анфиса тоже поняла и с последних ступенек прыгнула к своему нервному супругу. Обвив его за талию и прижавшись всем телом, продолжила, глядя на озадаченного егеря:

— Это мой муж — Этьен Моро! Самый любимый мужчина на свете, вот.

— Муж? — вытаращился Сергей на нас обеих.

— Мы еще долго будем с этим человеком раскланиваться? — флегматично поинтересовался крупный, немного кряжистый и лохматый брюнет. — Поесть бы...

— Жакру, тебе бы только брюхо набить, — с любопытством глядя на меня, насмешливо укоризненно отозвался золотоволосый блондин. — А ведь здесь столько всего интересного...

Поль сжал меня с такой силой, что я пискнула. Реакция последовала немедленная, хватка ослабла, меня лизнули в шею извиняясь, но вслед за лаской мой нервничающий ревнивец негромко, абсолютно спокойно произнес:

— Я вырву глотку любому из вас, кто задержит свой похотливый взгляд на моей паре дольше пяти секунд. Кто хоть палец в ее сторону протянет. Откроет рот, чтобы словом обслюнявить не свое, даже выдохнет лишний раз в ее сторону...

Климов неуверенно улыбался, переводя взгляд с одного мужчины на другого, а наши «родственнички» продолжали стоять с наклеенными улыбками, но их позы становились все более напряженными.

— Представляю, что скажет папа... — исподтишка разглядывая замерших мужчин, старалась разрядить обстановку Анфиса, обращаясь ко мне на русском.

— Папа, папа... ты только представь, что скажет Василика, — мрачновато подхватила я

— И ваш отец приехал? — вовсе удивился Климов.

— Нет, это мы так в шутку Влада называем, сам же знаешь, он с нами носится не хуже отца родного, — нервно хохотнула Аня, чуть не проколовшись с нашей легендой.

— Месье, проходите в гостиную, пожалуйста, а то мы столпотворение в прихожей устроили, — сказала я на французском гостям. А егерю предложила на русском: — Дядь Сереж, вас кофейком угостить?

— Ну если не помешаю...

— Тот, кто охраняет наше сокровище, всегда друг нашему дому и клану, — неожиданно поддержал приглашение Поль.

— О, вы знаете русский? — радостно встрепенулся Климов.

— Да, работа обязывает знать несколько иностранных языков. Но русский — не очень, редко здесь бывать приходилось, — доброжелательно ответил Поль на корявом русском.

Французы разместились в гостиной, а Анфиса скрылась на кухне. Этьен занял позицию на входе, контролируя входы и выходы, и главное — «подходы» к своей женщине. Жених присел в кресло вместе со мной на коленях, крепко прижимая, не позволяя встать. Я каждой

клеточкой кожи ощущала, насколько напряжен мой мужчина, а его спокойствие и благосклонность — видимость только для человека.

Перекинувшись еще парой вопросов, Климов неожиданно посмотрел мне в глаза и спросил:

— Алис, скажи мне честно, что-то случилось? Я должен что-то знать?

Прикусив губу, я с минуту раздумывала, а потом решила рассказать часть правды:

— Этьен с Полем приехали утром. Мы созвонились, и они решили забрать меня в обед с работы. Собирались пожить у нас до возвращения Влада и Василики, но так случилось... — я судорожно подбирала варианты продолжения.

— Мы стали свидетелями преступления, — пришел мне на выручку Поль. — Из-за этого нас отравили, вернее усыпили и отвезли на лесопилку, чтобы устроить несчастный случай...

— Их хотели сжечь, — подхватила я историю. — Слава богу, я нечаянно услышала, из туалета вовремя вернулась и увидела, как наших с Аней... мужиков, выкидывают из окна директорского кабинета. Представляете?

— Сереж, ты не поверишь, — вернулась в гостиную тетушка и тоже не солгала против истины, — но Лиске хватило ума проследить за... теми козлами до Моховской лесопилки, вместо того, чтобы милицию вызвать, потом сказала мне, и мы понеслись ночью спасать наших иностранцев.

— В общем, в результате они нас, дурочек, спасали, — улыбнулась я.

— На той лесопилке уже минимум три подозрительно несчастных случая были. Со смертельным исходом, — помрачнел Климов, слишком серьезно глядя на нас. — Повезло вам, мужики, что Лиска оборотистая оказалась. — Подумал и добавил: — Дурная! Одна в пекло полезла...

Я виновато улыбнулась, но ответила залихватски:

— За своим хоть на Луну без скафандра, — при этом обнимая Поля за шею и прижимаясь к нему. И утонула в его голубых, как самое чистое небо, глазах. Вспомнился наш поцелуй, и жар мгновенно опалил мои щеки.

— Отлично смотрите вместе, — по-доброму усмехнулся Климов и добавил для Анфисы: — Обе пары. Уверен, сестра очень рада за вас, как и зять.

— Сестра? — встрепенулся блондин, к счастью, на французском. — У них есть еще свободная самка?

Этьен, указав глазами на фотографию на стене, с кривой ухмылкой обломал товарища:

— Она в паре. Это мать моей женщины, подбери слюни.

— Нет в жизни справедливости, — проворчал блондин.

А меня «накрыло»: пока смотрела на него, пальцы начали привычно зудеть, требуя занять их работой. Потянулась к журнальному столику, преодолевая сопротивление Поля, взяла блокнот с карандашом и со вздохом облегчения начала рисовать.

— Еще один счастливчик? — понятиво улыбнулся Климов.

— Надеюсь, у него будет не такой ужасник, как у меня, — проворчала Анфиса, затем обратилась к Сергею: — Нам нужна твоя помощь!

— Помогу чем смогу, конечно, — осторожно ответил он.

— Мы сегодня уедем. К тебе просьба: встретишь наших и расскажешь о причине отъезда.

— В доме останется один из наших... людей, — вмешался Поль, а я тем временем «творила» чужое счастье, краем уха слушая разговор. — Вы подтвердите, что... девочки

уехали сами, под надежной охраной.

— А что — у Влада могут быть сомнения? — с подозрением спросил Климов, опять насторожившись.

— По определенным причинам мы долго не поддерживали связи с родственниками, но пришло время все изменить, — вмешалась Анфиса. — Влад поймет. Нам очень важно, чтобы именно ты рассказал сразу, при встрече. Тебе сестра с мужем доверяют и поверят, а запискам или чужим — сам понимаешь. Мы не хотим, чтобы Влад с Василикой переживали, боялись за нас, думали неизвестно о чем. Мы сразу созвонимся с ними, но на всякий случай.

— Хорошо, это ваши дела, будьте спокойны, рассказать мне не сложно, — согласился Климов и полез в карман за звякнувшим телефоном.

Он достал дешевый смартфон, посмотрел на экран и, виновато улыбнувшись, ответил. Оказалось, жена беспокоилась: что случилось и как дела. В итоге, примерный семьянин и заботливый муж даже на кофе не остался. Выслушал последние инструкции, познакомился с Карлом, которому предстояло остаться в доме и тоже более-менее говорившем на русском. После чего егерь, к всеобщему облегчению, ушел.

Молчание длилось с минуту, пока каждый вер прислушивался к шороху шагов Климова. Скрипнула калитка — и все сразу же расслабились: человек покинул территорию оборотней. Теперь можно не сдерживать эмоции и повадки.

— Мадам, позвольте представить вам членов клана Морруа, — Этьен подошел к Анфисе и, взяв за руку, встал рядом с ней. Сначала показал на здоровяка брюнета: — Наш крепыш Жакру, — следом на блондина, — Джинкс. Правительства многих стран, банки и крупные компании полагают, что их серверы взламывает целая группа хакеров, а это Джинкс развлекается в одиночку.

Веры любезно кивнули, далее Этьен еще раз указал на Карла:

— Этот внешне вечно мрачный мужчина на самом деле весьма душевный и мягкий по натуре. Он встретит ваших родителей и проводит в Париж, к вам. Поверьте, он сможет расположить их к себе за пару минут, если захочет. Затем назвал следующего: — Жан. Отличный повар и следопыт лучший из всех, кого я знаю.

— Ты боишься, что, если не похвалишь, они нас вряд ли оценят по достоинству? — хохотнул Джинкс. — Или тебя самого?

Улыбка быстро сползла с лица Моро. Он недовольно прищурился, посмотрев на своего сородича. Затем указал на невысокого крепкого шатена с милыми ямочками на щеках и яркими синими глазами:

— Фабиан. Единственный приличный вер, кому бы я мог кратковременно доверить свою пару.

— Звучит как оскорбление, — оценил тот комплимент глубоким красивым баритоном. Остальные ощерились в усмешке.

— Жан, если вы собираетесь поехать раньше, чем в Париже, тебе придется взять дело в свои руки, — настоятельно посоветовал Поль.

— Ой, да мы сами сейчас и... — виновато всполошилась Аня.

Но у Этьена на ее счет были другие планы:

— Ты проводишь племянницу переодеться. И займитесь сбором вещей. На завтрак я вас позову. Не теряйте времени даром.

Наконец я оторвалась от блокнота, словно выплыла из своеобразного транса, и посмотрела на самопровозглашенного распорядителя. Анфиса удивилась не меньше, даже забыла руки в боки упереть.

— Что это? — отвлек нас от, мягко говоря, зарвавшегося Моро Поль.

Я посмотрела на рисунок в своей руке, на котором изобразила развалины древнего города без окон и дверей, вероятно историко-архитектурный памятник. Что-то знакомое... но основное внимание притягивает стройная девушка с фотоаппаратом в руке, в широкополой полосатой шляпе, длинном пончо и высоких сапогах. Симпатичное доброе лицо освещает улыбка. К ее локтю тянется рука с часами на запястье. Время — двенадцать сорок две пополудни.

— Очень похоже на город среди облаков Мачу-Пикчу в Перу... — задумчиво произнес Карл, взглянув сверху на мое творение.

Вырвав лист из блокнота, я смущенно улыбнулась и протянула рисунок Джинксу:

— Вот твоя суженая, ты встретишь ее именно здесь и ровно в это время. Правда, месяц,

год и даже день я не знаю. Только место, время суток и как примерно выглядит твоё счастье...

Блондин таращился на меня во все глаза, постепенно осознавая полученную как снег на голову информацию, до обидного скудную. Но дрожащие руки протянул и с трепетом принял рисунок. Несколько секунд любовался девушкой, пока любопытствующие Жан и Фабиан не подошли к нему ближе. Джинкс моментально вышел из оцепенения, прикрыл от «соперников» своё будущее сокровище локтем, зло зыркнул и отошел в сторону. Быстрым взглядом обшарил комнату, взял Анфисин журнал с модными стрижками и бережно вложил между глянцевыми страничками заветный рисунок. И только после того как спрятал, успокоился, кажется, и осторожно поинтересовался у Поля, глядя на меня:

— Это её дар? Такой?

Поль коснулся носом моей шеи и шумно, с откровенным удовольствием вдохнул.

— Да, она видит и рисует моменты встречи с тем, о чём больше всего в жизни мечтает и желает объект.

— А мне? — расстроено выпалил Жакру, с надеждой заглядывая мне в глаза.

Огромный мужчина с суровыми, словно вырубленными из камня чертами лица, смотрел на меня черными печальными глазами подобно обиженному несправедливым распределением подарков мальчишке. Впрочем, как и остальные обделенные на фоне везунчика Джинкса, не осознанно поглаживающего широкой ладонью трогательно прижатый к груди журнал. Глаза его сияли непередаваемым светом.

Я кивнула на него и пояснила «обделенным»:

— И вам будет. Непременно! Мне нужно время и сосредоточиться, чтобы подумать о вас, настроиться. Сейчас получилось спонтанно, на нервах, видимо.

— Нужно срочно домой лететь, — сипло заявил Джинкс.

Этьен озабоченно кивнул:

— Поль не просто так назвал Алису и Милану идеальной парой: одна — рисует место и время суток, вторая — указывает направление и уточняет, когда данное событие наступит. И все вы обретете своё счастье...

— Джинкс, успокойся, если бы Милана ощутила нужду твоей пары, вместо нас с Этьеном послали бы тебя... куда-нибудь. Расслабься, твоё время ещё придет, — добавил Поль.

Мы с Аней подозрительно переглянулись, и она спросила:

— В каком смысле — вместо вас? Послали? Этьен?

— Пара нашего главы, Милана, чувствует, когда и куда надо ехать кому-то из веров, чтобы обрести пару. Вас она тоже как сваха почувствовала и направила нас с Этьеном сюда. Собственно, фабрику тоже из-за предчувствия приобрела.

— Сваха? — хрипло выдавила я.

— Мы её теперь свахой называем. По сути, так и есть, — улыбнулся Поль, заглядывая мне в глаза. — И благодаря ей я нашел тебя.

— Лгуны! — рявкнула тетушка. — Вчера ввали, что искали воров...

— Душа моя, — напрягся её личный лгун. — Мы не хотели раньше времени... вас нервничать заставлять... дополнительно.

Анфиса смотрела на пару разъяренной фурией:

— Больше всего на свете ненавижу вранья. Хорошо же ты нашу семейную жизнь начал... муженек. Мы вам все как на духу выложили, а вы даже в малом обманули.

Тетушка развернулась и решительно направилась к лестнице. Этьен дернулся, словно от удара под дых, потемнел лицом, бросил на меня растерянный взгляд. А я, прилагая усилия, пыталась выбраться из стальных рук Поля, тоже напряженно сопевшего.

— Прости, — глухо попросил он. — От меня ты больше лжи не услышишь.

Моро рванул за своей парой.

Под злобное шипение вперемешку с воркующим баритоном, раздававшееся со второго этажа, я раздумывала: обижаться дальше или забыть этот неприятный момент — сложно обижаться на мужчину, который вызывает столько невероятных эмоций. Горячо дышит в затылок и держит так, словно развалится на мелкие кусочки или растает как снег по весне, если отпустит.

— Вы живете в... глуши, — мягко произнес Джинкс, по-прежнему прижимающий к груди журнал, даже руки на нем скрестил, — но ваш французский довольно хорош. Вы практиковались во Франции?

Я улыбнулась и покачала головой. Затем коротко рассказала историю своей семьи, закончив ответом на вопрос:

— ...языкам и всему остальному, что положено знать верам, нас учили дед и бабушка. Влад из дворянской семьи; еще лет сто назад знание вашего языка было обязательным в высшем обществе. Клан Василики жил на границе сразу трех государств, она владеет пятью языками. Жизнь носила их по российским просторам и очень многому научила. А они, желая нам лучшей доли, заставляли учиться. Я филолог по образованию, Анфиса — дизайнер; она окончила Институт культуры, потом — Университет дизайна и технологий. Мы предполагали учиться и дальше чему-нибудь интересному. К сожалению, ограничены в передвижении, поэтому большую часть знаний получаем по интернету.

— А ваши родители сейчас?..

— С туристами из Эмиратов в тайге. На медведя охотятся, — пояснила любопытным верам.

— Так, все, вопросы потом можно задать, — прервал нас Поль. — Джинкс, тащи свою аппаратуру, нам с фабрикой разобраться нужно и убираться отсюда.

Блондин сунул журнал за пазуху и быстро направился к двери.

— Отпусти меня, я хочу пойти переодеться, — шепнула на ухо своему ревнивцу.

Поль встал вместе со мной, донес до лестницы и поставил на ступеньки. Легко огладил мои ягодицы, вызвав жар смущения на щеках, снова прижал и с тяжелым вздохом отпустил, провожая взглядом до самого верха. Из-за двери Анфисиной спальни снова доносились стоны, видимо супруги мирились. Весело усмехнувшись, я пошла в ванную.

Спустившись обратно через полчаса одетой и причесанной, нырнула под руку своему мужчине, явно караулившему меня у арки и, думаю, ситуацию на первом этаже державшему под контролем, оценила происходящее: в гостиную перенесли стол из кухни, заставили закусками и свежеприготовленным омлетом, на журнальном столике Джинкс разместил два ноутбука. Любо-дорого посмотреть, как его пальцы словно бабочки порхают над клавиатурой.

— Ну что ж, все счета этих олухов я отследил и подчистил. Недвижимость «подарил» благотворительным организациям... от нашего клана. Улучшил, так сказать, карму, — мрачно хмыкнул специалист по высоким технологиям.

— Неужели это настолько легко? — изумилась я.

— Проще некуда, — криво ухмыльнулся Джинкс. — Я имею доступ практически ко

всем банкам данных, а если нет, то организую таковой в случае необходимости.

— А активы фабрики? — встрепенулась я, неожиданно задумавшись, какого цвета после трансформации его волк.

— Все вернули, не беспокойся, — кивнул Джинкс.

— Легко вам говорить — не беспокойся, — проворчала я, все-таки три года проработала. — Там четыреста человек работает, через неделю зарплата, а большинство целыми семьями на нее живут. Усть-Лим — маленький город, и наша фабрика — одно из крупнейших предприятий здесь. Если закроется, куда людям подаваться? Как семьи кормить?

— Выпиши им премии, — усмехнулся Поль, приказав Джинксу: — приказ подпишем сегодня.

Я фыркнула, подумав про себя: «Легкость, с которой оборотни фабрикой распоряжаются...»

— Кого назначить управляющим? — посмотрел на меня блондин.

Вот тут я озадачилась. Никогда в жизни не думала, что на меня возложат подобную ответственность.

— Главного бухгалтера уволить без выходного пособия, на ее место Нину Георгиевну Перову назначить, — с энтузиазмом начала я распределять руководящие посты. Эх, даже весело стало. — Директором — Панова, мужик пусть и пожилой, но порядочный и умный. И за производство как за ребенка переживает. Все остальное сам наладит.

— Составь приказы, как у вас положено, новый директор подпишет, — предложил Джинкс.

Я быстро подключилась к работе, составила проекты приказов с именами назначенных на должности и датами, чтобы осталось распечатать и подписать.

— Ваши удостоверяющие полномочия документы, вероятно, в кабинете у директора остались, — вспомнила я.

— Присаживайся завтракать, — Поль отодвинул мне стул, предлагая поесть.

В этот момент спустились Этьен с раскрасневшейся, прямо-таки сияющей от удовольствия Анфисой. Мужчины насмешливо закатили глаза, но задышали жадно.

Поль отвел друга в сторону, они перекинулись парой слов. В результате мой дядюшка согласно кивнул и объявил:

— Я с Жаном, Жакру и Фабианом на охоту, остальные с Полем здесь.

— Куда ты собрался? — встревожилась Аня, сразу же приняв озабоченный вид.

Этьен скользнул к своей женщине, обнял и, прижав к себе, пояснил:

— Заплачу по долгам, как обещал, и вернусь быстро. Нас ждет долгий перелет в Москву, а дальше — Париж...

Я вспомнила, что Этьен обещал вырвать глотки незадачливым отравителям, отправить в кислоту и множество других «приятностей» и невольно передернулась. Только одну глупенькую дурочку пожалела.

— Люську не трогайте, — попросила веров. — Она не злая, просто глупая. Шаров ее силой заставил вас опохать. Угрожал при мне. А потом он и ее в расход пустить намеревался.

— С женщинами не воюем, — легко согласился дядюшка. — Пусть живет...

На «охоту» оборотни, как они между собой называли возврат статус-кво, отправились с нескрываемым радостным предвкушением. И, чего греха таить, я боялась, причем, не потому что кто-то из них может пострадать. Меня пугала жажда крови. Влад никогда не проявлял

подобных качеств, был для нас добрым и заботливым мужчиной, наставником, защитником. А Морруа — настоящие хищники снаружи и внутри.

Для нас с Аней день прошел в сборах. Очень тяжело расставаться с нашим обжитым, теплым и родным домом, в котором, по сути, прошли мои лучшие годы.

За окном стремительно наматывающего километры джипа мелькали поселки, поля, леса, где вечнозеленые деревья по осени украшали одетые в красное и золотое, а нам в след ветер гнал облетевшие листья.

Происходящее верилось с трудом, ведь я впервые покидаю семью, тем более, без разрешения деда и в компании оборотней, мужа и Ани! Немыслимые перемены! Поль, сидевший, конечно же, рядышком, отдыхал, откинувшись на сиденье и прикрыв глаза. Досталось ему: сегодня не спал, перенес отравление и неизвестно как провел ночь накануне. И вообще, что было в его длинной-предлинной жизни до меня, — неизвестно, а хочется узнать. Я задумалась...

Проснулась я, лежа головой на коленях у мужа и обхватив их рукой, в тот момент, когда он пытался меня осторожно перевернуть, чтобы подхватить на руки и вынести из машины. Приятная забота! Мы на пару мгновений замерли, глядя глаза в глаза. Уже сумерки наступили, и звериный блеск мешал разглядеть эмоции, но, мне кажется, я их ощущала всем телом. Не стала отказывать себе в удовольствии и погладила колючую мужскую щеку — за делами Поль не побрился и сейчас напоминает лихого пирата. Я потянулась и, обняв его за шею, прижалась ненадолго, глубоко вдыхая пряный аромат. Он сразу обнял меня и выдохнул в макушку:

— Нежная моя, ласковая моя. Вкусная...

Я смущенно фыркнула ему в шею, потерлась носом. Раз мужу нравятся мои щечячи нежности, то почему бы не порадовать. Поймала себя на мысли, что хочу доставлять ему удовольствие чем угодно и как угодно, видимо инстинкты и надо мной берут верх.

— Вылет через полтора часа, нужно поторопиться — это не частный самолет... — без раздражения, наоборот сочувствуя, предупредил Джинкс с переднего сиденья и выбрался из джипа.

Через минуту оба вера вытащили чемоданы и сумки из багажника и настороженно крутили головами, оценивая обстановку. Из второго автомобиля к нам присоединились остальные. Анфиса сладко зевала, привалившись к плечу Этьена. Еще бы, у нее ночь прошла более бурно, чем моя.

— А что с машинами будет? — заинтересовалась я.

— Их заберут!

Не дождавшись подробностей, поплелась за Полем. И хотя он попытался взять меня на руки, как Этьен Анфису, мы обе пресекли эти глупости. Незачем нам лишнее внимание, «тестостероновая», брутальная группа и так привлечет. Дамочки уже начали оборачиваться поглазеть на красивых сильных мужчин, одетых с иголки, вызывая уже нашу ревность, хоть обе знаем, что оборотень, нашедший пару, не способен изменить. Но росли в другом обществе и стереотипы разом не изжить.

Регистрация и посадка на рейс нас с Аней взбодрила, ведь впервые мы отправимся на самолете, а не на вертолете. Собственно, нам было любопытно практически все. Но хватило нас ненадолго, еще на взлете я привалилась к плечу Поля и провалилась в сон.

Шереметьево поразил размерами, столпотворением и непривычным гомоном, навалившись разом, слегка дезориентируя и пугая. Я мертвой хваткой вцепилась в руку Поля, чувствуя себя маленьким потерявшимся щенком. И судя по настороженному взгляду Ани, ее обуревали те же чувства.

Погодные условия в Париже подкачали, из-за чего вылет самолета, принадлежащего Моруа, задержали на несколько часов, поэтому нам пришлось ожидать в зале для бизнес-класса. Хотя это тоже оказалось познавательным. В нескольких зонах в комфортных креслах расположились, ожидая вылета, другие пассажиры. Большею частью иностранцы. Мы с Анфисой выпили чаю с пирожными, а наши сопровождающие тихонько переговаривались между собой. Ждать оставалось совсем немного, самолет должен был вот-вот приземлиться и забрать нас на борт.

— Я хочу в туалет, — шепнула Аня мне на ухо.

— И я, — согласилась с ней, оглядываясь в поисках соответствующей комнаты.

Вслед за нами встали наши мужчины с явным намерением сопроводить.

— Здесь закрытая зона, вход только по билетам, — шикнула Аня. — Мы еще в туалет с группой товарищей не ходили.

— Мы и так привлекли к себе внимание, — поддакнула я.

Поль и Этьен, в кои веки растерявшиеся от нашего напора, остались на месте, глядя нам в след, строго предупредив:

— Туда и обратно, и никуда не сворачивайте.

Умывшись и приведя себя в порядок, мы подошли к стойке регистратора, чтобы выбрать себе по журналу. И таким образом выпали из обзора нашей охраны.

— Какая неожиданная встреча, — прозвучал незнакомый голос у меня над головой, а вслед за ним окутал весьма характерный сильный запах вера.

Вздвогнув, я посмотрела вверх и взглядом столкнулась с серо-стальными глазами интересного русоволосого мужчины: тяжелый квадратный подбородок, черты лица резкие, густые брови сведены к переносице. И одет этот представительного вида оборотень соответственно: в серебристо-серый дорогуший костюм, рубашку с галстуком в тон — весь какой-то серый, но отнюдь не безликий, а стальной и мужественный.

Незнакомец рассматривал меня настолько пристально и жадно, что неловко и неуютно стало. Затем он перевел взгляд на Анфису, повернувшуюся с опозданием, заинтересовавшись модным журналом. Выражение его лица не изменилось, только моргнул пару раз широко распахнутыми почерневшими глазами.

Я поймала себя на мысли, что если бы не Поль, то, вполне возможно, мне бы понравился этот мужчина, и заблуждалась, пока он снова не открыл рот:

— Бывает же! Я сотню лет искал одну Василику, а тут — целый подарок судьбы: сразу две. — Он глубоко вдохнул, еще раз, а потом, наклонив голову, разглядывая нас, замерших от страха, с каким-то гастрономическим интересом, добавил: — И обе не она, но молодое мясо даже лучше.

— Господа, могу я вам чем-нибудь помочь? — услышали мы регистратора.

— Можешь! — не оборачиваясь, глухо произнес мужчина. — Забейся в угол и не отвечивай! Этих двух забираем, планы меняются.

Не успела среагировать, меня ткнули чем-то острым в шею и подхватили на руки. Сознание стремительно заволокла темнота, но, еще пытаюсь уловить последние крохи света, я услышала крик Анфисы... загадочный шум и гам...

Какой-то приглушенный шум и ощущение движения, сходное с тем, когда спишь в машине. Кажется, я куда-то еду... или лечу... только голова ватная... и по ней кто-то мерно поглаживает... Чьи-то сильные пальцы, зарывшись в мои волосы, массировали виски и макушку. Приятно!..

Жадно схватила воздух и, слава Луне, сразу почуяла десятки запахов. Сначала — кожаного салона автомобиля, знакомый по новехоньким джипам директора и зама, да и сам автомобиль, скорее всего, побывал в химчистке. Затем раздался тяжелый, мускусный аромат оборотня, нет, — сразу трех. Незнакомых! Еще я распознала запах шампуня, которым они пользовались, видимо, утром, пищи, которую недавно ели...

Странные мысли кружились в голове, никак не желая четко выстраиваться, чтобы помочь мне вычленить главное, подсознательно пугающее и требующее концентрации внимания. Тело непривычно затекло, я заворочалась, наконец сообразила, что лежу головой на чьих-то слишком твердых коленях, а может мужчина просто напрягся...

С трудом открыв глаза, — веки словно свинцом налились — я уперлась взглядом в ширинку и ремень на мужских брюках. Значит, лежу лицом к незнакомцу-веру. Медленно приподняв голову, посмотрела вверх и встретила холодный стальной взгляд. И я уже видела эти глаза, недавно видела где-то, кажется, в аэропорту. Мирослав! Имя всколыхнуло память, услужливо вытащившую на поверхность последние события. Я судорожно сглотнула, смачивая горло, прогоняя горечь, нервно облизнулась, а давний враг семьи, массиравший до этого мою макушку, вдруг натянул волосы так, будто скальп содрать захотел. Его стальные глаза, впившись в мое лицо, сразу потемнели. Но в голове от боли прояснилось и, притерпевшись к ней, подсознательно решив не показывать, я сипло спросила, чтобы проверить свои подозрения:

— Вы Мирослав Серый?

— Да, детка, ты абсолютно права, — его голос звучал ровно, как в навигаторе, не передавая ни малейших эмоций.

Кошмар из прошлого бабушки и дедушки рассматривал меня с отстраненным любопытством, словно бабочку, пришилennую к картонке, как энтомолог, встретивший интересный экземпляр.

— Где она? — в том же тоне спросил он.

— Вам не добраться, — в страхе прошептала я.

Не глядя в глаза, Мирослав отпустил волосы и провел ладонью по моему лицу ото лба до подбородка. Задержавшись на губах, обвел их большим пальцем, чуть надавив.

— Нежная маленькая самка, — глубоко втянул мой запах и продолжил, — тогда, ты заменишь мне ее. Так даже лучше, люблю новые ощущения.

Я замотала головой, напрягаясь всем телом, но его ладонь на моей щеке будто затвердела, придавив каменной плитой.

— Не переживай, зная Василику, я уверен: она придет за своим щенком куда угодно.

У меня перехватило горло от ужаса: «Дура! Подставила и себя, и других со своей самостоятельностью. Какие могут быть сомнения? Конечно, Влад с Василикой придут за мной, но во что выльется мое спасение — одной Луне известно».

Мы словно сцепились глазами: я затравленно рассматривала его, а он, с радующим

безразличием, — меня. Внутри все вибрировало от страха, напряжения и тревожного ожидания дальнейших выходов опаснейшего вера, врага. Вероятно, поэтому опять проявился мой дар, а раз под рукой не нашлось ничего, на чем можно было бы рисовать, картинка запечатлелась у меня в голове. Ведь если видение не перенести на бумагу, оно непременно «застрянет» в сознании. И сейчас мне достался новый кошмар — жуткий, яркий, кровавый...

— Ты плачешь? — неужели я смогла нарушить его равнодушно-невозмутимое состояние?

Мысленная картинка перед глазами не давала сосредоточиться, контролировать слова и эмоции. Я вытаращилась на Мирослава, особенно остро ощущая сиденье, на котором лежу, свернувшись калачиком, его брюки из тонкой шерсти под щекой, напряженные бедра. И запах усилился, выдавая звериную злость оборотня. Жестокого, мстительного, одинокого... навечно.

Мужчина почти нежно стер большим пальцем слезы с моего лица, но произнес равнодушно:

— Почему ты плачешь, детка?

— Мне жаль, что в твоей жизни больше никогда не будет счастья, не будет детей, ничего хорошего не будет...

— Почему? — он демонстративно насмешливо приподнял серые густые брови.

— Твои же оборотни убили твою пару, а ты стоял рядом и наблюдал за ее казнью с улыбкой... — судорожно всхлипнув, я с трудом продолжила. — Маленькая очаровательная белокурая девочка-подросток, какой она была в момент вашей встречи. Убитая горем, среди уже растерзанных родных. Ее отец у твоих ног... словно застывший в падении, с вырванной глоткой. Перед смертью она видела запачканного кровью, ухмыляющегося, спятившего убийцу своей семьи, хмурое небо и, наверное, уютный дом из красного кирпича под старыми березами, в котором жили счастливые обитатели. Ты сам, собственными руками, уничтожил свое будущее: любовь и нерожденное потомство — все сразу, с улыбкой и походя, не задумываясь о последствиях. А ведь она единственная могла тебя спасти от одиночества...

Похититель, недавно терзавший мою голову, сжал горло с такой силой, что я захрипела.

— Ты видела казнь Шаталовых? Или тебе кто-то рассказал?

Задыхаясь, я отчаянно просипела:

— Видела, но не глазами, а душой.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Мучитель острым длинным когтем потянулся к моему подбородку, заставив откинуться назад, вспорол кожу, но хоть перестал душить, позволив судорожно вдохнуть и — почувствовать запах собственной крови. Он смерил меня бешеным взглядом, враз растеряв показное спокойствие, проявляя истинный нрав и суть:

— Шаталов пошел против меня, сговорился с врагами клана за моей спиной, хотел предать... — замолчал на полуслове, склонив голову к плечу, и стало очевидным: меня рассматривает волк, а не человек. Мирослав глубоко вдохнул, серые суженные глаза вспыхнули желтоватым светом. Опять прошелся когтем по моей шее, будто забавляясь, решая мою судьбу. Я похолодела и замерла, как мышь уставившись на голодного питона.

Вер не забыл, не пропустил важную информацию:

— Почему ты назвала того щенка моей парой?

Я осторожно сглотнула, чтобы коварный одержимый оборотень нечаянно не перерезал мне глотку когтем-бритвой. Потом, не отпуская его взгляда, слишком похожего на взгляд

готового к прыжку хищника, приподнялась, каждую секунду ожидая нападения, и неуклюже отодвинулась к двери, прижалась к ней и осмотрелась. Оказалось, мы едем не на джипе, а на длинном солидном мерседесе; на руле я увидела знакомую всему миру трехлучевую звезду. Тайком дернула ручку — уж лучше вывалится на дорогу и покалечится, но вырваться из плена. Увы, дверь оказалась заблокированной.

— Я задал вопрос, Алиса, и жду ответа, — голос скрипучий, злой.

— Ты знаешь мое имя? — удивилась я.

Кто-то из сидящих впереди веров хмыкнул, заставив обратить на них внимание. Телохранители напомнили персонажей мультика «двое из ларца»: одинаковые русые затылки, широкие плечи и черные кожаные пиджаки. Ни один не повернулся к нам, смех, видимо, невольно вырвался, потому что Мирослав смотрел на свою охрану с неудовольствием, грозящим неприятностями.

— Вторая копия Василики, надо отметить, с гораздо более аппетитными женскими формами, чем у тебя, орала как резаная, — соизволил ответить Мирослав, от которого я непозволительно отвлеклась, но, к моему везению, не поплатилась. — Теперь весь аэропорт знает твое имя. Вдобавок та сука откусила ухо одному из моих телохранителей, хотя за нерасторопность — бабу выпустил, идиот, — я бы лично вырвал ему глотку, да жаль, что это сделали за меня.

— Аня откусила ухо? — выдохнула я потрясенно. — Вырвала глотку? Не-е-е... — я недоверчиво замотала головой, забывшись на миг.

Серый на мгновение ощерился в ярости, только-только было утихшей:

— Нет, мою охрану на части разорвали двое волчар. Думаю, один из тех, чья метка уродует твою тонкую шейку.

— На части? — всхлипнула я. — Прямо в аэропорту? На глазах у всех?

Мирослав блеснул клыками в угрожающем оскале, но ответил снисходительно:

— Стычка произошла в закутке регистраторов, свидетелей из людей в живых однозначно не осталось. Слишком много оборотней на один квадратный метр оказалось. И целых две свободных самки...

— Зачем? — я опять всхлипнула. — Зачем мы вам нужны, ведь вы ненавидите весь мир...

— Я назвал ее своей, но какой-то щенок украл мое! Они обязаны заплатить, иначе кто-то может счесть, что Серого можно в расчет не брать! — коротко отрезал Мирослав.

— А теперь на нас будут охотиться люди! На всех нас! — эмоционально воскликнула я.

Неожиданно Мирослав рассмеялся, будто я сморозила несусветную чушь:

— Люди для меня не угроза и даже не помеха. Видео удалили, свидетелей, если таковые все же найдутся, зачистят, приказы я отдал. Связи у меня есть везде, последствия не волнуют. В этом мире деньги решают все, меняют правила и устои, стирают любые границы.

— А мои... спутники? — спросила я обмирая.

Вер отчетливо скрипнул зубами, но вместо ответа, который бы позволил вздохнуть свободнее, яростно процедил, подаваясь ко мне:

— Я задал тебе вопрос: почему ты назвала ту девчонку моей парой? — и оставил мучиться в неведении, сходить с ума: что с моими спутниками? Не может быть, чтобы сильные и умные Поль и Этьен исчезли... погибли.

Мирослав смотрел так, что я отчетливо поняла, не отвечу — умру! Моя жизнь для него — пыль. И в этот момент меня словно «заклинило»: вот он — причина страданий, бед и

горя, передо мной. Появилась возможность не наказать, а хотя бы высказать все наболевшее ему в лицо, пусть знает: Мишкины не ломаются!

— Потому что так и есть! — рыкнула я в ответ, тоже подаваясь вперед, отринув страх. — Ты своими руками убил свою пару. Точно так же, как и все хорошее, что тебя когда-либо окружало. Уничтожил клан моей бабушки, чуть не разрушил ее жизнь, по большому счету, ты виноват в гибели моей мамы. И теперь твоя судьба — пустота. Ничего светлого, доброго, счастливого. Только одиночество и злоба — вот твоя награда!

— Сколько пафоса, детка, — прошипел он в ответ. Взметнул руку, подобно нападающей змее, к моему лицу, приложил затылком о спинку сиденья и сдавил так, что у меня из глаз слезы брызнули. — Заткнись! Только я решаю, что мне станет наградой. И вот это как раз — реальность.

— Я...

— Ты всего лишь мясо, детка. Пока молодое и, надеюсь, на вкус приятное. Будешь хорошей девочкой, сильно не пострадаешь. Нет — отдам своре своих шакалов, они тоже любят молодое мясо. Я привык к лучшему...

— Вас не поддержат! Ситуация в мире меняется. Последние сто лет почти не рождались самки. Ваш собственный клан не позволит убить свободную, а вдруг я последняя?

Краем глаза заметила шевеление на передних сиденьях: «двое из ларца» согласно заволновались.

— Наивный, глупый щенок, — расхохотался Серый, тоже отметив реакцию охранников. Но быстро успокоился и теперь разглядывал меня с ухмылкой. — Убить — да, слишком расточительно, но есть множество других развлечений. Когда мне надоест, я выставлю тебя на аукцион и продам любому, кто заплатит больше.

— Это ужасно! — выдохнула я, отодвигаясь. Спустила ноги на пол и села ровно.

— Согласен, найдется немало веров, которые гораздо хуже меня и общение с ними тебе вряд ли понравится.

— Ужасно, что в первый момент вы произвели на меня приятное впечатление. Но ваша внешность и внутреннее содержание несовместимы до тошноты.

— Испачкаешь салон, заставлю вылизать целиком, — ровно отозвался он отворачиваясь.

— Я принадлежу клану Морруа, конкретно — Полю Лазару Морруа. Я его пара и требую, чтобы меня освободили немедленно, — это был мой последний козырь.

Серый нахмурился, посуровел, но ответил спокойно и уверенно:

— Раскроешь рот еще раз — пожалеешь.

Но в зеркале заднего вида я заметила потрясенный взгляд водителя, тот явно не ожидал подобной новости и наверняка насторожился, если не испугался.

Откинулась на спинку, я заставила себя расслабиться, разгладила брюки в мелкую полосочку и поправила куртку. Если моя новость озаботила оборотня из клана Мирослава, значит мои живы и смогут помочь. Мало того, его реакция свидетельствовала, что Морруа — известные личности и явно уважаемые.

— Ты не ответила на мой вопрос: откуда знаешь, что...

Сжав руки в кулаки, я отвернулась от Мирослава на осенний пейзаж за окном. Мы проехали два поселения, дальше леса сменялись полями. Впереди показались дома — очередной городок или посёлок, должно быть. Куда мы направляемся? Может в Питер, на территорию Серого? Впереди несся черный джип, а мы не обгоняли, следуя четко за ним,

значит это охрана. Сколько же времени меня везут? И как далеко от своих уехали?

— Если я задам вопрос еще раз и не получу ответа, ты пожалеешь! — прозвучала угроза от Мирослава.

Я скосила глаза на часы на его руке: двенадцать — пятнадцать. Часа два прошло... или больше?

— Глава, нас преследуют, — предупредил водитель.

Я встрепенулась, сердце забилось с утроенной силой.

— Уверены? — процедил Серый.

— Да, мы не смогли оторваться, они пошли на сближение...

Черная махина появилась слева от нас, блокируя, не давая вырваться вперед.

— Тормози! — рыкнул Мирослав.

В следующий момент в зад мерседесу врезалась еще одна, я дернулась назад, вскрикнув от неожиданности.

— Нас блокируют, — заревел водитель, закрутив головой и удерживая руль.

Через секунду впереди идущий джип сопровождения так же резко притормозил, отчего мерседес врезался ему в зад. Я приложила о спинку переднего сиденья.

— Они зажали нас, — заорал охранник, но в этот момент его выстрелом из соседней машины заставили замолчать.

Я вопила, Мирослав матерился, машина вздрогнула — на крышу что-то тяжелое упало. В следующую секунду сзади раздался удар и посыпалось стекло. Голова Серого странно дернулась, и оборотень завалился вперед. Я скрючилась, закрыв свою голову руками от осколков, а вокруг моей груди словно тиски сомкнулось. В следующий миг меня резко выдернули из машины. Вылетая наружу, я заметила черную тень, скользнувшую в разбитое окно.

И пока я с визгом летела, из несущейся, заблокированной с четырех сторон машины выскользнул на багажник мужчина... Этьен. От изумления я даже замолчала. Он легко держался на крышке, словно заправский эквилибрист, вытянул руку и, широко улыбнувшись, продемонстрировал мне — голову Мирослава... отрезанную... сильно кровоточившую, отчего кровь разлеталась на ветру, заляпывая стекло преследующей машины.

— Бешеному псу собачья смерть! — рыкнул у меня над головой Поль.

Заскулив, я подняла голову и столкнулась с пылающими яростью голубыми глазами. Он висел на тросе, спущенном из небольшого спортивного вертолета.

Из открытой двери вертушки высунулся Джинкс с короткоствольным автоматом в руке:

— Привет, малышка, ждалась, наверное?

Вновь опустив голову вниз, я увидела, как Этьен бросил голову в разбитое окно и одним мощным прыжком перемахнул на крышу соседней машины. Еще мгновение — и он скрылся в салоне джипа. Преследователи затормозили, коробка резко распалась, вертолет уносил нас в сторону, а два «связанных» между собой автомобиля внезапно словно набухли и, вздрогнув всей массой, разлетелись. Воздух сотряс мощнейший взрыв, уничтожающий следы.

Поль подтянул меня вверх, крепко прижимая к себе, а я вцепилась в него руками и ногами, не в силах от переизбытка эмоций произнести ни слова. Лишь судорожно вздрагивала, захлебываясь сухими рыданиями.

Сквозь ветер и дождливую морось я слышала его горячий шепот:

— Больше ни на шаг, слышишь, ни на шаг от себя не отпущу. Я три часа умирал от неизвестности... если бы с тобой что-то случилось, я бы... я бы... — он даже подобрать слов

не мог, прижимая к себе, будто я последний глоток воды, воздуха, сама жизнь.

А я, уткнувшись ему в шею, глотая слезы, сама себе клялась, что больше ни ногой от него. Сама стану тенью. И вместе с тем чувствовала уверенность: в будущем мне ничего не грозит — Поль за мной пойдет хоть в ад. Или полетит...

Нас «отбуксировали» подальше от места происшествия. И пока мы приземлялись на поле, на бегущей вдоль него проселочной дороге резко затормозила машина. Из распахнувшейся двери выскочила Анфиса и понеслась к нам, размахивая руками и крича. Но из-за шума вертолета я не слышала, о чем, да и не важно. Главное — живая и здоровая тетушка, даже если ругается, все равно приятно.

Пока Поль отстегивал обвязку и освобождался от троса, следом за первой машиной появились еще четыре черных джипа. Я нервно хихикнула себе под нос: «К нам пожаловали люди в черном».

— Цыпленок, ты как? — прохрипел Поль, приподнимая и прижимая меня к груди.

— Было страшно, а сейчас... словно на триллер сходилась и перевариваю впечатления, — честно призналась я. Поежилась, чувствуя его прохладный нос под воротником, в ложбинке между плечом и шеей, и хихикнула: — Щекотно, Поль...

Подлетела зареванная Анфиса, чем поразила до глубины души — сроду ее такой не видела. Без церемоний вырвала меня из лап жениха и прижала к своему полному третьему размеру. «Этьен сам себе завидует!» — снова возникла мысль не к месту и времени.

— Маленькая моя! Кровиночка! Деточка... — голосила и всхлипывала тетушка, гладила по волосам, заодно вытаскивая из них осколки и ощупывая мои руки-ноги.

— Ань, ты чего, у меня ничего не болит, отделалась, можно сказать, легким испугом, да драными штанами. Прекращай телячьи нежности, — усмехнулась я, а в следующую секунду, растеряв браваду и наигранное веселье, тоже разревелась, прижимаясь к ней.

Мы рыдали в обнимку в окружении больших, сурового вида мужчин, наверняка не привыкших к подобному, а Поль с Этьеном растерянно поглаживали нас по спине и, судя по прямо-таки трагичным лицам, испытывали вселенскую вину.

— Поль, глава! — услышала я голос Джинкса.

— Да, она со мной... — я прислушалась к телефонному разговору Поля с братом. — Невредима... Нет, не тронута... Напугана... Мертвый... Как-как, голову оторвали, чтобы другим неповадно было... Нет, следы подчистили... Да, везде... До встречи.

После разговора его напряжение вылилось в яростное рычание:

— Жаль, что эту скотину нельзя убить еще раз... нет, много-много-много раз. Получил бы удовольствие от его страданий.

Поль шагнул ко мне вплотную, обтек со спины и, уже, наверное, привычно уткнувшись в макушку, глубоко вдохнул.

Этьен, стоящий рядом с Анфисой, проворчал:

— Позорище... Два великовозрастных барана... Сначала тележка из-под дерьма, а теперь вот — пару из-под носа увели...

В груди у вздрогнувшего всем телом Поля завибрировал глухой рокот, но он молча признал свои ошибки. А вот Джинкс неожиданно коротко хохотнул, досадливо покачав головой, потом, приподняв указательный палец, заявил:

— Зато, заметьте, месье, мы растем! Тьери потратил два месяца на поиски Миланы, Рене — два дня, а мы — три часа всего. Таким образом, скоро научимся не терять своих женщин по дороге домой.

Мы с Анфисой, шмыгая покрасневшими от холода и слез носами, с огромным интересом слушали скудные сведения из жизни клана Морруа, забыв о передрыгах, уж больно любопытно.

— Если бы не паника среди людей, я бы по головам охраны до этого шакала добрался и еще в зале все лишнее у него оторвал, — злобно рявкнул Поль, крепко обнимая меня, заключая в плен.

К нам подошел незнакомый оборотень, один из прибывших на джипах. Представительный шатен в черном классическом пальто и туфлях, совсем не предназначенных для хождения по полям. Этот красивый мужчина, невысокий, но крепкий, с теплого шоколадного цвета глазами с вежливым интересом рассматривал нас с Аней. Без сексуальной подоплеки и не задерживая внимания на ком-то одном. Можно сказать, первый такой встретился. Видимо, решил не провоцировать наших мужчин, пребывающих в состоянии воинствующей ярости, на ревность. А может быть, у него есть пара, или мы не в его вкусе.

Выслушав моего суженного, незнакомец призвал его уgomониться на французском, но, пожалуй, не на своем родном языке:

— Хватит уже! Морруа, ты сам знаешь, что в этом случае началась бы перестрелка прямо в аэропорту, но с полицией! Ты уверен, что тогда кого-нибудь из ваших женщин не подстрелили бы нечаянно? И мы вряд ли смогли бы убедить полицию, что была не попытка теракта, а обычные бандитские разборки. А списать на несчастный случай трупы, разбросанные конечности, кровь и...

Анфиса громко икнула, схватилась за живот и побледнела; уж слишком жесткие аргументы привел вер.

— Кость тебе в глотку, Андре, ну зачем подробности?! — от досады взвыл Этьен, отстраняя от меня Аню и прижимая ее к себе.

Рядом неожиданно мрачно хмыкнул Жакру, который до этого момента вообще предпочитал молчать или «угукать»:

— Никогда не забуду твою гламурную кису с чужим ухом в зубах и зверским оскалом. К такой тылом лучше не поворачиваться...

Анфиса побледнела, а потом, закрыв рот руками, рванула прочь от нас, верно, намереваясь попроситься с содержимым желудка.

Перед тем как рвануть за ней, Этьен злобно рыкнул в лицо Жакру, отчего тот стремительно отпрыгнул, чтобы без носа не остаться, наверное.

— Разве я сказал что-то неприличное? — здоровяк брюнет развел руки-лопаты и окинул нас непонимающим взглядом. — Под впечатлением... искренне...

Оглянувшись на Аню, скрючившуюся в сухостое неподалеку и воркующего над ней Этьена, тоже растерянно посмотрела на остальных. Неужели Мирослав прав — моя милая домашняя тетушка кому-то ухо откусила?

— Когда тебя вывели из строя, Анфису тоже схватили, но она смогла вывернуться. А увидев, что ты без сознания, сама ринулась в атаку и... укусила, куда достала, оказалось весьма удачно, — весело просветил Джинкс, глядя на меня с ухмылкой. — Познакомиться бы с твоими родственниками, выращившими двух отважных женщин, готовых броситься на защиту друг друга, не раздумывая.

— Обязательно познакомишься, — я смутилась от похвалы. Пришлось с тяжелым вздохом признаться: — Только сначала увидишь, как Влад нас на лысо побреет, когда

узнает, сколько глупостей мы натворили и в какие неприятности сунули свои любопытные носы.

— Больше никто не посмеет тебя и пальцем тронуть, — глухо пообещал Поль. Затем, глянув на обессиленную Анфису, которой Этьен помог привести себя в порядок и даже застегнул куртку доверху, чтобы не замерзла, подхватил на руки и понес к нам, добавил: — Пора ехать. Самолет ждет нас в другом аэропорту.

— А чем меня отравили? — взлетев на ручки к Полю, я обняла его за шею, устало прижавшись щекой к плечу.

— Ничем.

— Но как же? — встрепелась я. — Если я только полчаса назад, наверное, пришла в себя. И ощущение было мерзкое, будто ваты в голову напихали...

Поль тяжело вздохнув, лизнул меня в висок, напомнив этим жестом провинившегося перед хозяином пса, и объяснил:

— Как и у людей, у веров есть определенные точки на теле, воздействие на которые вызывает кратковременную дезориентацию. Но ты еще... юная, щуплая и с... особенностями. Он ткнул тебя в шею шариковой ручкой, остался синий след под челюстью. Видимо, слишком сильно и весьма точно, потому ты сразу и надолго отключилась. Это не сложно, если знаешь куда и как бить...

— Ты тоже так умеешь, Поль?

— Да, — спустя несколько мгновений ответил он. — Клан Морруа... мы наемники, палачи и судьи.

— Ясно, — шепнула я, задумчиво разглядывая свою коленку. — Вторые штаны за сутки порвала.

Поль притормозил и почти испуганно выдохнул:

— Ты поранилась?

— Нет-нет, ерунда, просто одежда неприспособленная. — Ну кто меня за язык тянул, спрашивается? И так мужик на нервах, а я со своими тряпками.

— Мадам, завтра все магазины Парижа будут к вашим услугам, — взялся успокаивать Джинкс, пружинисто шагая к машинам впереди нас.

— Спасибо, но лучше я как следует отосплюсь. — Положив голову на плечо Полю, посмотрела назад.

Импозантный шатен, которого за суетой забыли представить, о чем-то говорил пилоту на русском — ветер доносил отдельные слова. Тот кивнул и пошел к вертолету. Затем незнакомец поспешил за нами.

— Кто этот мужчина в черном пальто, которого Этьен назвал Андре? — тихо спросила я. — Кто-то из тех, что помогали вам во время погони? Вам удалось быстро нас найти, догнать и... спасти.

— У нас широкие связи и полномочия, — вернул себе спокойный деловой тон Поль. — Мы преследовали вас с самого начала, не теряя из виду. Оставили этого... Серого без большей части охранников, но он успел удрать на двух машинах, пока нас пару минут блокировали люди... охрана аэропорта.

— Вашего давнего врага многие зовут Одержимым, — с презрением и злостью высказал Этьен. — Последние годы совсем страх потерял и связь с реальностью. Он питерский, а вел себя здесь, как на своей территории. Ему беззакония не простили, а нас поддержали...

— Андре... Андрей Волховский — глава одного из старейших московских кланов, —

наконец представил Поль нашего союзника. — Я связался с ним и договорился о прикрытии и технической поддержке.

— Ваше появление было невероятным, — восторженно выдохнула я, слушая об их приключениях. — Ну... было отчаянно и... круто, особенно вылетать из окна автомобиля на вертолетном тросе!

Захихикала Аня, еще бледненькая, но хоть цвет лица не отдает синевой. Глядя на нее, Этьен хмыкнул. Джинкс обернулся с улыбкой, по ходу дела проверяя, не потерял ли заветный рисунок, спрятанный за пазухой.

— Ребенок почти, — услышала я снисходительное замечание догнавшего нас Волховского.

— Мой цыпленочек, — с трогательной нежностью шепнул мне на ухо Поль, царапнув подбородок щетиной.

В автомобиль он сел со мной на руках и держал будто ребенка. Но вырваться или возмущаться уже не тянуло. Новый мир, мир оборотней, напугал до чертиков. Раньше в качестве страшилки служил образ Мирослава, но его поступки, упоминание об аукционе, где можно продать женщину... и ведь он точно не врал в тот момент, значит подобные гнусные вещи, угнетающие и шокирующие, существуют.

Меня с детства предупреждали о судьбе полукровок, и к старому страху добавился еще один: в этом мире, у людей и у оборотней, правит сильный. И за каждым углом могут ждать неприятности.

— Надо быть сильной, хочу научиться давать отпор, — вырвалось у меня.

— Просто будь всегда рядом, — сначала непререкаемо ответил Поль, но через минутку, глухо добавил: — Я научу тебя тому, что нужно.

Я впервые ехала в солидном кортеже с мигалками, которыми Волховский имел право пользоваться, чем удивил еще больше и добавил решимости стать сильной.

Несколько часов, пока плавно, на высокой скорости ехали по хорошей трассе, мы по большей части молчали. Каждый варился в собственном соку: терзался сомнениями, виной и разбирал ошибки. Сидевший рядом с нами Джинкс уткнулся в ультрабук и, надо полагать, работал или искал что-то.

Подмосковные красоты, увы, не воспринимались, сколько бы я не пыталась сосредоточиться. Слишком много событий и приключений оказалось для слабой полукровки за двое суток. Поэтому, перестав бороться с усталостью, я дремала, нежась в надежных объятиях Поля, ощущая крепкое мужское тело своим. Его теплое дыхание шевелило волосы на моей макушке, сердце ровно и сильно билось под ухом, щеку согревал обтягивающий широкий мускулистый торс тонкий свитер, в который я для надежности вцепилась. Выглядел мой «захват», конечно, по-детски, но зато чувствовала себя так увереннее, не опасаясь потерять пару, пока держала.

Очнувшись от резкого громкого звука, проникшего в салон, — столичный шум периодически давал о себе знать — я подняла голову и сразу же утонула в светло-голубых глазах Поля, мгновенно среагировавшего на мое движение. В них отразились нежность и волнение.

Удивительно, мне хватило всего два дня, чтобы привязаться к нему, нуждаться в его присутствии рядом, в простой физической близости. Чтобы самой себе признаться, что попала в зависимость от его тепла и запаха, окутывающего меня, и не в силах контролировать эту привязанность. Чувства, несколько пугающие неопределенностью, но

когда Поль широкой ладонью ласково поглаживал мое лицо, заправляя мешавшуюся черную прядку за ухо так мягко, как родные обычно, сладко щемило в груди.

— Алиса, тебе что-нибудь надо? — он нахмурился, напрягся. — Или болит?

Любуясь его волевым мужественным лицом, я неуверенно улыбнулась, отрицательно покачала головой и подушечками пальцев обвела его чувственные губы.

— Просто именно сейчас осознала, как мне повезло, что я твоя... а ты мой, — призналась, но мгновение спустя не сдержалась и пытливо заглянула ему в глаза: — Ведь так, да?

Поль улыбнулся, губами коснулся моего лба, а потом, словно не удержавшись, начал покрывать мое лицо поцелуями, шепнув:

— Совсем скоро поймешь, что дело обстоит еще хуже, чем ты думаешь.

Одной рукой я обняла его за талию, а второй обвила шею, притягивая ближе. Отросшая за время путешествия по России щетина на его лице чуть царапала мою кожу, но ощущение понравилось.

— В каком смысле? — тоже шепотом спросила я.

— Те, кто знают Поля, совершенно обосновано считают его самым выдержанным и хладнокровным вером, — прозвучал снисходительный голос Джинкса. — Но в твоём присутствии он рычит на самых близких и родных. Где его холодный расчет и умение спокойно анализировать ситуацию? И главное — Поль начинает совершать ошибки.

— Я же не...

— Это не твоя вина, Алиса, — вер-блондин прервал меня, проигнорировав мрачный предупреждающий взгляд моей пары. — Просто данность, поиск истинной длится долго, и потому, обретая ее, мы на какое-то время дезориентируемся, настраиваясь на женщину, самку, стремимся удовлетворить ее желания и вызвать симпатию. В общем, напоминаем окружающим клинических придурков...

Поль зарычал на друга, я же, приникнув к его груди, с самоиронией призналась:

— Видимо, я тоже потеряла связь с реальностью, когда встретила свою пару. Учитывая собственные глупейшие поступки и риск, о котором даже не задумывалась, по большому счету.

Джинкс хлопнул Поля по плечу, усмехнувшись:

— Подобное редко случается. Чтобы женщины рисковали жизнью ради своих мужчин. Наша Милана, например, ринулась в смертельную схватку ради Тъери. Хотя природой заложено: самка — продолжательница рода, ее забота — потомство, а не самец. — Он заглянул мне в глаза и задумчиво предположил: — Видимо, это особенность полукровок, инстинкты развиты слабее, а эмоции более выражены. Человеческие женщины часто ради любимых мужчин идут на невероятные поступки.

— Это недостаток? — внутренне подобралась я.

— Нет, цыпленок, — в голосе Поля была улыбка. — Скорее, из-за преданной пары мне еще больше завидовать будут.

— Тогда почему «дело обстоит еще хуже», как ты сказал, Поль? — напомнила я о предупреждении. И сразу нахмурилась, испугавшись, что вдруг я не пара или чего-то не поняла? — Или я не...

Он крепко прижал меня, заставив замолчать.

— Ты моя, я твой — это навсегда! Хуже станет только из-за моей тяги к тебе. Более сильной, навязчивой, крепкой и... сумасшедшей... и, вероятно, будет напрягать тебя... в

дальнейшем.

Джинкс раздраженно качнул головой:

— Не в будущем, а уже сейчас. И Милана с Тьерри — отличный пример, — поправил он и пояснил мне, не обращая внимания на звереющего друга: — Даже истинный оборотень в твоём возрасте уязвим и слаб физически. Ты же полукровка с едва-едва установившимся гормональным фоном и...

— Моро, закрой пасть, — злобно рыкнул Поль.

— Она должна понимать тебя, себя и окружающих, — спокойно, стараясь выглядеть невозмутимо, призвал его Джинкс. — Ты ещё очень хрупкая, юная, регенерация слабая, поэтому он просто боится отдаться своим инстинктам, расходуя силы на самоконтроль. Носится с тобой, как с яйцом, и пометил... частично. Но его терпения надолго не хватит — не тяни с близостью.

Поль, как говорят люди, вызверился, даже руки частично трансформировались в когтистые лапы. Видно, намеревается прибить «доброего» советчика.

— Джинкс, ты рискуешь здоровьем, — подтвердил мои подозрения Жакру с переднего сиденья.

— К черту! — буркнул блондин. — Надеюсь, когда я встречу свою пару, вы поможете мне вернуть мозги на место.

— Не думаю, что тебе придется долго ждать этого события, — я с хитрой ухмылкой посмотрела на Джинкса, переплетая свои пальцы с частично трансформированной конечностью Поля, безмолвно убеждая его успокоиться.

Джинкс в который раз погладил себя по груди: журнал с рисунком предпочел держать ближе к сердцу.

— Почему ты так думаешь? — встрепенулся он. Даже Жакру развернулся к нам всем корпусом.

— Слишком легко и быстро пришло видение твоего счастья, — пожалала я плечами. — Как правило, для долгосрочного прогноза мне необходимо общаться с людьми, а теперь с верами, гораздо дольше.

Жакру хмуро глянул на Поля, который, зарывшись рукой в волосы у меня на затылке, массировал кожу, доставляя мне удовольствие и заодно успокаивая свои нервы.

— Дружище, ты же не будешь против, если я поживу в замке и поближе пообщаюсь с... — Поль снова злобно зарычал, опять напрягаясь всем телом. — С другими пообщаюсь. Главное, примелькаюсь Алисе... издали, конечно.

Попытка здоровяка оборотня договорится со злющим ревнующим другом о помощи в поиске своей пары выглядела настолько комично, что я не выдержала и расхохоталась. Обняла Поля за шею обеими руками, «чмокнула» его в губы, и с абсолютной уверенностью заявила:

— Я только твоя, а ты только мой, навсегда. Давай не будем мешать твоему другу искать счастье.

Поль успокоился, мы с верами перекинулись несколькими фразами, а затем, под мерное заботливое поглаживание по бедрам и спине, я снова задремала.

Три часа перелета из Москвы в Париж мы с Анфисой проспали в уютном отдельном помещении, предоставленном нам для отдыха на небольшом, но роскошном бизнес-джете. Когда мы подъехали к этому воздушному судну — такому белоснежному, с гладкими изящными линиями, невысоким трапом, ожидавшему, в сущности, несколько пассажиров, с приветствовавшим персонально нас бортпроводником, я в который раз осознала, насколько богаты оборотни Морруа. Но глазели и дивились мы с тетушкой, а они привычно и спокойно поднимались на борт и принимали уважительное отношение обслуживающего персонала. Перед тем как нас отправили отдыхать, мы едва успели оценить комфортабельный салон, ни в какое сравнение ни шедший с салоном бизнес-класса Боинга, которым летели в Москву. Действительно, сил ни моральных, ни физических не осталось. Я буквально отключилась, коснувшись головой подушки.

Открыв глаза, полежала с минуту не двигаясь, приходя в себя и определяясь в пространстве. Гул двигателя — значит, мы в небе. Кровать замечательно удобная. Рядом, спиной ко мне на боку спит Аня. Приподнявшись на локте, я увидела Этьена, сладко посапывающего, усевшись на полу. Спит себе, привалившись к кровати и подложив ладонку своей пары под щеку. Я невольно улыбнулась при виде этой прелестной мирной картины. Мечты Анфисы сбылись: она нашла мужчину, для которого стала центром вселенной, даже во сне не выпускающего ее руку.

— Проснулась, цыпленок? — шепнул Поль с другой стороны, тоже, как выяснилось, сидящий на полу, только привалившись спиной к кровати и вытянув длинные мускулистые ноги.

Повернув голову, он смотрел на меня с нескрываемой, почти обжигающей нежностью и желанием. Я судорожно вздохнула и залюбовалась мужчиной, который достался мне в пару на веки вечные. Поль снял пиджак и остался в темной рубашке, плотно облегающей его широкие сильные плечи. Черные короткие волосы взлохмачены; наверное, он резко провел по ним ладонью от затылка ко лбу. Вроде бы и в расслабленной позе пребывает, но, наверняка, только с виду.

Моя волчица каждой клеточкой ощутила его мощную ауру, прожитые годы и накопленный опыт. Мы с ней, хоть и юные, по мнению Джинкса, но поняли, что матерый, слишком многое повидавший и переживший волк, сейчас пытается изобразить ленивого добродушного кота у ног своей хозяйки. Да только кто ему поверит?

И тем не менее, голубые глаза моего вера сияют, незамутненные ни одним темным пятнышком. Он смотрит искренне, с обожанием и восхищением. И я невольно задумалась: за что? За что мне досталось такое счастье? «Я человек» частично сдала позиции «я волчица», откровенно млеющей и наслаждающейся его силой, абсолютно уверенной, что именно этот волк рожден только для нее, чтобы беречь, защищать и подарить потомство, о котором мечтает каждая. Но будет ли он любить меня — женщину?

Вер поднял руку и положил мне на обнаженное предплечье, погладил, пристально посмотрев в лицо. А я, ощущая его теплую ладонь, прислушивалась, как зашлось сердце в моей груди, как внутри разливается горячая волна, согревая душу и даря надежду.

После похищения я поняла: Поль — тот, о ком мечтала одинокими ночами, кого представляла героем любовных грез. И чуть не лишилась его. У меня чуть не отняли

мужчину, которого хочу любить, гореть в его объятиях, стать его женщиной. И все из-за дурацкой самонадеянности. Я приподнялась и обвила его шею руками, затем и вовсе сползла к нему на колени.

— Больше не отпущу от себя ни на шаг! — выдохнул он мне на ухо.

А я только сильнее сжала руки, приникла к нему и уткнулась носом во вкусно пахнущее местечко, где поставила метку. Мой волк сразу же отреагировал: я ощутила его твердую плоть, упершусь в бедро. Поль не двигался, обняв меня, прижимал и сидел не шелохнувшись. Я же, набравшись храбрости, лизнула его в щеку, заставив рвано выдохнуть, и посмотрела в сияющие глаза, потемневшие от желания.

— Я так мало знаю, почти ничего не умею... — виновато призналась, скривившись от неловкости и глупого, наверное, стыда перед чересчур опытным зверем.

— Алиса, у нас целая жизнь впереди, чтобы научить тебя всему, показать, — шепнул он в ответ, мягко улыбнувшись. Потянулся и носом провел по моему виску, жадно вдыхая, затем потерся о мой нос, вовлекая в игру. — Поверь, я с превеликим удовольствием помогу тебе раскрыть этот мир, — он хмыкнул, — звучит слишком пафосно, просто знай, ты все, о чем я мечтал когда-либо.

Наш поцелуй оказался нежным и сладким. Я училась целоваться, причем ответственно и с полной самоотдачей. Сначала попробовала на вкус его губы, лизнула, провела языком и отдала инициативу ему, зарываясь пальцами в его мягкие волосы на затылке, забывая о том, где мы находимся, прижимаясь к нему. Меня накрыло сумасшедшее желание, но в этот момент Поль напрягся, свирепо зарычал, отстраняясь, и пока я приходила в себя, с трудом соображая в чем дело, он рыкнул кому-то за моей спиной:

— Что опять?

— Прости, прерываю, но через полчаса посадка, — услышала я извиняющийся, добродушно-насмешливый голос Джинкса. — Глава сообщил, что нас ждет кортеж с охраной. Твое крыло подготовили к встрече суженой. В доме Этьена тоже убрали, еду и прочее доставили. Но на всякий случай для них приготовили комнаты в замке, если Анфиса захочет задержаться с племянницей.

— Мы будем жить не вместе? — неприятно удивилась проснувшаяся тетушка.

— У меня большой и богатый дом, — осторожно ответил Этьен, он явно напрягся. — Поль — кузен главы клана, замок принадлежит семье Морруа, в которую входят лишь трое: Тъери, Рене и Поль. Поэтому их семьи проживают вместе, и каждой принадлежит крыло замка. Остальные члены клана живут в своих домах, удаленных от замка согласно статусу и положению в клане. Мой дом самый близкий...

— Я поняла, — Анфиса закрыла мужу рот ладошкой. — Прости, дорогой, я не хотела обидеть или принизить кого-то. Просто мы с Алисой еще ни разу не расставались, вот я и разволновалась.

— А Василика и Влад? — теперь я испугалась. — Их примут в ваш клан?

Анфиса снова напряглась, переводя пытливый взгляд с одного мужчины на другого.

— Если ваш родич... Владислав, подаст просьбу Тъери о желании вступить в наш клан — однозначно примут. Выделят жилье или место под застройку, если они захотят что-то себе построить. Готовые типовые дома так же имеются. Не переживайте, все члены клана отлично обеспечены и обустроены.

Мы с Анфисой с невероятным облегчением шумно выдохнули, что веры отметили снисходительными улыбками. Неужели забавлялись за наш счет?

— Простите бедную провинциалку, но где здесь можно привести себя в порядок? — уныло спросила Анфиса, пытаясь пальцами расчесать свою густую шевелюру. — Не хочется ехать в замок как, прости господи, замухрышка.

Я тоже, глядя на нее, схватилась за волосы — кажется, на голове образовалось воронье гнездо.

Джинкс, покачав головой, сдержанно восхитился:

— Удивительно! Вы невероятно похожи...

Я хмыкнула, будучи в курсе, что еще бутон, как меня назвал Поль. А Анфиса — настоящая роза!

— Это ложное впечатление, — флегматично заметил Этьен, помогая своей паре выпутаться из покрывала. — Они абсолютно разные.

— Я согласен, — Поль любовно провел ладонями по моим бокам, затем по лицу. — Как день и ночь.

— Ну-ну, — хохотнул Джинкс и вышел из «спальни».

— Душ есть, но времени у вас мало, — обрадовал нас Поль, указывая на дверь.

— О, главное есть душ! — подскочила Анфиса и понеслась наводить красоту.

Через час — нас заверили, что подождут, сколько потребуется, и спокойно ждали полчаса после приземления — мы с Аней, приняв душ, причесавшись и нарядившись, благо багаж позволял, сошли с трапа. Причем, на верхних ступенях едва не сверзились от изумления: перед нами выстроилась вереница из солидных дорогих автомобилей, возле которых застыли оборотни в черном! Единственным их отличием от киногероев и телохранителей были нескрываемые, завистливые, одобрительные улыбки, обращенные к нам.

Вот только Поль не радовался теплой встрече, как в бой шел, и в груди у него вибрировал яростный рык, когда до боли в ребрах прижимал меня к себе. Весь путь до замка Морруа ревнивый вер выглядел угрюмым и оттаивал только от моего внимания, тогда его глаза стремительно теплели и светились обожанием.

А я крутила головой, любуясь видами и пейзажами другой страны, в которой теперь буду жить. Впитывала словно губка образы людей, архитектуру, множество автомобилей. Так непривычно, многолюдно... бурно. Потом мы словно в другой мир окунулись. Лесистая территория, и долгое время никаких поселений. Спустя полчаса показался городок с красивыми крепкими домами, словно сошедший с картинки, а впереди — старинный замок, будто из сказки, с высокими шпилями и башнями. Я поняла, что мы, наконец, прибыли в наш будущий дом.

Только как нас встретят здесь незнакомый глава, постоянно державший связь с Полем, его супруга — полукровка Милана, тоже одаренная, загадочный Рене и его пара Илана, причем истинный вер. А вдруг европейские Морруа не примут двух русских эмигранток?

Наконец кортеж остановился на большой квадратной площадке перед входом в замок, я мысленно закрылась, настроилась на любой прием, даже плохой, но обижать себя или тетю не позволю. Уверена, Анфиса сейчас то же самое чувствует и думает как я.

Высокие, старинные, деревянные двери торжественно и плавно открыл человек. Поль в самолете предупредил, что обслуживающий персонал — люди, которые семьями живут с кланом веров испокон веков и служат целыми поколениями.

Выбравшись из уютного теплого салона, я оказалась на ветру, не сибирском промозглom, но все равно заставившем поежиться и прикинуть к Полю. Хвала Луне,

никаких построений хозяев и прислуги у парадного. Или я видела подобное при встрече высоких гостей в английских фильмах?.. Ну что ж, посмотрим, что нас ждет в новом доме...

— Надеюсь, здесь есть лифты, — задумчиво произнесла Анфиса, замерев рядом со мной и задрав голову, разглядывая серую громадину в надвигающихся осенних сумерках.

— Зато теперь я знаю секрет легкости, с которой Морруа вылетают в окно, ты сама же хотела, как они, — с иронией отозвалась я. — Набегаешься по лестницам, еще не такие мышцы нарастишь...

Позади нас насмешливо хмыкнули Жакру и Жан. Последний просветил с ехидцей:

— Мадам, не переживайте. Хозяйские покои находятся на втором этаже. Третий выделен для подрастающего поколения, которое, спустя несколько столетий, наконец-то, появилось. Им будет полезно. Выше третьего этажа останавливаются гости клана. А их пожелания по части лифта до сих пор никого не волновали.

— Хорошо, что я не буду в этом склепе жить, — фыркнула мне на ухо Аня.

Ее супруг, услышав чистосердечное признание, довольно хохотнул. А я расстроено осмотрела внушительное здание снова, ведь мечтала о своем уютном доме, а не общепитии на высокородный лад. Тяжело вздохнула и бросила короткий взгляд на Поля.

Его льдистые глаза потеплели, а чувственные губы смягчила улыбка:

— Цыпленок, осмотрись, потом будем принимать решение. Это родовое логово всех Моруа. Мне кажется, тебе понравится в нем жить.

— Да-да, конечно, — согласилась я и натянуто улыбнулась. Еще бы поселившиеся здесь до меня дамочки не решили, что русские сибирячки им ни к чему.

И мысль свербела: «Хочу свой отдельный домик, где только я буду хозяйкой, а не на паях с другими».

Первыми к широким дверям подошли Этьен с Анфисой, которая раза два нервно оглянулась на меня. Джинкс ухмыльнулся, отвесил шутовской поклон и распахнул двери, широким жестом приглашая нашу компанию внутрь.

Большой холл с антикварным, я почти не сомневалась, паркетом, достойный королевского дворца, поразил своим великолепием. У огромной парадной мраморной лестницы замерли трое слуг, с открытыми доброжелательными улыбками встречая нас. А уже через мгновение сначала раздался звонкий детский вопль: «Дядя Поль вернулся!», затем в него врезались сразу два маленьких вихря.

Дядя Поль освободил руку из моей и подхватил двух девочек лет трех. Малышки-близнецы радостно хохотали, болтаясь у него под мышками. Обе хорошенькие, черноволосые, смуглые, в одинаковых джинсах с яркими нашивками, маленьких розовых кроссовках и футболках с Микки Маусом.

— Лиси, — назвал он одну и обратился к другой: — Елена. За неделю вы еще подросли.

Следом за двумя маленькими очаровательными мадемуазель из-за лестницы появился полуторогодовалый черноволосый мальчик. Увидев большую группу гостей, замер, неуверенно посмотрел и ка-ак заорет...

— Пьер, ты чего, парень? — удивился Этьен, подходя к мальчику и сгребая его в охапку. — Ты же большой уже, а плачешь как маленький...

Рев тут же прекратился, но ребенка уже слышали.

— Ну, наконец-то, приехали! — вслед за детьми появились их родители, по всей видимости.

Трое жгучих брюнетов, высоких, мощных. Самый широкоплечий и высоченный — с

жуткими шрамами, а его аура альфы не поддавалась описанию. Мы с Анфисой неосознанно прилипли друг к другу и ощерились, показывая клыки.

— Ого, а ваши девочки с острыми зубками, — приветствовал нас из опасной троицы тот, что ниже ростом, глухим голосом, пробравшим до печенок.

Черноглазый хищник заставил мое сердце забиться с утроенной силой, от страха спина покрылась холодным потом. И смотрел он не мигая, словно очень голодный питон на удачно попавшихся в ловушку мышек, напоминая Мирослава...

— Своей «харизмой» лучше бы по очереди давили, а не все разом, не остался в долгу Поль, как-то незаметно оказавшись без детей в руках и привлекая меня к себе.

— Жак, сделай лицо добрее, а то я помогу тебе выглядеть гостеприимно, — прошипел Этьен, опуская мальчика на пол. Шагнул к Анфисе и встал у нее за спиной.

Неудачный момент знакомства снова разбавил Пьер. Он рванул за девочками, которые, оставив гостей, побежали на второй этаж, споткнулся и упал, снова заорав, как раненный бизон. Представляю, какой будет рев, когда взрослым волком станет... оглохнут все.

Пока я соображала, что делать, Анфиса, не задумываясь, по привычке, быстро подошла к ребенку, подхватила и присев на ступеньку, посадила его к себе на колено. Очевидно, наша слава, бежала впереди нас, потому что никто из грозных веров-родителей не дернулся вцепиться ей в глотку. Доверие клана — вещь приятная.

— Ой-ой, наши бедные маленькие коленочки, — знакомо проворковала тетушка. Моя милая тетушка, которая всегда заботилась обо мне, лечила болячки и утоляла детские горести. Вместе с Василикой была моей мамочкой. — Я знаю секрет, как сделать, чтобы они не болели. Давай плюнем на болячку и подуем. И сразу все пройдет. Проверим?

— До восьми лет верила, пока не поняла, что не все поддается этому лечению, — тихонько вспомнила я. — Особенно, когда плюнула соседу на поцарапанную котом щеку, а в ответ в ухо получила.

— Точнее надо было, — усмехнулась Анфиса. — Если бы мне в глаз плюнули, я бы тоже в ответ в ухо двинула, не раздумывая.

Зачарованно слушая гостью, явно пришедшую по душе, Пьер перестал реветь, плюнул себе на колено, но подкачал. Пришлось Анфисе вытирать ему подбородок.

— Мадам, а вы завтра... будете не слишком заняты? — вкрадчиво поинтересовался брютет с выдающимся орлиным носом и необыкновенно зелеными глазами.

— Рене, ты обнаглел? — вышел из благостного созерцания женщины с ребенком Этьен. — Мы только приехали, а ты решил, что тебе новых няnek привезли?

— Илана устала, я хотел дать ей возможность отдохнуть, — не испытывая ни капли неудобства, сверкнул белозубой улыбкой, по-видимому, Рене Морруа, двоюродный брат главы клана. — А кому можно без опаски доверить свое потомство? Только своим близким, надежным родственникам...

— Посиди со своими щенками сам, дай жене отдохнуть, — рыкнул взбешенный Поль.

— Похоже, ваш кузен еще не прошел полное слияние со своей парой, — флегматично заметил черноглазый Жак. — Подождем... немного, когда это долгожданное для него событие случится, а потом можно обращаться с просьбами.

Все трое с любопытством уставились на меня.

— Я пятьсот лет мечтал о щенках, но сейчас думаю, с ними лучше немного подождать, чтобы в полной мере насладиться семейной жизнью, — совершенно серьезно заявил Этьен, глядя на Анфису с Пьером на руках с жадным предвкушением.

— Ой, девочки... — привлек общее внимание звонкий радостно-удивленный женский возглас на чистом русском.

На лестнице замерли три молодых женщины: голубоглазая шатенка, смуглая веснушчатая брюнетка, скорее всего родом из южной Америки, с теплыми медовыми глазами и кротким видом и светлокожая тоненькая брюнетка с большими серыми глазами.

Сероглазая женщина с такими же как у нас с Аней волосами цвета воронова крыла, перехватив удобнее одну из девочек-близнецов, быстро спустилась вниз и, радостно улыбаясь, протянула мне руку:

— Я Милана Морруа, очень приятно познакомиться!

— Алиса Мишкина.

— Морруа теперь, — поправил Поль.

Милана совершенно искренне, солнечно улыбнулась и указала глазами на девочку:

— Моя дочь Лисианна, значит, в нашем замке будет сразу два Лисенка Морруа. Ты не против?

Она сразу дала понять, что соблюдать дистанцию не намерена. Поэтому я кинула и спросила:

— Милана, ты слишком хорошо говоришь на русском, и имя тоже...

— Да, я русская. Москвичка, — и улыбалась она легко и непринужденно, от души. — Полукровка, как и ты.

— Анфиса, — протянула руку тетушка, держа на локте другой Пьера, заинтересованно изучавшего ее. — Мне тоже приятно познакомиться.

— Девочки, вы не переживайте. Мы, — Милана показала сначала на голубоглазую, — Илана замужем за Рене и родом из США, — затем на латиноамериканку, — Мариза из Бразилии и супруга Жака — все счастливы видеть вас здесь. И надеемся подружиться с вами.

Мы с Аней расслабились. Настолько теплого неформального приема точно не ожидали и были приятно удивлены. Женщины Морруа, с приходом которых обстановка разрядилась, быстро «разобрали» своих мужчин и, держа их под руку, с улыбками смотрели на нас. Ребяшня, спущенная на пол, снова умчалась за лестницу.

Милана продолжила представлять на русском:

— Вот этот жуткий, но «симпатишный» тип, — она с любовью посмотрела на самого большого и, несомненно, смертельно опасного вера и нежно назвала: — Тьери Морруа, глава клана и мой обожаемый муж.

Илана, поправив лиф просторного платья, неожиданно пожаловалась на английском:

— Грудь от молока распирает, надо покормить детей, потом спохватилась и добавила со смехом на французском: — Это мой Рене Морруа, любимый и со слабыми нервами, когда дело касается меня.

— Нервы у них у всех не железные, — хихикнула третья, Мариза, прильнула к своему «ночному кошмару» и обняла его так, словно хотела накрепко прилипнуть. — Жак. Мой спаситель, герой и любовь. — Затем посмотрела на Анфису и тихо поблагодарила: — Спасибо за заботу о Пьере.

— Анфису дети обожают, в салоне красоты, который она открыла, мамочки с детьми только к ней просились. Самые шустрые ребята сидели смиренненько, пока она им красоту наводила, — похвасталась я.

— Я на тебе натренировалась, — смутилась тетушка. — Ты была такой непоседой, что теперь, мне кажется, я с любым ребенком общий язык найду.

Сверху донесся детский плач; Илана, извинившись, сорвалась с места. Рене коротко кивнул и поспешил за ней.

— Их мальчишкам три недели всего, — с улыбкой пояснила нам Милана. — Пойдемте ужинать.

— Отличная идея, — синхронно оценили предложение мгновенно оживившиеся Джинкс, Жакру и Жан, скучавшие, пока наблюдали за нашим знакомством. Последний, правда, ворчливо добавил: — Только посадите меня подальше от Поля, он сейчас бешенством страдает, боюсь заразиться...

Я оглянулась, остальных веров и след простыл. Видимо, не каждый из них допущен в столовую монсеньора. Хотя, причина, по которой они ушли, возможно, кроется в ревности еще не связанного оборотня.

— Не слишком ты боишься, — едко парировал Поль и злобно зарычал: — Чуть шею не свернул, всю дорогу пялился на мою пару. Еще раз увижу, пожалеешь...

— А можно сначала руки помыть, — оборвала его Анфиса, получив мой благодарный взгляд.

— Ой, простите, пожалуйста, нерадивую хозяйку, — смутилась Милана. — Я пока только учусь думать обо всех и вся сразу.

— Этьен, думаю, вам с Анфисой лучше пожить пару дней здесь. Чтобы твоя пара привыкла и освоилась.

Мы с Аней изумленно посмотрели на главу клана Моруа, сильный глубокий бас которого произвел неизгладимое впечатление. Таким только приказы отдавать: казнить или миловать.

Тьери подошел к нам ближе, смерил меня нечитаемым взглядом и неожиданно обратился к кузену:

— Будь предельно осторожен...с ней. Они с Миланой слишком схожи: хрупкие, нежные, слабые... беззащитные.

— Ты увеличил охрану? — уточнил Поль, прижимая меня к себе и жадно вдыхая аромат у макушки.

— Да, но все нюансы необходимо обсудить.

— Потом, — загадочным тоном произнес Поль. — Все потом. В случае чего, я извиняюсь.

Тьери усмехнулся, дружески хлопнув Поля по плечу:

— Ваш багаж доставят к двери, можете идти... мыть руки.

Как-то их разговор двусмысленно звучал, но задуматься Поль мне не дал — взял на руки и быстро поднялся по лестнице.

— Смотри, какие голодные... — насмешливо протянул Джинкс.

— Руки у них испачкались, вот и торопятся мыть... — присоединился к другу Жакру.

— Будешь зубы скалить, скажу Алисе обождать с твоим «счастьем».

Посмотрев через плечо Поля, я отметила, что после ехидного замечания Анфисы растаяли улыбки холостяков Жана и Жакру. Джинкс нервно заглянул за пазуху проверить журнал с рисунком. Этьен подхватил один из чемоданов Ани, взял ее за руку и, пообещав вернуться через десять минут, тоже направился к лестнице. Он не видел, какими недоверчивыми ухмылками их проводили остальные мужчины и женщины.

Поднявшись на второй этаж и пройдя пару коридоров, мы оказались перед целой анфиладой комнат. В конце светлой широкой галереи светилося высокое, от пола до потолка, окно, открывая вид на террасу. Поль негромко, но торжественно, как и полагается, когда показывают свой дом, объявил:

— Это наше крыло, здесь спальни, рабочие кабинеты... детские.

— Поль, я пока не готова... к детской, — испуганно выдохнула я.

— Не волнуйся, детка, — он провел носом по моему виску, продолжая мягко убеждать, — у нашего вида потомство появляется редко, далеко не сразу и с большими перерывами. Никто не знает почему, хотя наш клан ведет исследования в лабораториях. Илана руководит этим проектом. Она известный ученый.

— Я знаю. У Влада с Василикой за сто лет родились близнецы мама и Анфиса. Моё появление они восприняли как невероятную удачу: ребенок, да еще и надежда, что мама успокоится, образумится...

— Образумится?

Я закусила губу, испугавшись своей же откровенности. Вдруг Поль и меня посчитает перекасти-полем. Но ответила честно:

— Мама была... ну... не домашней девочкой, любила свободу, риск и... мужчин. Любых.

— Ты похожа на Анфису, — улыбнулся он, и у меня от души отлегло, — очень.

— Да, бабушка часто это повторяет, — кивнула я. — Природа ошиблась, видимо. Я родилась не у той женщины. Анфиса со мной возилась, ночей не спала, пеленки меняла, выхаживала, когда я болела, сказки рассказывала. И главное — любила.

— Любить тебя так легко, — хрипло шепнул Поль мне на ухо, обдав горячим дыханием.

Я замерла, но он больше ничего не сказал, распахнул ближайшую дверь и внес в комнату.

— Обожаю кремовый цвет, — радостно поделилась я, оглядывая большую, но вполне уютную гостиную, выдержанную в кремово-коричневых тонах.

Стилизованные под гобелены обои, мягкая мебель, обитая дорогой тканью, тяжелые добротные столы, стулья с резными спинками. Красивые плотные портьеры, обрамляющие французские окна. Современная бытовая техника, по всей вероятности, скрыта за панелями или картинами. И пахнет здесь приятно, едва уловимо, но дух хозяина этого места чувствуется, даже если он не часто появлялся в своих апартаментах, мотаясь по миру.

По моей просьбе Поль поставил меня на ноги и словно отпустил в свободное плавание по своей территории. Я сразу подошла к окну, выглянула наружу: широкая терраса с вазонами, в которых бушуют разноцветные хризантемы, за ней зеленеет лужайка, дальше начинается смешанный лес.

— Бесподобно, и в лесу можно побегать... — выплеснув первый восторг, я пошла дальше.

Следующим был кабинет в той же кремово-коричневой гамме, с библиотечными стеллажами вдоль стен. Множество книг, старинных и современных, на разных языках. Высокий торшер на тонкой ножке у стола, на котором лежит томик со старомодной плетеной закладкой. Слегка продавленный с одной стороны диван, будто здешний хозяин

только-только встал с насиженного места.

— Ты любишь Данте? — прочитав на обложке имя автора, спросила я.

— Слегка увлекся от скуки, — спокойно ответил Поль, блеснул смешинками в голубых глазах.

Он снял плащ и бросил на диван, оставшись в тонком блейзере. Я последовала его примеру и положила рядом свой тренч.

В спальне царила кровать невероятных размеров. И никаких балдахинов над ней, описываемых в исторических романах, которыми я одно время увлекалась, и зеркал на потолке, слава богу, тоже нет. Зато оценила интересный интерьер: с игрой света и тени, сочетанием классики и хай-тека, картинами, интересными безделушками в качестве украшений. Дорого, но не крикливо.

Прокашлявшись, я выдавила, покосившись на бескрайнюю кровать:

— Впечатляет. Явно не на одного делали...

— В нашем клане мужчина в дом вводит только пару, — спокойно произнес Поль. Затем положил ладони мне на плечи и многозначительно добавил: — Эта постель только для тебя. И я твой, навсегда!

Я сразу остро ощутила, что мы наедине, за закрытыми дверями, рядом кровать, и никто не может помешать... ничему. Выскользнула из его рук и с неожиданной даже для себя прытью ринулась искать ванную:

— Надо же руки помыть с дороги...

— Ну-ну, иди мой, цыпленок, — прозвучал за моей спиной хриплый смешок.

В ванной, оказавшейся прямо-таки неприличных размеров, мне было уже не до восторгов розовым мрамором, позолоченными зеркалами и роскошной сантехникой, которой и пользоваться-то боязно. Задумаешься о нуждах организма, а подспудно будет допекать мысль: вдруг это музейный экспонат из разряда «руками не трогать». А тут сидишь...

Я нервно вымыла руки, осторожно поворачивая позолоченный кран — дорогая вещь. Плеснула в лицо холодной водой, а то щеки горят от смущения и волнения. Подняла голову и вздрогнула, глянув в зеркало: за спиной появился полуобнаженный Поль, оставшийся в брюках. И смотрит, будто не ел месяц, как минимум.

— Ты решил переодеться перед ужином? — неуверенно просипела я.

— А ты очень проголодалась? — вкрадчиво, с надеждой на отрицательный ответ спросил он. Взял полотенце и аккуратно промокнул мне лицо, затем руки.

Наблюдая за ним, я бездумно покачала головой, таким образом признаваясь, что не особо голодная. Но, заметив как его глаза потемнели в радостном предвкушении, пискнула:

— Нас же там ждут...

— Али-и-са, — проурчал он так, что у меня вдоль позвоночника мурашки побежали, — моя, моя Алиса! Вкусная, сладкая девочка, маленький хрупкий цыпленочек.

Крепко взял за руку и потянул за собой из ванной, гипнотизируя взглядом. Таким обжигающим, что в горле пересохло.

— Поль, а давай сначала перекусим? И погуляем? Или...

— Трусишка, — его губы дрогнули в чувственной, провоцирующей улыбке, от которой стало жарко.

Он неожиданно легонько толкнул меня в грудь. Я села на кровать и посмотрела снизу-вверх на великолепного самца — махину мускулов и животного магнетизма. Горячий

мужчина! В любовную игру вступил настоящий вер, встретивший свою пару, готовый на все, чтобы привлечь, привязать к себе любыми способами: охмурить, влюбить. Главное — сделать своей полностью, даже зависимой от него. Ведь это у самки оборотня может быть несколько избранных, а вот у самца — только одна.

Усилился запах вера, показывающего моей волчице, что его волчице не юнец, а многоопытный сильный альфа, готовый служить, защищать, холить и удовлетворять.

В мягком свете бра глаза Поля по-звериному светились, тело напряглось, будто перед прыжком. Мышцы на груди перекатывались, словно он сдерживается от нападения, — и я неожиданно испугалась. Сглотнув, отодвинулась назад, неловко проехавшись на попе по бежевому с коричневым геометрическим рисунком покрывалу.

— Не бойся, родная моя. Я буду бережным и осторожным, — хрипло проурчал Поль.

Таким его я видела и слышала впервые.

— Я не готова...

— Я постараюсь, — улыбнулся он, отчего глаза снова вспыхнули потусторонним светом.

Легко снял с моих ног туфли. Положил ладони мне на ступни, затем медленно провел ими по голени к коленям, прижимая к мягкой кровати, наверное, чтобы не сбежала. А сам надвигался сверху, заставляя откинуться на локти.

— Не кричи, — игриво рыкнул он.

— А зачем мне кри... — мой недоуменный вопрос оборвался на середине слова, потому что Поль быстрым движением распорол на мне платье от горла до самого низа.

— О, боже... — выдохнула я потрясенно.

— Я мечтаю услышать это, когда войду в тебя, — мягко усмехнулся мужчина, полностью избавляясь от мешающегося платья. Положил меня на середину шикарного, королевских размеров ложа и восторженно рыкнул: — Моя кр-р-расивая...

Немного сжав мои ноги коленями, Поль навис сверху и, облизнувшись, положил ладони мне на грудь, скрытую чашечками бюстгалтера. Нахмурился, нащупав в нем прокладки «пуш-ап», и, не раздумывая, уничтожил очередную вещь, вытащил из-под меня и откинул, словно та заразная.

— Р-р-розовенькие... — сглотнув, выдохнул он, восхищенно глядя на мою грудь.

— У меня небольшая... — попытку прикрыться Поль пресек моментально. Прижал мои руки над головой ладонью, а второй со счастливым вздохом наконец огладил грудь, лизнул.

Поразительно, с каким восторгом он любовался моим телом, касался, ласкал, а потом и вовсе пробовал на вкус. Забыв о стеснении, я выгнулась дугой, подаваясь ближе к его губам. Внутри пружиной скручивалось желание, тело горело и требовало большего. Низ живота ныл. Я застонала, прикрыв глаза, а когда открыла, Поль успел освободиться от своих штанов, и моих трусиков.

Его руки успевали всюду, не пропустив ни единого кусочка горевшей под ними кожи, затем проникли между бедер и вытворяли что-то запредельное. Мужчина подготавливал меня к своему вторжению. В какой-то момент он вновь навис надо мной, целуя так, будто душу отдавал. Придерживая за подбородок, посмотрел в глаза, приподнял мои бедра — и толкнулся внутрь, сразу заполнив. Я зажмурилась, напрягаясь, переживая распиравшую боль.

— Теперь ты только моя, цыпленок, — хрипло, едва сдерживаясь от рыка, произнес он и начал осторожно двигаться.

Он старался быть нежным, смотрел в глаза и, кажется, упивался моими стонами. Но его

силы уходили на сдерживание своей сути, своей страсти, он явно опасался причинить мне вред, поэтому старался быть хотя бы бережным. А я больше не могла удержаться на грани, так остро и чувственно ощущались его вздохи, размеренные толчки. Откинув голову назад, я зажмурилась, отдаваясь на волю страсти. Зарычала, подаваясь мужчине навстречу... стиснула его талию ногами... царапала мощную спину. Наши стоны и влажные звуки слияния наполняли пространство, разбавляли тишину, заводили еще больше, сводили с ума...

Я со всего маху окунулась в экстаз, тут же взвизгнув — Поль вновь впился в мою плоть клыками, обновляя метку, запечатлевая там свой запах, суть. Теперь никто не перепутает, чья я самка, каждый распознает пару одного из Морруа. Боль, как ни странно, усилила наслаждение. Я забилась под ним, прижимая к своей шее его голову, и, обмякнув, тоже не отказала себе в желании укусить мужа, обновить свою метку.

Придя в себя, я со стоном вытянула ноги и обессилено приникла к откинувшемуся на бок Полю, уткнулась ему в грудь носом, а он с невероятно удовлетворенным вздохом натянул на нас покрывало и положил руку поверх моей спины.

— Как же долго я тебя искал, Алиса, — глухо произнес он, зарываясь пальцами в мои волосы. — Так долго... но оно того стоило. Каждый прожитый год, каждый одинокий день, но ты стоишь всех. Единственная моя!

Я потерлась носом о широкую мужскую грудь, покрытую мягкими черными волосками, погладила ее рукой. Потом, растопырив пальцы там, где сердце, просто лежала, затаив дыхание, и слушала, как оно бьется — сильное, большое, надеюсь, мое.

— Ты когда-нибудь любил?

— Нет. Как-то не случилось, — привычно усмехнулся он. — Но это к лучшему, любимых слишком тяжело терять.

— Ты прав, — тяжело вздохнула я.

— Я сделаю все, чтобы ты была счастливой, — прозвучало как клятва. — Просто поверь мне.

— Я верю, — шепнула, приподняв голову и посмотрев мужу в лицо.

— Правда? — улыбнулся он недоверчиво, но с огромной надеждой.

— Я обязательно научусь хвалить тебя, бурно выражать восторг и показывать, насколько счастлива, что ты у меня есть, — пообещала сама, глядя в родные глаза. — Просто раньше нас учили быть скромными, не выделяться среди населения и не привлекать внимания. Дай мне немного времени почувствовать себя уверенней, в безопасности — и можно чудить, как душе придется.

— Алиса, тебе можно все! — хрипло признался Поль. — Я люблю тебя!

— Сильно любишь? — я демонстративно недоверчиво нахмурилась. С ним так легко быть девчонкой и не думать о чем-то серьезном.

— Даже представить не сможешь, насколько сильно, — Поль говорил абсолютно серьезно и уверенно.

Я погладила его широкие плечи, мускулистые руки, знакомилась с ним заново, более подробно и основательно.

— Конечно, представлю, если ты дашь мне время, — ласково посмотрела в глаза Полю, чтобы он понял: признаться ему в любви я пока не готова, но признаюсь обязательно, скоро, пожалуй.

— Я умею ждать, — улыбнулся он с едва заметной грустью.

— Ты такой теплый, даже горячий, — я снова спряталась под одеялом, прижавшись щекой к его груди, — и кровать замечательно мягкая, а я слишком устала... — сладко зевнула, — два часа в самолете точно мало...

— Какой же ты еще щенок, — с нежностью произнес Поль, обнимая меня и крепко прижимая к своему большому телу. — Спи, я всегда с тобой.

Как же здорово лежать на животе, подложив ладошку под щеку и наслаждаться почти невесомыми и нежными ласками Поля, старательно выводящего на моей спине узоры. За окном уже рассвело и день обещает быть солнечным и радостным, потому что вокруг витает запах моего мужчины. И стоило вдохнуть глубже, тело быстро откликнулось, вспомнив о вчерашнем слиянии и подаренном наслаждении.

— Доброе утро, красавица, — мурлыкнул на ухо муж, прижавшись ко мне.

— Доброе... — я сразу же почувствовала бедрами его сильное желание и завелась.

Но он не спешил, скользнул большими ладонями по моим плечам, разминая, спустился вниз, щекоча волосками на груди и позволяя каждым миллиметром кожи на бедрах ощутить его твердую плоть. Я застонала, приподнявшись на локтях, а Поль начал целовать мою спину, затем снова потерся об меня, специально делился ароматом, клеймил.

Неожиданно муж острыми клыками царапнул выступающий позвонок у основания шеи. Я ойкнула — он зализал чувствительное местечко. Только я расслабилась — опять прихватил зубами, на этот раз чуть выше.

Поль подсунул ладонь под меня, приподнял. Я встала на дрожащие от вожделения колени, и он продолжил игру, пальцами разжигая мое желание, то проникая внутрь, то поглаживая чувствительную кожу на внутренней стороне бедер.

— Поль, я больше не могу, — всхлипнула от скапливающегося напряжения.

— Попроси меня, и я все исполню, милая... — хрипло выдохнул он, обхватив мою грудь, мягко лаская.

Снова «куснул», теперь за ушком, заставив сильнее наклонить голову и отдаться на волю ощущениям.

— Я хочу... очень хочу... По-оль...

Его рывок совпал с сильным, обездвижившим меня укусом в месте метки. Мужчина переплел пальцы с моими, помогая удержаться на весу, выдерживать его мощный напор. Поль себя не сдерживал, словно с ума сошел, и я безумствовала вместе с ним.

Очнулась, чувствуя, как его плоть подрагивает у меня внутри от наслаждения, сидя на нем с разведенными коленями, надежно прижатая спиной к его груди и откинув голову ему на плечо.

Посмотрела вниз и сама поразилась: я оставила красные полосы на волосатых мускулистых бедрах и до сих пор держусь за Поля, словно меня штормом грозит унести. А он одной рукой ласкал мою грудь, а второй играл с чувствительным местечком у меня между ног, снова разжигая огонь желания.

— Не больно? — хрипло спросил он, переместив одну руку мне на живот, а вторую на шею, чтобы обернулась к нему.

— Нет, — шепнула и призналась, — я словно во сне. Словно все происходит не со мной. Просто смотрю чью-то сказку и... мечтаю... о тебе.

Ощущение нереальности происходящего. Так не должно быть, когда мы в объятиях друг друга, когда я чувствую, как пульсирует его плоть во мне. Я чувствую его тело будто свое, каждое движение мышц, каждый удар сердца, вижу пульсирующую жилку на шее, тянусь к ней губами... Мои пальцы касаются его бедер, поглаживают горячую кожу, но не могу поверить, что это происходит со мной, не могу полностью раскрыться эмоционально.

Боюсь!

— Ты мечтала обо мне? — улыбнулся Поль.

— Да, — честно ответила я, поерзав на нем, и тут же охнула — его плоть снова стала твердой.

— Значит, твоя мечта сбылась и надо всего лишь поверить в реальность, — Поль развернул меня к себе лицом. Положил ладони мне на бедра, предлагая двигаться, отдаться новому витку страсти: — Я люблю тебя, цыпленок... — заглянул мне в глаза и произнес неожиданно твердо, настойчиво, — верь мне. И давай вылезай из своей скорлупы.

Я обняла его за шею, лизнула ямку между ключицами и, подчиняясь его ритму, выдохнула:

— Я верю. Только не оставляй меня, никогда...

— Проще умереть, — оборвал он.

В столовую мы спустились вовремя. За большим столом на первом этаже собрались желающие позавтракать. Смутившись, я невольно спряталась за широкой спиной мужа. Но ни скабрёзных шуточек, ни пристальных взглядов себе никто не позволил, дав возможность расслабиться и почувствовать себя свободнее, после того, как мы пожелали всем доброго утра.

Первой меня приветствовала сияющая Анфиса, одетая в своем излюбленном стиле: горчичного цвета легинсы с желто-коричневой трикотажной туникой и золотистых кедах со стразами на задниках. Впрочем, остальные тоже оделись вполне по-домашнему, кто в чем, по принципу: лишь бы удобно. Я в классическом синем брючном костюме выглядела слишком чопорно, по сравнению с местными жителями. Надо учесть.

Протянув мне симпатичный, чисто девчачий блокнот с прикрепленными к нему на цветных веревочках разноцветными карандашами, расписанными бабочками-цветочками, Аня улыбнулась:

— Поздравляю с началом новой жизни. Держи.

— О, спасибо большое! — обрадовалась я. — Когда ты успела купить такую прелесть?

Тетушка легкомысленно хихикнула:

— Это мне Лисианна и Елена подарили. В шесть утра преподнесли, пока их родители спали.

— В следующий раз двери запирайте, — флегматично посоветовал глава клана, притом весело глядя на нас.

Намек поняла.

Слева и справа от главной четы Морруа завтракали девочки-близнецы, вполне самостоятельно справляясь и с детской непосредственностью поглядывая на меня. Илана с Рене, но без своих младенцев, Жак с Маризой и Пьером, который, сидя у отца на коленях, откровенно баловался, размахивая куском сыра. Этьен любовался своей женой, забыв о поднесенном ко рту бутерброде. На другом конце стола расположились холостяки: Джинкс методично двигал челюстями, уткнувшись в свой девайс; рядом с ним Жан и Жакру, с выражением вселенской скуки на лице; Фабиан, с любопытством рассматривающий меня, жевать не забывал.

— Есть хочу, сил нет, — потянул меня к столу Поль.

— Еще бы, столько сил потратил, — ухмыльнулся Рене, остальные поддержали его улыбками.

«Начинается!..» — подумала я и пальцем погладила мужу запястье, предлагая

пропустить мимо ушей.

Поль рыкнул на родственника, но акцентировать на его словах внимание не стал. Вместо этого, усадив меня за стол, начал заботливо предлагать то одно то другое. Не слушая меня, накладывал на тарелку ветчину, перепелиное яйцо, кусочек самого вкусного, по его мнению, сыра. Вскоре я не выдержала, и сама рыкнула на него, возмущившись навязчивым сервисом, заслонив тарелку.

— Скоро цыпленочек выщиплет перья своему петушку, — с хохотом заметил Жак.

Стрельнув в него взглядом «сколько можно», я продолжила завтракать. Поль больше ничего не предлагал, но «процесс контролировал», потому что обороненная мной ложка на пол не упала — поймал и вернул, продолжая беседовать с кузенами.

За чаем, необыкновенно хорошим и ароматным, я совсем расслабилась, сосредоточившись на вкусовых ощущениях, и благостно рассеянно переводила взгляд с одного мужчины на другого. Они говорили об охране поместья, о предприятиях, принадлежащих клану. Я особенно не вникала. И даже не заметила, как меня вновь зацепил Жакру. Почему он постоянно мрачный и грустный? Этот здоровенный вер слушал всех молча, крутил между пальцами ложку... выглядевшую в его лапище прямо-таки кукольной, словно детской игрушечной...

...маленький уютный магазинчик с мягким приглушенным освещением, и всюду, куда ни глянь, — куклы. Самые разнообразные, в нарядах всего мира, сплошь ручной искусной работы, сделанные с любовью и душой. В углу замерла, опершись крутыми бедрами о стол, красивая блондинка, кажется, северянка — норвежка или датчанка. С толстой косой до талии, полногрудая и круглощекая — крепко сбитая девушка, о которых говорят, что коня на скаку остановит, в горящую избу войдет. Валькирия... вот на кого она походила. Только в ее глазах, устремленных на старинные напольные часы, затаилась скорбь, в руках она держала нарядную куклу с такими же грустными глазами. Разве может быть столько одиночества?!..

— Что случилось, милая? — вернул меня из транса взволнованный голос Поля.

Я проморгалась и опустила взгляд вниз: в новеньком блокноте цветными карандашами изобразила «счастье» одного очень мрачного мужчины. Шмыгнула носом, будучи под впечатлением от грустной красавицы, вытерла салфеткой слезы и подняла глаза на сотрапезников.

Все Морруа, забыв о завтраке, с тревогой смотрели на меня. Особенно Жакру, который, нахмурившись, даже не заметил, как согнул ложку пополам. Облизав пересохшие губы, я встала и под настороженное молчание, казалось, ощутимо повисшее в столовой, подошла к нему, вырвала лист из блокнота и с неуверенной улыбкой протянула:

— Возьми, она твое счастье.

Еще не глядя на рисунок, он хрипло спросил:

— Почему ты плакала... когда рисовала?

Я пожалала плечами, но, отметив насколько насторожился Жакру, пояснила:

— Она слишком одинока, вот и печалится.

Наконец вер решил посмотреть рисунок — и в следующий миг мир перестал для него существовать.

— Мне кажется, она датчанка, — рядом раздался голос Миланы. — Очень яркая девушка.

Взглянув на такую же как и сама полукровку, я расслабилась и кивнула:

— Я тоже подумала, что она либо норвежка, либо датчанка. Но мне известно лишь

время суток, когда случится их встреча. Три часа дня.

Милана положила ладонь на плечо Жакру и наклонилась к изображению. В первый момент ошарашенный вер инстинктивно прижал листок к груди, ощерившись, но в следующий — опомнился и расслабился, позволив первой леди клана ознакомиться с рисунком его суженой. Более того, этот гиперальфа с мольбой смотрел на Милану и ждал ее мнения, как приговора.

Милана тряхнула головой, тоже шмыгнула носом и грустно сказала:

— Столько одиночества... — Пожала плечо Жакру и добавила: — Не сейчас, прости, но нужда разгорается. Направление — Северная Европа, это точно.

— Если хочешь, можешь отправиться в путешествие, — предложил Тъери Морруа.

Черные глаза Жакру вспыхнули таким дьявольским светом, что стало ясно: этот вер свое счастье найдет быстро, даже если ему всю Северную Европу придется верх ногами перевернуть. Мужчина поднялся, продолжая держать рисунок в руках, словно святыню, и быстро ушел из столовой.

— А мне? — хрипло выдохнули Жан и Фабиан, взглядами буквально требуя, а не выпрашивая милости у природы и обстоятельств.

— Вот о чем я и предупреждал, — мрачно процедил Поль. — Теперь ты понимаешь, Тъери, что нас ожидает?!

— Охрану утроить! — приказал глава. Повернулся к Жаку и добавил: — Созвать совет, нам необходимо предупредить неприятности.

— Женщин нельзя выпускать даже из замка без усиленной охраны, — высказался Рене.

— Начинается, — закатила глаза Милана, — нам теперь что — как в тюрьме срок отбывать? Пожизненный?

— Любимая, ты сама все понимаешь, и я не вижу вариантов, как...

— А я вижу! — заявила она.

Милана подошла к мужу и обняла его со спины. Одним прикосновением эта милая тоненькая полукровка сняла напряжение сурового оборотня, аура которого у любого самца вызывает страх и уважение. Глава «растекся» под нежными ручками своей супруги.

— Мне тоже любопытно, — чувствуя себя неловко, что влезаю в разговоры «взрослых дяденек», отважилась пискнуть я.

Поль как-то незаметно оказался у меня за спиной и ловко увел от холостяков. В плену его рук, ожидая ответа, я смотрела на Милану.

— Почему бы предупреждающим шагом не сделать открытие салона «Сваха»? — высказав предложение, она весело оглядела всех.

— Ты с ума сошла? Женщина? — процедил Тъери. — Чтобы мою пару лапали все, кому не лень?

— Тъери, ты рычишь по ерундовому поводу, — поджала губы Милана, выпрямляясь и пытаясь отстраниться от мужа. Глава клана, успев схватить ее запястья, мягким движением вернул в исходное состояние. Милана снова обняла его.

— Твой дар открывается через прикосновение! — напомнил он.

— Мне достаточно самой коснуться, например, запястья. А свои лапы наши клиенты будут держать при себе. — Теперь Милана обвиняла мужа, и смотрела таким взглядом, словно вот-вот съест.

— Я ждал свою пару слишком долго, чтобы делить ее время с кем бы то ни было. И тем более, рисковать, — заявил Поль.

Сейчас его объятия скорее душили, чем согревали и оберегали.

— Я не игрушка, родной, — тихо, не желая ссоры или чьего-то гнева, возразила я. — У меня хорошее образование, в мире столько интересного, а я еще так мало видела в жизни. Я не готова запереться в золотой клетке.

— Ты не понимаешь, любимая, — Поль развернул меня к себе лицом, взволнованно вглядываясь в глаза. — Ваш дар уникален, вы идеальная пара, за обладание которой любой клан пойдет на любой риск. Получить возможность знать, где и когда одинокий вер обретет пару, получит возможность завести потомство... ты себе всех перспектив даже представить не можешь.

— Ну почему же?! — хмыкнула я. — Могу! Например, изменить родословную целого клана, убрав пару наследника, тем самым на корню пресечь целый род...

— Кошмар! — выдохнула Милана, вытаращившись на меня. — Я даже не думала о подобном...

А я сразу растеряла боевой настрой, заметив в потяжелевшем взгляде Поля отчаяние.

— Хорошо, хоть одна из вас не столь наивна, — проворчал Рене.

— Вы не сможете спрятать нас от всего мира! — воскликнула Милана. — Гораздо проще, предположив возможную проблему, направить ее решение по тому пути, который выгоден и удобен нам!

— Я согласна! — поддержала подругу по «несчастью». — А вдруг наш дар передастся детям? Вы и их в клетку посадите?

— А такие случаи были? — потрясенно выдохнула Анфиса, испуганно переводя взгляд с одного мужчины на другого.

Судя по их потемневшим лицам — были.

— Я слышал о двух случаях, — признался Тьери, нервно потерев щеку в шрамах.

— Всего о двух? — я почти с облегчением выдохнула.

Но глава помог распрощаться с надеждой на спокойное материнство:

— Известно о двадцати трех полукровках. Большинство из них просто не доживало... не успевало продолжить свой род. Два случая — это высокий процент вероятности передачи дара потомкам.

— Мать моя... — глухо выдохнула Анфиса на русском.

— Почему ты меня не предупредил? — расстроилась Милана.

Тьери помог супруге обойти его и сесть к нему на колени.

— Не хотел говорить попусту... пугать.

— На границе наших территорий, в деревушке какой-нибудь, надо присмотреть крепкое здание, разработать план защиты и перемещения... свих туда и обратно, — медленно, осторожно произнося слова, вдумчиво анализируя, отозвался Жак. — Мне кажется, женщины правы. Лучше предупредить инфекцию, вскрыв нарыв сразу, чем ждать, когда он поразит другие органы.

— Ты свою Маризупустишь с ними? — ядовито огрызнулся Поль, готовый рвать и метать, словно разумных доводов не слышал.

Прижимал к себе меня так, что я пискнула, привлекая общее внимание.

— Прости, любимая, — испуганно выдохнул он, растирая мои плечи.

— Я бы помогала принимать посетителей, записи вела, — робко, почти шепотом предложила Мариза.

Я поежилась, увидев вспыхнувшие потусторонним светом черные глаза Жака. Он,

конечно, в душе протестовал, но ни в чем не мог отказать своей любимой. Мариза положила узкую ладошку на руку мужа и прислонилась к нему, с мольбой заглядывая в глаза. Я мысленно усмехнулась, когда Жак, скрипнув зубами, решился:

— Отпущу!

— Девочки, я бы тоже поучаствовала, но у меня работа и лаборатории, — весело подытожила Илана. Затем, потерев грудь, добавила, вставая: — Простите, убегаю, мои сынули, скоро проснутся, их мамочка должна быть рядышком.

Красивая шатенка выскользнула из-за стола и, помахав всем ручкой, упорхнула. Рене сразу потерял аппетит и настроение, изучая двери на предмет: стоит ли продолжить обсуждение или последовать за супругой.

— Ну что, договорились? — Милана сложила ладони домиком и, приподняв бровки, посмотрела на мужа. — Кстати, это значительно добавит веса клану Морруа в обществе.

— Мне плевать на любой вес, мне на все плевать, когда дело касается твоей безопасности, — громыхнул Тъери.

— Я поддерживаю брата! — заявил Поль. — И...

— Тогда зачем судьба дала нам шанс появиться на свет? — пошла в наступление против позиции «не пушцать» я. — Всего двадцати трем? Каждый пришел в этот мир с даром. Нам с Миланой достался один на двоих, подумайте сами: два дара, дополняющие друг друга. Может быть, высшие силы таким образом пытаются помочь нашему виду.

— Я в свое время считала это проклятием, — с улыбкой призналась Милана.

— Твое «проклятие» спасло мне жизнь! — неожиданно возмутилась Мариза.

— Вот! — я указала на нашу соратницу. — Если мы поможем кому-либо избавиться от одиночества, сделать кого-либо счастливее, почему надо обязательно прятаться? Почему мы должны жить в постоянном страхе? — Я резко развернулась и, посмотрев в глаза мужу, добавила, почти умоляя: — Лично я не хочу жить в клетке. Лучше прожить недолгую, но счастливую и полную жить, чем затворником и вздрагивать от каждого шороха. Я устала от этого. Я хочу свободы!

— От меня? — хрипло спросил он.

— Нет, — я широко распахнула глаза в удивлении. — Только с тобой, и всегда вместе. Во всем!

Тягостное молчание в столовой продлилось с минуту, пока Поль испытывал меня на прочность непроницаемым суровым взглядом. Он явно боролся с собой и своими инстинктами, но мои слова поколебали его. Это стало понятно, когда он с трудом оторвал взгляд от меня и, посмотрев на Тъери, произнес:

— Хорошо, я согласен на салон свих.

— Иииии... — запищала Милана, радостно хлопая в ладоши и подпрыгивая на коленях Тъери.

Тот судорожно вздохнул, напрягся, перехватил жену за талию и поставил на ноги. Сам встал и, направляясь на выход, распорядился:

— Жак, организация салона на вас с Рене. Лично проверю.

Назначенный ответственным исполнителем усмехнулся и тут же перехватил ложку с кашей, которую Пьер решил запустить через стол.

Еще зеленая трава, желтые листья, яркое осеннее солнышко. Сотни лесных ароматов привычно радуют обоняние, особенно запах моего волка. Должна признаться, моя волчица действительно юная, щенок почти, игривая и непоседливая. Мне, двадцатилетней разумной женщине, сложно контролировать ее позывы и желания, поэтому я носилась за хвостом Анфисы, которая крутилась вокруг меня, не давая тяпнуть ее за красивый пушистый хвост.

Как-то Василика выносила большое зеркало во двор, чтобы показать нам обеим, насколько схожи наши звери — поджарые, невысокие, изящные. Черный мех блестит на солнце, лапки в коротких белых «носочках» — вполне нарядные волчицы.

Ворох листьев взлетел над нами, это я бросилась в запашистую кучку, а потом, подловив тетку, прыгнула ей на спину. С минуту мы барахтались, а потом замерли — совершенно нечаянно навстречу прыгнул местный кролик. Мы сорвались с места и ринулись к нему. Ждать неприятностей на свои толстые длинные уши французский зверек не стал и рванул прочь, петляя между деревьями.

Вдвоем, как обычно, нам удалось его догнать и прижать лапами к земле. Теперь мы лежали, уткнувшись в его мягкий мех, жадно вдыхая живое «вкусное» тепло. Кролик отчаянно дрожал, ожидая скорой расправы, но, насладившись игрой, мы убрали лапы, слегка подтолкнув его под зад, от соблазна подальше.

Ушастый недотепа кинулся наутек, при этом нагло прорвавшись между лапами нашей охраны, следовавшей неподалеку, чтобы не мешать, но быть начеку. Шелест леса нарушил загадочный кашель, мы с Анфисой обернулись и увидели, что двое черных как смоль волков вдвое крупнее нас — Этьен и Поль — оказывается, так смеются... над нами.

Эх, неправильные мы волчицы, наверное. Охотиться не очень любим, как и убивать. Я плюхнулась на землю и прикрыла лапами морду, смущенно поглядывая на самцов. Теперь «закашлиали» и остальные сопровождающие, сотрясаясь всем телом. Анфиса боднула меня лбом в бок и, мотнув головой, потрусилась прочь от насмешников, гордо задрала морду вверх. Этьен тут же последовал за ней, пытаясь лизнуть в ухо. А взамен едва увернулся от клацнувших зубов.

Поль же навис надо мной, глядя умильно снисходительно. Этакая черная меховая громадина сначала ласково лизнул меня в мокрый нос, потом всю мою мордочку «вымыл». Я ответила тем же с не меньшим энтузиазмом. Моя животная половина гораздо проще человеческой приняла свою волчью половинку. И в тоже время именно сейчас мне открылось одна важная вещь: я приняла Поля полностью, всей душой. И один взгляд его льдистых голубых глаз заставляет трепетать мое сердце от счастья и возбуждения. Я села, изучая новый пейзаж, затем привалилась плечом к Полю, замершему рядом, готовому следовать за мной куда угодно и зачем угодно.

Позавчера Милана с подругами показывали нам с Аней все закоулки замка Морруа, вчера мы прогулялись под чертовски нервирующей меня охраной до большого, но уютного дома Этьена, который Анфиса с гораздо более живым интересом обследовала. Буквально обнюхала каждую комнату и уголок. И пока я играла с детьми в догонялки в саду, она с добровольными помощницами составляла список покупок. Хозяйка дома Моро загорелась желанием немного изменить интерьер и скорее перебраться в собственное логово. И ее

можно понять. А вот мне надо научиться жить с мыслью, что целое крыло замка теперь мое логово. Украшай — не хочу. Завтра пойдем смотреть дома для Влада и Василики, хотим найти для них самый лучший. А вот сегодня нам проводят экскурсию с целью знакомства со всей территорией клана Морруа. А она больша-а-ая!

Веры насторожились. Через минуту из ближайших кустов показался волк, твякнул и мотнул головой — настойчиво позвал за собой. И вся наша компания отправилась за ним. Мне почему-то тревожно стало. Что случилось такого, раз нас с прогулки вернули? Нервничая, я невольно прижималась к боку Поля, причем у меня это как-то совершенно естественно и неосознанно теперь выходило. Рядом с ним я ощущала себя в полной безопасности.

Опустив морду, посмотрела под ноги: мои лапки, ступающие по осеннему желто-зеленому покрову, прямо как детские, по сравнению с его крупными когтистыми лапами. Сильными, опасными для других лапами, но заботливыми и ласковыми для меня. Я почувствовала себя гораздо увереннее и спокойнее.

Поль повернул черную лобастую голову, внимательно посмотрел на меня. Видимо, моя попытка прижаться к нему во время бега не осталась незамеченной. Он остановился, замедлив всю группу, потерся носом о мой нос, затем лизнул, успокаивая. Слегка ощерился, показав здоровенные острые клыки, будто улыбнулся и снова побежал. Вот теперь я точно спокойна.

В раздевалке у черного входа мы с Аней переоделись первыми, подождали наших мужчин, затем направились в столовую, где, по сообщению охранника, нас ожидал глава.

В столовой нас ждал не просто сюрприз, а целый сюрпризище — Влад и Василика. Мы с Анфисой замерли, изумленно разглядывая неожиданно прибывших родных. Дед смотрел сурово, зачем-то поглаживая пальцами пояс на брюках.

— Ой, дедушка, — пискнула я, заискивающе улыбаясь и прячась за спину тетушки.

— Папулечка, а почему так скоро, вы же через неделю минимум должны были вернуться и... — Анфиса запнулась на полуслове, поняв, что не до «претензий» — пора прятаться, и быстро шмыгнула за спину Этьена, не забыв меня сдать: — Это не я, это все Алиска виновата!

Оставшись перед «лицом опасности», я судорожно осмотрелась и юркнула за Поля с воплем:

— А я замужем уже. И детей бить не педагогично.

Поль расхохотался, за ним рассмеялись все, кто находился в комнате. Василика покраснела с досады и на русском пожурила:

— Ань, ну ладно, Лиска — ребенок еще, но ты-то, ты... где были твои мозги? А сваливать на племянницу всю вину вообще не по-родственному.

Ее, как выяснилось, скажем, не очень разумная дочь, виновато рисуя что-то на плече у мужа пальчиком, пристыженно проямлила:

— А зачем папа ремень такой широкий надел? Он к этим брюкам не идет... совершенно!

— Эх... — махнул рукой Влад, — разве вас ремнем напугаешь, если вы обо всех предупреждениях забыли, стоило нам с Василикой за порог выйти.

— Не переживай, теперь за твоими девочками надежный присмотр обеспечен, — спокойно и даже с веселыми нотками в голосе подвел итог Тъери Морруа, сидевший за обеденным столом.

Мой всегда уверенный в себе, хитрющий и коварный дед с великим почтением посмотрел на главу клана. На миг прижавшись сильнее к руке улыбающегося Поля, я отстранилась и быстро подошла к Владу. Анфиса, видимо, подумала о том же, потому что возле родных мы оказались одновременно. Я обняла деда, а она мать, и обе в унисон обратились к Тъери:

— Мы маленькая семья, изгой в своих кланах, отреченные из-за любви. Мы Мишкины, нас всего четверо, но мы просим тебя, глава, принять нас в клан Морруа. Просим защиты клана, обязанностей, привилегий и дом.

Я ощутила, как вздрогнул Владислав, затем напрягся. Кажется, он ждал отказа. Ведь кто он такой, по сути? Обремененный женой бродяга, слишком молодой, без связей в мире оборотней. Похоронивший одну дочь и уже оставшийся без второй и внучки — нас же у него забрали. В чем его ценность для большого клана?

Тъери встал, шумно отодвинув стул. Я знала, была уверена, что он ответит «да», но волновалась не меньше дедушки и бабушки.

Глава клана Морруа удивил деда, как никто:

— Я сочту за честь присоединить ваш... клан к своему. Поделитесь частью обязанностей, обеспечить защитой, наградить привилегиями и предоставить вам дом. Старший рода, подойди!

Влад словно одеревенел, на негнущихся ногах обогнув стол, подошел к главе. Замер возле него и признал власть над собой — отклонил голову в сторону и назад, оголяя шею. Тъери кивнул, дальше двое высоких сильных мужчин крепко пожали друг другу руки.

Василика всхлипнула, прижала ладони к своему животу и прошептала с облегчением:

— Мой щенок будет расти в безопасности и с малых лет познает, что такое клан и родовое логово.

Мы с Анфисой потрясенно уставились на бабушку:

— Ты снова беременна?

Она смогла лишь коротко кивнуть, вытирая слезы. Мы с тетушкой радостно завопили, прыгая вокруг нашей мамочки, затискали ее. Довольный Влад смущенно глядел на устроенный нами женский переполох, на зятьев, которые втрое старше его, а бездетные.

— О, ты постарался! — слегка завистливо выразил общее мнение глава клана.

— Помимо детей я еще много чего умею, — неожиданно хохотнул Влад.

Теперь вместе с нами смеялись все.

— Пошли к нам в крыло, найдем вам комнаты, пока не выберете дом, заодно и с другими девочками познакомим, — подпрыгивая от нетерпения, потащила я бабушку за собой. Анфиса не отставала от нас.

— Алиса, может быть, вы нас представите? — вежливо, с улыбкой напомнил о себе Поль.

Мы с тетушкой замерли на полпути. Покраснели и чинно подвели родственницу к верам. Я взяла под руку Поля:

— Это — мой Поль Лазар Моруа, он кузен Тъери... э-э-э, главы клана. Именно из-за него я полезла на лесопилку, а заодно и Анфису потащила с собой.

— Мадам, я еще в вашем доме выяснил, в кого моя избранная родилась замечательной красавицей и умницей. Позвольте выразить вам свою бесконечную благодарность. Алиса — настоящее сокровище! — сделав галантный комплимент, Поль даже попытки не сделал прикоснуться к Василике.

Правильно сделал: во-первых, я напряглась, непонятно из-за чего только; во-вторых, Влад коршуном завис за спиной своей пары и пристально следил за мужчинами. Считай, потенциальными конкурентами.

— Владислав, я счастлив, что наш клан усилился еще одним достойным волком, — добавил Поль, глядя в глаза собеседнику. — Моя благодарность за Алису безмерна. Теперь мы одной крови, ведь в моих потомках кровь двух кланов смешается...

Поль протянул руку, и оба вера скрепили отношения рукопожатием. Очень крепким. При этом обменялись весьма красноречивыми взглядами. Надо полагать, за нами присмотр удвоят. Но как же приятно наблюдать за родными и любимыми, которые нашли общий язык и точки соприкосновения. Как занятно сравнивать матерого красивого Поля с Владом. Раньше я считала, что Влад — сильный, умудрённый жизненным опытом и прожитыми годами оборотень, но теперь вижу, что он действительно молод, слабее, чем находящиеся здесь веры. Поразительно.

Следом за Полем почти то же самое выказал Этьен, но не привыкшая к его жутковатым черным глазам Василика неосознанно поежилась. Анфиса-хитрюга ухмыльнулась — гордится, что отхватила себе такую солидную пару.

Завершив церемонии, мы, подхватив Василику под руки, утащили ее к себе, оставив мужчин обсуждать глобальные проблемы, политику кланов и организацию салона «Сваха». Оставшееся время прошло в приятных хлопотах и веселой суете, шумели и носились дети, туда-сюда сновало много народа. Огромный замок казался тесным.

За ужином бабушка и дед рассказали, почему быстро завершился таежный тур арабов. Мои рисунки не врут. Старый эмирец встретил-таки своего медведя и погиб в схватке с ним с улыбкой на устах. Всей группе пришлось спешно возвращаться, фиксировать смерть туриста на охоте. А дома родные встретили неожиданного гостя. К счастью, Климову удалось убедить Влада, что его девочек не похитили, а они сами и с большим энтузиазмом уехали. Сбежали, можно сказать. В общем, увлекательная вышла история.

Василика, я и Анфиса еще не привыкли к подобному ажиотажу в своей жизни, крутили головами, наблюдали за происходящим словно со стороны и откровенно любовались нашими мужчинами. И главное — именно сейчас я почувствовала себя вовлеченной в дружную семью. Причастной ко всем событиям, радостям и горестям. Поверила, что все это «мое». Полностью раскрылась, распахнула душу, чтобы принять новую жизнь.

Подошел Поль, извинился перед родственниками и, подхватив меня на руки, понес отдыхать. А я словно заново его увидела — родного, горячего, цельного, необходимого... любимого! Глаз не могла отвести, пока он поднимался по лестнице, шел коридорами в нашу часть, и представляла, что так будет много-много раз. Двери из мореного дуба я открыла сама, чтобы Поль торжественно внес меня внутрь.

Мой мужчина усадил меня на диван и принялся разжигать огонь в камине, а я продолжала любоваться им, «открыв» его для себя. Моя пара! Как много могут вместить всего два слова: целый мир!

Сидя на корточках у камина и наблюдая за разгорающимся пламенем, он неожиданно обернулся, посмотрел на меня. Четкий красивый профиль, прямой нос и чувственные губы. Трепещущие язычки огня играли тенями на его бледной коже, придавая мужественному облику таинственности. Широкая ладонь лежала на мускулистом бедре, обтянутом черными джинсами, во второй руке он держал щепку, постукивая ей по металлической решетке, будто нервничал.

Взглядом прошлась по мощному плечу и спине, когда он шевельнулся и мышцы пришли в движение, четче выделяясь под тонким джемпером. Меня буквально прошла мысль: «Какой же он невероятный, сексуальный, заботливый и весь мой». Я встала, сбросила обувь и, тихо ступая, направилась к нему.

— Ты замерзла? Хочешь поближе к огню? — вновь слегка обернувшись, мягко спросил Поль.

— Я замерзла без твоего тепла, — шепнула, опустившись на колени перед ним, обвила за шею и прижалась в груди.

Я почувствовала его удивление и вместе с тем горячий радостный отклик, ведь до этого инициативу проявлял Поль, а сейчас сама.

— Что-то случилось, маленькая? — осторожно спросил он. — Рассказывай, не стесняйся.

Я провела носом вдоль его шеи, жадно вдохнула, потом, чуть-чуть отстранившись, посмотрела ему в глаза и призналась:

— Просто сейчас поняла, что я тебя люблю!

Он молчал несколько секунд, лишь по широко распахнувшимся засветившимся глазам я поняла, что он слышал.

— По-взрослому? — спросил хрипло, но с наигранной смешинкой.

Недоверия и такой реакции на заветные слова я точно не ожидала. Нахмурилась и шлепнула его по плечу:

— Конечно!

Поль сгреб меня в охапку, поднялся на ноги и понес в спальню.

— Цыпленок, просто сегодня на прогулке я понял, насколько моя роза еще юная, щенок совсем.

— Ты уж определись, любимый, роза тебе досталась, щенок или домашняя птичка. А то вдруг чуть округлюсь и на куриные окорочка перейдешь, а это, честно сказать, не самое ласковое прозвище...

Утробный грудной смех Поля отозвался у меня внутри жаркой волной желания.

— Тогда, любимая — будет в самый раз, — касаясь моих губ, проказливо выдохнул Поль, укладывая меня на спину.

— Принимается, а то стал бы покойным американским президентом, — проворчала я, потянувшись к его одежде, скрывающей от меня стальную мощь любимого оборотня, чтобы содрать.

Нависнув надо мной, Поль немного оторопело приподнял брови:

— В каком смысле?

— В переносном, но очень ласковом. Прямо таким же, как цыпленок, — улыбнулась я.

И пока муж соображал, о чем речь, быстро сняла с себя брюки и свитер. Стоило моему второму размеру немного оголиться, он потерял интерес к поиску смысла в моих шутках.

Так нежно Поль еще ни разу меня не ласкал. В какой-то момент замер, посмотрел мне в глаза. Я не столько заметила, сколько ощутила, что его волк очень близко подобрался к «поверхности»: голубые глаза сузились и засияли. Прихватив мой подбородок пальцами, вглядываясь мне в глаза, он глухо произнес:

— Ты моя и я люблю тебя.

Я вздохнула, глубоко и свободно, не чувствуя неловкости или «пустоты» внутри. Меня переполняли эмоции и чувства.

— Я твоя! И я тоже люблю тебя.

Дальше оборотень потерял контроль и, как говорится, дорвался. Буквально выпил меня морально и физически. К утру дрожала каждая частичка моего тела от переизбытка ощущений и энергетического истощения. Кажется, это состояние души можно назвать: залюбили в ночь рождения нашей любви!

Шесть месяцев спустя...

— Я не знаю, какой взять, этот или этот? — озадачилась Анфиса, цепко держа в руках два глянцевых журнала.

Небольшой отдел печатных изданий в аэропорту Хитроу, впервые увидел столь щедрых покупателей. Этьен не захотел ждать еще полчаса, пока его жена выберет, что именно жаждет получить. Быстренько набрал в пакет все, чего она касалась, разглядывая, и шлепнул покупки перед продавщицей. Я же положила рядом пару открыток с видами Лондона. У меня их в чемодане штук сто уже лежит.

Мои мечты о свободе и желание повидать мир совпали с Анфисиными, поэтому наши мужчины любезно помогают им сбыться, не откладывая в долгий ящик. Милана с неожиданным энтузиазмом тоже напросилась в компанию, которая постепенно разрослась до размеров полноценной туристической группы. Теперь нас сопровождала два не третья клана, а оставшиеся в замке веры караулили «детский сад» под чутким руководством Жака и Рене.

Милана, будто невзначай, предложила поехать с нами в путешествие Джинксу, и тот до самого Лондона не догадывался, куда мы после направляемся. До сегодняшнего утра! Сейчас он нервно ходит перед магазинчиком и злится за промедление, но ведь не мы виноваты, что знаменитый лондонский туман не дает вылететь самолету клана.

— Ты не проголодалась? — шепнул мне на ухо Поль, обнимая за спину и разглядывая брелок, который я взяла посмотреть поближе.

— Нет пока, — я привычно подставила щеку, и муж поцеловал ее.

— А в туалет точно не хочешь? Или может воды купить? — еще через полминуты спросил он.

Я вернула брелок на место, развернулась в руках Поля и, задрвав голову, с любовью посмотрела ему в глаза. Потянулась за коротким поцелуем:

— Не беспокойся, пару часов ожидания, да еще в твоей компании, мне не в тягость.

— Вау, знакомые лица... — раздался снаружи веселый трубный бас.

Покупки мы уже оплатили, поэтому быстро вышли из павильона увидели рядом с Тьери и Миланой, в данный момент такой же праздно зеваки «а чтобы купить любопытного, но абсолютно ненужного», как и мы с Анфисой, группу незнакомцев. Ну прямо, трех «клонов», точнее, близнецов.

Огромные шкафоподобные веры с обманчиво-бесхитростными квадратными лицами, русыми густыми шевелюрами с легкой рыжиной. Только умные, живые, карие глаза выдавали, что товарищи не так просты, как может показаться на первый взгляд, и точно не молодняк.

— Макгранты! Трейс, Трент, Бранд, — позвольте вас познакомить...

— Не надо их знакомить, еще раз вряд ли увидимся, — буркнул Этьен, закрывая собой от настырно разглядывающих нас тройняшек Анфису.

Поль хмыкнул согласно, но моя пара, уже более-менее сносно относится к чужакам, появляющимся рядом со мной. Все-таки недавно заработавший салон «Сваха для оборотня» сыграл положительную роль. Правда, две недели назад муж чуть не разобрал салон по кирпичику. Пришел в неопишную ярость, когда кто-то не от большого ума, ночью под

вывеской добавил: «Хочешь в постели волосатого, брутального и неутомимого? Тебе сюда!». Не долго думая, Поль решил, что для настоящего вера это приглашение на секс. В общем, проект по «осчастливлению» вервольфов чуть не сорвался.

— Экий ты жадный стал, — продолжили развлекаться за чужой счет братцы. — Куда направляетесь?

— В Перу! — раздраженно ответил Джинкс. — И этот туман, проклятый Луной, совсем не ко времени...

— Очень торопитесь? — три пары одинаковых глаз подозрительно посмотрели на Джинкса, потом — на улыбающуюся Милану и, синхронно прищурившись, с почтением спросили у нее: — Леди, это вы его направили туда? Неужели повезло?

— А вы с какой стати здесь околачиваетесь? — безэмоционально поинтересовался Тъери, обнимая свою супругу.

Братья вмиг присмирели и на главу Морруа смотрели с бесконечным уважением.

— Нас послали...

— Закономерно, — подначил братьев Этьен.

Кажется, Трейс, с ехидцей взглянув на него, продолжил:

— Мы тут одного нарушившего клятву разыскиваем. Задолжал клану приличную сумму и решил сбежать, бедолага.

— Человек? — предположил Тъери.

— Да, глава, вы верно угадали, — кивнул Брандт.

И пока братья Макгранты из древнего шотландского клана в лицах рассказывали главе дружественного клана и, как оказалось, родственнику по линии супруги, о человеке, который решил обмануть целый клан обратной, я погрузилась в свои «счастливые» видения. Причем смотрела я сразу на троих, а картинка стремительно появлялась в моем уже немного потрепанном блокнотике одна.

— Опять накатило? — нарушила установившееся молчание Анфиса.

Представители моего клана знали, чем я занята, а вот Макгранты немного неловко переминались с ноги на ногу и недоуменно поглядывали на меня.

— Это она, да? — осторожно спросил Трейс.

— Вы ее на совете заявили как Алису Морруа? — подхватил Трент.

— Полукровка с даром? — почти испуганно выдохнул Бранд.

— Мы с ней идеальная пара, — широко улыбнулась Милана, честно признавшись верам. — Мальчики, я думаю, она изобразила пару кого-то из вас.

— Пару? — подобрались три шкафа и уставились на меня преданными плотоядными взглядами, помогая вернуться в реальность.

Моргнув несколько раз, внимательно рассматривая детали рисунка первой, я поймала себя на том, что широко улыбаюсь, но, прочитав информацию, посланную провидением, полностью, расстроилась: кому-то счастье, а кому-то потеря.

— Луна, почему она плачет? — почти в ужасе спросил Трейс. — Что с моей парой?

— Почему с твоей сразу? — рыкнул его брат слева.

— Любимая, покажи... — попросил Поль, потянув руку с блокнотом ближе к себе.

Вскоре целая толпа сгрудилась над небольшим рисунком, рассматривая больничную палату с тремя кюветами, в которых лежат три плачущих младенца. Еще совсем маленьких, но очаровательных и... одиноких. В этот раз судьба сжалилась над всеми нами, к стандартным «люлькам» прикреплены карточки с указанием попечительского заведения для

малюток отказников и персональных данных детей — девочек-тройняшек. Мало того — о, милостивая Луна! — в палате имеются большие часы, которые, впервые на моей памяти, показывают дату и время.

— Да это же сегодня! — взвизгнула Анфиса у меня над ухом.

— Они окажутся там через пятнадцать минут! — не менее взволнованно отреагировала Милана.

— Я знаю, где это место, — спокойно произнес Брандт, еще не догадываясь, что сейчас решается его судьба. — Милые малютки, а кто они?

Этьен не просто захохотал, он заржал как конь.

Поль с хохотом пояснил:

— Ваши пары... будущие. Крепитесь! А еще лучше, поторапливайтесь, у вас пятнадцать минут, чтобы добраться туда и заявить права на детей, вдруг... усыновят. Точнее, удочерят добрые... люди. Потом искать замучаетесь.

— Это шутка? — Трейс неуверенно улыбался, переводя взгляд с одного лица на другое.

Милана подошла к нему, положила ладонь на предплечье, вызвав у Тъери недовольный ревнивый рык, и пояснила:

— Нет, не шутка. У Алисы дар, она рисует чужое счастье. Вернее, момент встречи и как оно выглядит. Короче, не забивайте себе голову, просто поверьте мне, парни, и поспешите.

— Позвоните Изабель, она поможет с детьми, — неожиданно посоветовал Тъери.

Шотландские оборотни посмотрели прямо на меня расширившимися от волнения глазами:

— Это правда? Они наши?

Я виновато пожала плечами и кивнула:

— Вас трое, их тоже трое — природа любит шутить. Уж Мишинским ли не знать.

Пока Трейс и Трент хватали ртом воздух, более деятельный Брандт протянул лапищу и, благодарно кивнув, забрал листочек. Его братья быстро пришли в себя и подобно волкодавам, охраняющим своего хозяина, быстро направились за ним. О поисках вора они наверняка забыли.

— Сообщили, что погода летная, — объявил Джинкс, пока мы провожали спины братьев задумчивыми взглядами.

— Ну что ж, впереди нас ждет много чудесных открытий, — с улыбкой произнес Поль. — Пора бы к ним привыкать понемногу...

— А еще лучше, помогать чудесам случаться чаще.

— Согласен, счастья много не бывает... — под гомон довольных друзей и родных муж увлек меня к терминалу.

Любовь и даже чужая радость приносят счастье. Тогда любые проблемы пройдут стороной.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Конец